

ЛИТЕРАТУРНЫИ

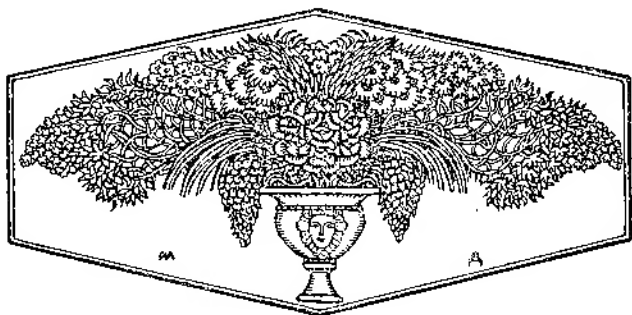
АЛЪМАНАХЪ

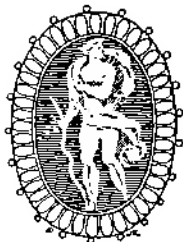
ИЗДАНИЕ

"АПОЛЛОНА"

Литературный

А Л Ъ М А Н А Х Ъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
'АПОЛЛОНЪ'

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1912

СТИХОТВОРЕНИЯ

Анны Ахматовой, К. Бальмонта, Александра Блока, Андрея Блага,
Н. Гумилева, М. Зенкевича, Incitatus, Сергѣя Клычкова, Николая Клюева,
М. Кузмина, Бенедикта Лившица, О. Мандельштама, М. Моравской,
Анри де Ренье (перев. Макс. Волошина).

Крoвь Марсіа

Какъ голoсъ водъ въ лѣсныхъ ключахъ различень,
 Такъ у деревь есть голoсъ — долгій, смутный...
 Прислушайся; у каждаго свой голoсъ въ вѣтрѣ.
 И стволъ нѣмой передаетъ листьѣ живой
 Подземныя слова своихъ глухихъ корней:
 Весь темный лѣсъ — одинъ широкошумный голoсъ.
 Прислушайся, какъ дубъ шумить, береза
 Лепечеть, замирая, глухо ропщутъ буки,
 И стонуть ясени, а бѣглый трепеть ивы
 Звучить почти какъ рѣчь невнятная,
 И слышатся въ порывахъ
 Морского вѣтра
 Таинственныя жалобы сосны...
 Ея кора и стволъ обгарены
 Горячей кровью бѣднаго сатира...

Марсіа!

Я зналъ и видѣлъ

Марсіа,

Чьей дерзкой флейтою была побита Лира.

Я видѣлъ, какъ онъ былъ привязанъ

Руками и ногами

Къ стволу сосны;

И рассказать могу

Что было

Межъ Богомъ и Сатиромъ,

Ибо видѣлъ,

Какъ онъ привязанъ былъ, ляпленный кожи,

Къ стволу сосны.

Онъ кротокъ былъ, задумчивъ, скрытенъ

И молчаливъ;

* Переводъ Максимилиана Волошина.

Малевкѣй и съ сильными ногами,
Съ ушами длинными, заостренными,
Съ темною бородкой,
Въ которой вились нити свѣдхъ волосъ.
Зубы были
Ровны, бѣлы, а смѣхъ его короткѣй, рѣдкѣй
Въ глазахъ свѣтился
Какой то ясностью —
Печальной и внезапной —
Молчаливой...
Ступаль онъ четко, сухо,
Ходилъ походкой быстрой и танцующей,
Какъ нѣкто, изъ глубинѣ себя несущій
Какую то большую радость, но молчащій.
Онъ рѣдко улыбался, говорилъ немного,
Поглаживая темную бородку,
Съ серебряною просвѣдою.

Въ дни осени,
Когда сатиры празднуютъ сборъ винограда
И пьютъ изъ бурдюковъ, и славятъ дивный плодъ,
И тамбуранъ
Гудятъ, грохочеть, бьеть;
Въ дни осени
Когда они танцуютъ,
Скача съ копыта на копыто, вокругъ
Большихъ амфоръ и краснаго точила,
Съ лозою межъ роговъ
И съ факеломъ въ рукахъ;
Въ дни осени
Когда всѣ пьяны, Марсѣй
За нихъ толпой
Шель легкими шажками, не мѣшаясь
Въ ихъ оргію;
И не алия
Струя вина его лохматой шерстя: онъ
Сорвавши гроздь, серьезный, свѣтъ на землю,
Бѣль осторожно ягоду за ягодой
И въ руку

Слевывалъ пустыл шкурки.

Онъ жилъ одинъ у роуди гулкнхъ сосенъ.

Была его пещера низка и глубока —
Въ плечѣ скалы у горваго ключа.
Въ ней помѣщалась
Постель изъ мха,
Глиняная чаша,
Миска деревянная,
Скамейка
И связка тростниковъ въ углу.
А рядомъ
Въ защитѣ отъ вѣтровъ,
Онъ, будучи искусенъ нъ плетеніи корзинъ
И лакомъ
До меда свѣжаго, поставилъ ульи.
И гуль роевъ сливался съ гуломъ сосенъ...
Такъ жилъ Марсій-Сатиръ.

Днемъ

Бродилъ онъ по полямъ, повсюду гдѣ текутъ
Подземныя, таинственныя воды;
Онъ вѣдалъ всѣ ключи:
Тѣ, что изъ скалъ сочатся за каплей капля,
Тѣ,
Что изъ песковъ бѣгутъ, и бьютъ въ травѣ,
Тѣ, что жемчужатся,
Тѣ, что кипятъ,
Обильныя, скупыя,
Истоки рѣкъ, начала ручейковъ,
Тѣ, что въ лѣсахъ, и тѣ, что на равнинѣ,
Священные ключи и сельскіе колодцы —
Онъ зналъ всѣ воды
Окрестности.

Марсій былъ искусенъ

Изъ тростника вырывать свирбли:
Умыль обрзвать
Въ должномъ мбств стволъ,
Чтобъ сталъ онъ
Слрниксомъ или флейтой;
Сдблать дырки для пальцевъ
И одну большую для губъ,
Смирнное дыханіе которыхъ
Вдругъ наполняло лбсь таинственною пбсвью,
Нежданною и чвстою,
И росло, смблялось, плакало, рвтало и шуршало.
Марсій былъ искусенъ и терблнвъ.
Онъ иногда работалъ на зарбъ или при лулбъ,
Поглаживая темную бородку,
Съ серебряною прсвбью.

Онъ звалъ прекрасно тысячи пріемовъ
Србзать тростникъ — короткій или длинный,
И о звукбъ:
Какъ сдбдуетъ прпставить губы, сдблать,
Чтобъ брызнулъ звукъ пронзительный и чистый,
Или вбжннй, или глухой, короткій или тихій,
Какъ сохранять дыханье,
Какъ сдббть,
Какъ ставить руки
Локтями внизъ,
И многое другое...

Онъ не любилъ играть, когда могли слышать.
Онъ никогда изъ грота не спускался,
Чтобъ вызывать на состязанье въ пбвнн
Окрестныхъ пастуховъ, какъ прочіе сатиры.
По вечерамъ, когда всб люди спали,
Беззвучно онъ скользилъ по влажнымъ травамъ
И уходилъ, порою до разсвбта
На склоны горъ, и сбвши тамъ межъ сосенъ,
Глядблъ, въ молчанн, въ безконечность, въ ночь...
И флейта лбсь дыланьемъ наполняла,

И чудо! — каждое казалось пѣло
Во мракѣ древно. Его такимъ я слышалъ.
И былъ великъ, таинственнѣе, прекраснѣе
Огромный лѣсъ, живущій въ малой флейтѣ,
Со всей своей душой, съ листвою, съ ключами,
И съ небомъ, и съ землею, и съ вѣтромъ.

Но тѣ, что слышала его,
Смѣялись, повторяя:
„Этотъ Марсій сошелъ съ ума,
Его напѣвы плачутъ, потомъ смѣются,
Вдругъ смолкаютъ, возникаютъ...
И, Богъ вѣсть почему,
Умолкнувъ, плачутъ снова“.
— „Онъ не умѣетъ пѣть по правиламъ,
И правъ, играя только для лѣсныхъ деревьевъ“.
Такъ говорилъ фавнъ Агестъ, — знаменитый
Пѣвецъ, завистливый соперникъ.
Онъ былъ старъ, имѣлъ одинъ лишь рогъ,
И не любилъ онъ
Марсія.

Въ то время Аполлонъ
Остановился, проходя стравною Аркадійскою,
На вѣскольцо часовъ у жителей Келены.
Былъ собранъ хлѣбъ и близки сборы
Винограда.
А такъ какъ грозди были тяжелы,
И полны житницы,
И всѣ довольны,
То съ радостью приветвовали Бога
Квартета.
Прекраснѣе былъ, столпшій въ дискѣ солнца,
Касаясь струнъ великолѣпнымъ жестомъ,
Надменный Богъ, торжественный, довольный
И царственный. Порою отиралъ
Онъ потъ съ чела. И струны лиры пѣли,
И черепаха рокотала глухо.

И гимнъ вставалъ, раздѣренный и строгій
Надъ мѣрною и пурпурной землею.
А лира пѣла подъ руками Бога,
Какъ бы охваченная пламенемъ...

Толпились всѣ кругомъ —
И пастухи, и пастыри,
Пастушки, рыболовы, дровосѣки
Слѣдили вокругъ него;
И я — старикъ — одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ,
Кто вѣкогда внималъ звукамъ
Великой Лиры.
И фавны, и сльваны, и сатиры
Окрестныхъ роцъ, равнинъ и горъ
Собились, чтобы послушать Аполлона.
Одинъ лишь Марсiй
Оставался на верху —
Въ пещерѣ,
И, лежа,
Слушалъ сосны, пчелъ и вѣтеръ.

О Марсiй!
Туда они пришли искать тебя...
Когда умолкла лира, всѣ хотѣли,
Чтобы Пѣвдѣ послушалъ нашихъ пѣсень.
И кто на дудочкѣ, а кто на флейтѣ,
Будили эхо.
По очереди каждый пѣлъ.
И доходили пѣсни до уха Бога —
Наявныя, глухія, грубыя.
Порою два пѣвца перекликались,
И пѣсни двухъ соперниковъ, смѣшаясь,
Фальшивили, и ритмы ихъ хромали.
А Аполловъ ихъ слушалъ благосклонный,
Безмолвный, стоя въ сѣнѣ солнечномъ,
Внимательный и къ пастухамъ, и къ фавнамъ,
Неутомимый, смислословный,
Безстрастный...

Пока не появился Агесъ. Былъ онъ старъ,
Морщинистъ, безголосъ, страдалъ одышкой,
А когда то искусень былъ на флейтѣ,
Но съ годами лишился силы пальцы. И когда
Беззубымъ ртомъ онъ дунулъ —
Изъ флейты знаменитой родился звукъ
Такой пронзительный и рѣжущій,
Что Аполлонъ не могъ не улыбнуться,
И сдѣлалъ видъ, что поправляетъ струны лиры.
Но старый Агесъ
Замѣталъ улыбку
И былъ разстроень.
,Разъ онъ улыбнулся, услышавъ меня,
Навѣрно разсѣется, услышавъ Марсіа', —
Подумалъ Агесъ,
И Богу о сатирѣ началъ говорить.
Какъ съѣвшій меда ужъ не помнитъ воска, —
Улыбку Лиришка, когда онъ разсѣется
Надъ Марсіемъ, —
Они забудутъ.

Онъ пришелъ.
Толпа раздалась,
Чтобъ пропустить его.
Онъ шелъ сбѣша,
Сухими, быстрыми, короткими шагами,
Какъ ибкто, кто торопится скорѣ кончить дѣло.
Онъ несъ съ собою флейту —
Маленькую,
Вѣрную,
Изъ одного куска.
Онъ сбѣлъ на землю противъ Аполлона,
Скромный, опустивъ глаза
Предъ Богомъ ослѣпительнымъ,
Стоявшимъ въ дискѣ солнца съ золотою лирой!

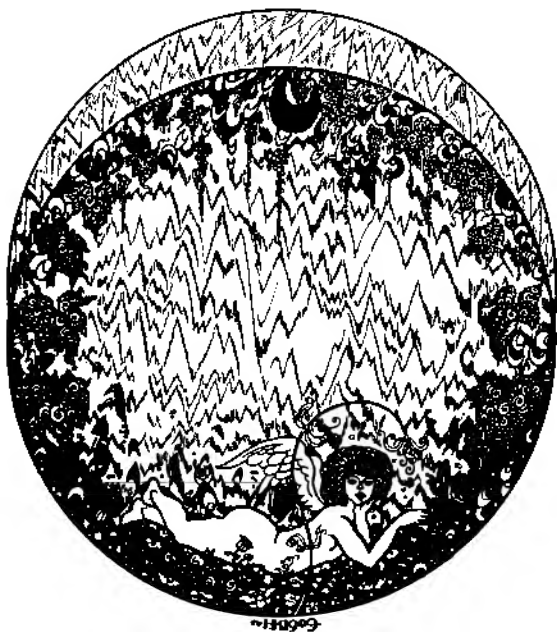
И онъ запѣлъ...
Сперва казалось

Какъ будто вѣтерокъ шуришитъ въ саду,
 Какъ будто воды текутъ въ травѣ или по пескамъ...
 Потомъ, какъ будто дождь, потоки, ливень...
 Потомъ, какъ будто, вѣтеръ или море, —
 Потомъ онъ замолчалъ... И снова флейта
 Запѣла ясно... Вдругъ мы услышали
 Жужжанье пчелъ, и ропотъ гулкихъ сосенъ...
 Покамбестъ иль онъ, обернувшись къ солнцу, —
 Свѣтило медленно закатывалось.
 И Аполлонъ теперь стоялъ въ тѣни,
 Обеззолоченный и сразу ставшій темнымъ
 Изъ свѣтлаго,
 Какъ будто вдругъ вошедшій изъ ночи.
 А Марсіи между тѣмъ,
 Ласкаемый послѣдними лучами,
 Азлившими лицо, багрянившими шерсть,
 Иль упоенный солнцемъ, и казалось,
 Что къ флейтѣ золотой онъ прижималъ уста.
 И слушали всѣ Марсію - Сатира.
 И пріоткрывши рты, всѣ ждали смѣха Бога,
 И смотрѣли на ликъ божественный,
 Который теперь
 Казался ликомъ ивднымъ.
 Вдругъ, ясными глазами на Бога глядя, Марсіи,
 На два куска сломалъ объ ногу флейту.
 Тогда огромный вопль — звѣриный, долгій,
 Вокль радости и гиканья восторга, топанье ногами
 Внезапно поднялось, и смолкли сразу,
 Потому что средь возгласовъ и смѣха
 Аполлонъ
 Стоялъ одинъ — жестокий и безмолвный
 И не смѣлся, все понявъ.

Марсіи говоритъ:

Пусть такъ! Онъ самъ хотѣлъ! Я побѣдитель Бога.
 Привѣтъ тебѣ, земля, такъ долго и такъ много
 Меня питавшая! Лѣса мои! Родникъ
 Течущихъ водъ, гдѣ я срѣзала сухой тростникъ,
 Въ которомъ трепетно смѣется и рыдаетъ

Мое дыханіе — растеть и ропщеть, тасть,
То всхлипами ручья, то шумами ливны.
Лица, надъ водами склонившагося, — вы
Ужь не увидите. МиѢ не слѣдуетъ глазами
Въ небесной слезѣ за стройными вѣтвями!
Накажетъ грозный Богъ Сатира. Върѣжетъ ножъ,
Мой мягкій бурый мѣхъ, слереть покровы кожъ,
Кроваая шерсть мою. Умру я. Но напрасно
Завистникъ царственный, соперникъ мой опасный,
Рукой неопытной палачаши свирѣль,
Мой голосъ отыскать захочеть... А теперь
Вы тѣло Марсіа, дрожащее отъ боли,
Изъ кожи вынете, зане, не все равно ли,
Что я уйду съ земли: мой голосъ не умреть,
Покаместъ вѣтръ морской изъ стволѣ сосны поеть.

Сонъ

Я видѣлъ сонъ: мы въ древнемъ склепѣ
Схоронены; а жизнь идетъ
Вверху — все громче, все нежданный;
И день послѣдній настаетъ.

Чуть брежитъ утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Надъ нами — красныя камня
И мавзолей изъ чугуна.

И Онъ идетъ изъ дышлой дали, —
И Ангелы съ мечами — съ Нимъ, —
Такой, какъ въ книгахъ мы читали,
Скучая и не вѣря имъ.

И слышу, мать мнѣ рядомъ шепчетъ:
— Мой сынъ, ты въ жизнь былъ силенъ:
— Нажми рукою сводъ покрѣпче,
— И камень будетъ отваленъ!⁴

Подъ аркою того же свода
Лежитъ спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочетъ воскресать она.

— Нѣтъ, мать. Я задохнулся въ гробѣ,
— И больше нѣтъ бывалыхъ силъ.
— Молитесь и просите объ,
— Чтобъ Ангелъ камень отвалилъ.

Все на землѣ умереть — и мать, и младость,
 Жена измѣнить и покинуть другъ.
 Но ты учись вкушать новую радость,
 Глядясь въ холодный и полярный кругъ.

Бери свой челнъ, плыви на дальній полюсъ
 Въ стѣнахъ изъ льда, — и тихо забывай,
 Какъ здѣсь страдали, гибли и боролись.
 И забывай страстей бывалыхъ край...

И къ вздрагиваньямъ медленнаго хлада
 Усталую ты душу приучи,
 Чтобъ было здѣсь ей ничего не надо,
 Когда отътуда рвнутся лучи!

Изъ поэмы „Новый Ролла“

1

Снизу доносится смутные шумы,
 Крикъ продавцовъ и шумъ каретъ.
 Тупо и тягостно тянутся думы,
 Въ будущемъ счастья сердцу нѣтъ.
 Какъ въ голубятиѣ, сяжу я въ свѣтелкѣ,
 Мимо бѣжить глухой Парижъ...
 Что соберешь сосуда осколки,
 Цѣлымъ разбитый вновь творишь?
 Вѣтеръ въ окошко мнѣ кылъ не доноситъ,
 Смокнувъ влаги колеса фуръ,
 Блѣдное золото вечеръ наброситъ
 На полъ, на столъ, на бѣлый шнуръ.
 Все, что минулося, снова всплываетъ,
 Въ этотъ прозрачный, свѣтлый часъ.
 Часъ одиночества, тотъ тебя знаетъ,
 Въ комъ навсегда огонь погасъ!

2

Какъ въ сердцѣ сумрачно и пусто!
 Въ грядущемъ — днѣй пустынныхъ рядъ.
 Судьба, — искусная Локуста, —
 Какъ горекъ твой смертельный лдъ!
 Не я ль, словамъ твоимъ послушенъ,
 Стоялъ часами на мосту?
 Но все жъ я не былъ малодушенъ,
 Не бросилъ жизни въ темноту.
 По небу пламеннымъ размахомъ
 Закатъ взвихрлся выше трубъ,
 Но я не сталъ бездушнымъ прахомъ:

Дышу, живу, ходячій трупъ.
Кто грудь мою мечемъ разрѣжетъ?
Кто вспрыснетъ влагою живой?
Когда заря въ ночи забрезжитъ,
Затеблю гдѣ свѣтильникъ слой?

3

Чья таинственная волл
Мнѣ въ пути тебя послала,
Странно другомъ нарекла?
Какъ утопанное поле,
Жизнь въ грядущемъ мнѣ предстала
И пустыней привлекла.
Такъ различны, такъ пескожи,
Сердца грустныя желанья,
Наши тайныя мечты, —
Но тѣмъ ближе, тѣмъ дороже
Мнѣ по улицамъ скитанья,
Гдѣ идешь со мною ты.
Вздохамъ горестнымъ помѣха
Чувствамъ сладостнымъ преграда, —
Сталъ сухой и горькій смѣхъ.
Какъ испорченное эхо,
Мнѣ на все твердить: не надо:
Вздохи, чувства — смертный грѣхъ.
Все, что мыслю, все, что знаю,
Я въ тебѣ ничтожнымъ вижу,
Будто въ вогнутомъ стеклѣ, —
Но очей не отираю
И судьбу свою приближу
Къ намагниченной иглѣ.
Словно злыми палачами
Къ труну вражьему прикованъ,
Я влчуся, самъ какъ трупъ,
И безнѣздными почвами
Я не буду расколдовать
Лрымъ ревомъ новыхъ трубъ.

Салопъ шумѣлъ веселымъ ульемъ,
 Въ дверяхъ мужчинъ тѣснился строй,
 Манилъ глаза жипой игрой
 Рядъ пышныхъ дамъ по желтымъ стульямъ.
 Къ кампу опериши, поэтъ
 Читалъ поэму томнымъ дѣвамъ;
 Старушки думали: ну гдѣ намъ
 Вздохнуть, какъ мы, ему въ отвѣтъ?⁶
 Въ длиннѣйшемъ сюртукѣ политикъ
 Юнцовъ гражданскихъ поучалъ,
 А въ креслѣ дѣдовскомъ скучалъ
 Озлобленный и хмурый критикъ.
 Сѣдой старикъ пенадалекѣ
 Велъ оживленную бесѣду,
 То наклонялся къ сосѣду,
 То прикасаяся къ рукѣ,
 А собесѣдникомъ послушнымъ
 Былъ изъ провинціи аббатъ,
 Въ рбнцахъ, низокъ и горбатъ,
 Съ лицомъ живымъ и простодушнымъ.
 Ихъ разговоръ меня привлекъ
 Какой-то странной остротою, —
 Такъ, утомленный тѣнотою,
 Влечется къ лампѣ мотылекъ.
 Но вдругъ живой мотивъ редовы⁶
 Задорно воздухъ пронизалъ, —
 И дамы высыпали въ залъ:
 Замужнія, дѣвицы, вдовы.
 Шуршанье платьевъ, звяки шпоръ,
 Жемчужныхъ плечъ и рукъ мельканье,
 Эстретокъ бойкое блистанье,
 И взгляды страстные въ упоръ...
 Духовъ и тѣлъ томящій запахъ,
 Какъ облакъ душной поднялся,
 А разговоръ межъ тѣмъ велся
 О власти Рима и о папахъ.
 И старца пламенная рѣчь
 Такииъ огнемъ была повята,

Что, мнилось, можетъ изъ гранита
Родникъ живительный изсѣчь.
И я, смущенье одолевъ,
Спросилъ у спутника: „кто это?“
Сквозь стекла поглядѣвъ лорнета,
Онъ отвѣчалъ: „Де-Мэстръ, Жозефъ“.

5

Письмо любви! о пальцы женскихъ рукъ,
Дрожали ль вы, владя печать цѣлбвную?
Какъ безъ участья тотъ конвертъ мнѣю,
Гдѣ спятъ признанья, дѣвичій испугъ!
А можетъ быть, кокетка записная
Обдуманый, холодный приговоръ
Прислала мнѣ, и блещетъ зоркій взоръ,
Заранѣе свою побѣду звалъ?
Зовете вы любя, или не любя, —
Что мнѣ до васъ: одна, другая, третья?
Ахъ, не могу огнемъ былымъ горѣть я
И не хочу обманывать себя.
Я не сорву заманчивой печати,
Гдѣ сердце со стрѣлой и голубки...
Слова любви, вы — сладки и гибки,
Но я — ужъ не боецъ любовной рати.

Пряжа сновъ

Пряжа сновъ, то нитя длинныя
Переливчатыхъ цвѣтовъ,
Сочетавъ безпричинныя,
Умъ ихъ прядь всегда готовъ.

Чуть коснешься мыслью ткущую
Этой пряжи, — и на ней
Вылгъ, мнимою бѣгущюю,
Встанеть сказка старыхъ дѣй.

Тронеть грезомъ усталую
Малый алый лепестокъ, —
Вдругъ, легендой запоздалою,
Всклипнетъ лютя. Сонъ глубокъ.

Сонъ — узывчивость зеркальнство,
Блѣдный теремъ въ глубинѣ,
Всѣ нащавныя печальности
Въ радость тлутся во снѣ.

I

Есть край, гдѣ бѣлый замокъ
Въ пучину быющихъ водъ
Зубцами сѣрыхъ башенъ
Глядитъ — который годъ!

Его сжигаетъ солнце,
Его дожди сѣкутъ...
Есть королева въ замкѣ,
И есть горбатый шутъ.

Прищелкивая звонко
Трескучимъ бубенцомъ,
Докучно вырастаетъ
На выступѣ сѣдомъ.

Струюю красной къ вѣтеръ
Атласный плащъ летитъ:
На каменныхъ отявсахъ
Подолу шутъ сидитъ.

И долго, долго смотритъ
На западъ огневой;
Въ вечерніе туманы
Колпакъ подкинетъ свой.

Изъ каменныхъ пробоннъ
Взлетаетъ стая совъ,
Когда несется съ башни
Трубы далекій ревъ.

II

Въ тяжелый, знойный полдень,
Таясь въ тѣни аркадъ,

Выходить королева
Послужать трескъ дикадъ;

Изъ блещущихъ травнокъ,
Изъ росянистыхъ пней
Небесною коровкой
Цвѣтокъ съвется ей.

Едва она сломала
Высокій стебелекъ —
,О, королева, вспомни!
Пролетала цвѣтокъ;

Едва она сломала
Высокій стебелекъ —
Кипучею струею
Ей въ очи брызнулъ сокъ:

Блестя, зацѣли воды,
Окрестность, лугъ, цвѣты;
Зацѣли старинный вѣтеръ:
,О вспомни, вспомни ты!...

Прошелъ родимый замокъ,
Какъ облако, надъ ней
Зубцами сѣрыхъ башенъ:
Растаялъ въ безднѣ дней.

III

Изъ за цвѣтовъ лиловыхъ
Грозился старый шутъ;
Надъ ней, какъ адскій пламень,
Мелькнулъ его лоскутъ.

На солнечныя травы
Упала тѣнь горбомъ,
И тѣневая руки
Качалась надъ цвѣткомъ;

Беззвучно колыбалась
Хохочущая груда;
Бубенчики зазвѣли:
„Забудь, забудь, забудь“.

Какъ змѣи, шелестѣли
Въ тяжелый зной ластки;
На башенныхъ окошцахъ
Блещули огоньки;

Горбатый, сѣрый замокъ
Надъ лугомъ въ бѣлый день
Крыломъ непопыривымъ
Раззвѣлять злую тѣнь.

Очулась королева.
Всему — конецъ, конецъ:
Разбейся же, о сердце,
Трескучій бубенецъ!

Ты, одуванчикъ-счастье,
Пушишкой облетаи:
Пошла, роняя слезы,
На бѣлый горюстай.

Отмахиваясь вѣткой
Отъ блестящихъ стрекозъ,
За шей сѣдой наслѣшникъ
Тяжелый шлейфъ понесъ:

Качались стебелечки
Плѣнительныхъ вербѣнъ
Между атласныхъ, черныхъ
Обтянутыхъ колѣнъ.

iv

Потокъ рыдаетъ вѣной,
Клокочетъ бездной днѣй...

Въ рѣшетчатая окна
Влетаетъ снопъ огней.

О, королева, вспомни
Голубевкѣй цвѣтокъ. —
И надъ тобою дрогнетъ
Твердыней вставшій рокъ.

Расплачется въ воротахъ
Заржавленный засовъ:
Пернатый, ясный рыцарь
Летитъ изъ тьмы вѣковъ;

Конемъ кидаясь въ солнце
Надъ пвнистымъ ручьемъ,
Гремитъ трубою въ вѣтеръ,
Блестаетъ въ даль копьемъ;

Дрожащій лучъ играетъ
Упадъ изъ за плеча
Голубоватой сталью
На остріѣ меча;

И бросило забрала
Литое серебро
Косматымъ, бѣлымъ дымомъ
Летящее перо:

И плещется поюна
За гривистымъ конемъ
Малиновымъ, тяжелымъ
Протянутымъ крыломъ.

v

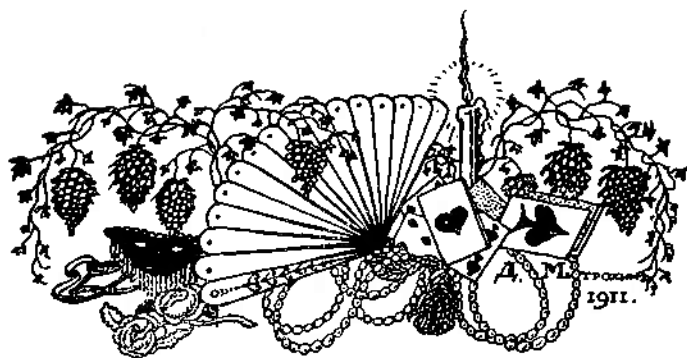
Есть край, гдѣ старый замокъ
Въ пучину быющихъ водъ
Зубцами сѣрыхъ баиенъ
Глядитъ — который годъ.

Его сжигает солнце
Его дождя сбивуть...
Есть королева въ замкѣ;
И есть горбатый шутъ.

Съ вершины мшистой башни
Гремитъ въ закатъ труба,
И надъ мостомъ чугуинымъ
Мельзаетъ тѣнь горба.

И за стѣной зубчатой
Докушый бѣсъ минутъ
Трещеткой деревянной
Отсчитываетъ шутъ.

О, королева, близко
Спасеніе твоё:
Въ чугуиный ворота
Ударилось копьё.

Сонъ

Вы сегодня такъ красивы,
Что вы видѣли во снѣ? —
— „Берегъ, явы
При лунѣ“. —

А еще? Къ ночному склону
Не приходять, не любя.
— „Дездемону
И себѣ“. —

Вы глядите такъ несмыло,
Кто тамъ былъ за купой вѣ? —
— „Былъ Отелло...
Онъ красивъ“. —

Былъ ли онъ васъ двухъ достоинъ,
Былъ ли онъ какъ лунный свѣтъ? —
— „Да, онъ поэтъ
И поэтъ“. —

О какой же силѣ онъ шмыб
Неоткрытой красотѣ? —
— „О пустынь
И мечтѣ“. —

И вы слушали влюбленно,
Нѣжной грусти не тая? —
— „Дездемона,
Но не я“. —

Мнѣ не нравится томность
 Вашихъ скрещенныхъ рукъ,
 И спокойная скромность,
 И стыдливый яслугъ.

Герония романовъ Тургенева,
 Вы надменны, вѣжны и чисты,
 Въ васъ такъ много безбурно-осенняго
 Отъ аллей, гдѣ кружатъ листья.

Никогда ничему не повѣрите,
 Прежде чѣмъ не сочтете, не смѣрите;
 Никогда никуда не пойдете,
 Коль на картѣ путей не найдете!

И намъ чуждъ тотъ безумный охотникъ,
 Что, взойдя на нагую скалу,
 Въ пыломъ счастья, въ тоскѣ безотчетной,
 Прямо въ солнце пускаетъ стрѣлу.

*

Вечерній медленный паукъ
 Въ трави сплетаетъ паутину, —
 Надежды знакъ. Но, милый другъ,
 Я взора на него не кину.

Всю обольстительность надеждъ,
 Не жизнь, а только сонъ о жизни,
 Я оставляю для невѣждъ,
 Для сонныхъ ежуховъ и слизней.

Мое 'сегодня' на мечту
 Не промѣняю я и знаю,
 Что муки ада предпочту
 Лишь общаемому раю, —

Чтобъ въ часъ, когда могильный мракъ
Вольется въ сомкнутыя вѣжды,
Не засмѣлся мнѣ червякъ,
Паучьи высосавъ надежды.

*

Я жду, исполненный укоровъ:
Но не веселюю жену
Для задушевныхъ разговоровъ
О томъ, что было въ старину.

И не любовницу. — Мнѣ скученъ
Ихъ робкій шепотъ, томный взоръ,
Я къ упоеньямъ ихъ приученъ,
Меня не дразнить ихъ позоръ.

Я жду товарища, отъ Бога
Въ вѣкахъ дарованнаго мнѣ,
За то, что я томился много
По вышнѣ и тишинѣ.

И какъ преступлень оный, суровый,
Коль вѣчность промѣнялъ на часъ,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующія насъ!

*

Какою музыкой мой слухъ взволнованъ?
Чѣмъ страннымъ обликкомъ я зачарованъ?

Душа прохладная, теперь опять
Ты мнѣ позволила желать и ждать.

Душа просторная, какъ утромъ даль,
Ты убаюкала мою печаль.

Ее, любимую дорогу въ храмъ,
Сложу молитвенно къ твоимъ ногамъ.

Все, все, что искралось въ моей судьбѣ,
Все, все пропѣтое, тебѣ, тебѣ!

*

Вотъ я одинъ въ вечерній тихій часъ
Я буду думать лишь о васъ, о васъ.

Возьмусь за книгу, но прочту ,она',
И вновь души пьява, обожжена.

И брошусь на раскрытую кровать,
Подушка жжетъ, нѣтъ, мнѣ не спать, а ждать!

И, крадучись, я подойду къ окну,
На дымный лугъ взгляну и на луну.

Вотъ тамъ, у липъ, вы мнѣ сказали ,да'...
О, это ,да', со мною навсегда.

.

И вдругъ сознанье бросаю мнѣ въ отвѣтъ,
Что васъ, покорной, не было и нѣтъ.

Что ваше ,да', вашъ трепетъ, у сосны
Вашъ поцѣлуй — лишь бредъ весны и сны.

*

Я въ коридорѣ дней сомкнутыхъ,
Гдѣ даже небо тяжкій гнетъ:
Смотрю въ вѣка, живу въ минутахъ,
Но жду Субботы изъ Субботъ,

— Конца тревогамъ и удачамъ,
Слѣбнымъ блужданіямъ души...
О день, когда я буду зрячимъ
И странно-звоящимъ, сбѣши!

Все, что пугало, расколдуя,
Все, что дразнило, улова,
Благословлю я золотую
Дорогу къ солнцу отъ червя.

И тотъ, кто шелъ со мною рядомъ
Въ громахъ и кроткой тишинѣ,
Кто былъ жестокъ къ моимъ усладамъ,
Но ясно-милостивъ къ вишѣ,

Училъ молчать, хотѣть, бороться,
Всея древней мудрости земля,—
Положить посохъ, обернется
И звонко крикнетъ: „мы пришли!“

Походъ

Александра Македонскаго въ Индію

1

Не вяжяпи проризапяямъ маговъ,
Черезъ камни и солончаки
Безумецъ Александръ отъ даговъ
Повель на Индію полки.

Достигнуть Индъ. И всѣ рассказы,
И сказки превзошла она —
Тягучихъ ядовъ и заразы,
Огня и золота страна.

И Портъ бѣжалъ съ нестройнымъ скопомъ...
Но были греки смущены,
Когда вдругъ ринулись галопомъ,
Въ шеренгу выстроясь, слоны.

Все было странно — средь болота
Рабами запряженный плугъ,
И пестрыхъ тигровъ позолота,
Красиблющая сквозь бамбукъ;

И дѣвушки — ихъ поступь строже
Медлительной походки жриць,
Но какъ у змѣй — отливъ кожи,
И точно когти сгвбъ рѣсницъ.

Зачѣмъ, какъ въ шумныя Аоины
Ораторы и мудрецы,
Въ угрюмый лѣсъ бѣгутъ брамины,
Полубезумные жрецы?

И через тинистая рѣки
И желтый, какъ парча туманъ,
Съ веселымъ шумомъ плыли греки
Видъ по теченью къ океану.

И часто призракъ прориданій
Имъ виденъ былъ на берегу —
Брамми Нирвану созерцаній
Пріявшій въ пламенномъ кругу.

Сгущался воздухъ испареньемъ,
Гудѣли древніе лѣса,
И греки туго, со смущеньемъ,
Натягивали паруса.

II

Походъ законченъ. И отъ устья
Съ добычей флотъ повелъ Непархъ,
Но страшень въ ярости и грусти
На буйныхъ оргіяхъ мовархъ.

Отравленный страню чумной,
Ея дыханіемъ сожженъ,
Онь ночью крикомъ, какъ безумный,
Все гонять прочь какой-то сонъ.

И на пирахъ стрѣлой звенящей, —
Нежданныхъ молній остріе —
Въ рукѣ царя сверкаетъ чаще
Окровавленное копье.

Онь съ колесницы грознымъ взглядомъ
Еще влечетъ черезъ пески,
Отравленные скрытымъ ядомъ,
Свои тяжелые полки.

Но не ворота Геркулеса —
Предѣлы покоренныхъ странъ,

Ворота темнаго Айдеса
Ему откроеть океанъ.

Уже измученный страстями
Безславно палъ Гефестіонъ
И просмоленными стѣнами
Вдали чернѣеть Вавлонъ...

1909 г.

Мясные ряды

Скрипятъ желѣзные крюки и блоки,
И туши вверхъ и внизъ сползати должны.
Подъ блѣдною плевою кровоподтеки
И внутренности изсвѣтны-черны.

Все просто такъ! Мы — люди, въ вашей власти —
У этой скользкой смоченной доски
Уродливо-обрубленные части
Ножами рвать на красные куски.

И чудится, — что въ золотомъ эфирѣ
И пахнетъ, какъ мясо, вѣшаютъ вѣсы,
И такъ же чашки ржавы, тѣжки гяри,
И такъ же алчно крохи лижутъ псы.

И какъ и здѣсь, рѣшающимъ привѣскомъ
Такіе жъ жилистые мясники
Бросаютъ на желѣзо съ легкимъ трескомъ
Отъ сала свѣтлые золотники...

Прости, Господь! Ужель съ полдневнымъ жаромъ,
Когда отъ тушъ исходитъ тяжело духъ,
И тамъ, какъ здѣсь, надъ смолкнувшимъ базаромъ
Лишь засверкають стан лишкыхъ мухъ?

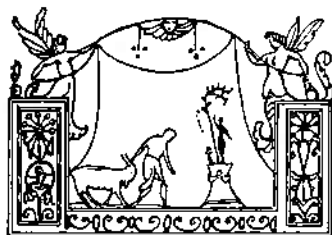
Бова на разсвѣтѣ

М. П. Чайковскому

Въ дальней, дальней сторонѣ,
Гдѣ снѣгасть спиева,
Гдѣ спибеть Торова,
Въ красномъ, лисемъ зипунѣ
Выбъзжаетъ на ковѣ
Изъ грозѣвыхъ тучъ Бова...

Звѣздъ высокихъ полоса
Колосится подъ луной,
Подъ туманной пеленой
Близко у моря лѣса,
Надъ вспѣвнною волной
Облака, какъ паруса...

И стучить студеныи ключъ
Въ звонкомъ, горномъ хрусталѣ,
И сверкаетъ булава,
И, спускаясь по скалѣ,
Выбъзжаетъ изъ-за тучъ
Къ морю сипему Бова...

П ѣ с н и

Д ѣ в и ч ь я

Вы бѣла - румяны мои,
Дорогія, новокупленные,

На меду - вишѣ развоженные,
На бѣло лицо положенныя,

Разгоритесь заревѣтомъ на щекахъ,
Алымъ макомъ на дѣвическихъ устахъ,

Чтобъ пригоже меня, краше не было
Супротивницамъ-подруженькамъ на зло.

Ужъ я выйду на широкую гульбу —
Про свою людямъ повѣдаю судьбу:

Вы не зарьтесь на жарь-попымя румянъ,
Не глядите на парчевый сарафанъ.

Скоро дѣвушку въ полонъ заполонитъ
Во пустынь тихозвонный, бѣлый скитъ.

Скятной ягодѣ не скрыться при пути, —
Отъ любви дѣвкѣ сердца не спасти.

Т е р е м н а я

Какъ во нашей ли деревнѣ —
Въ развеселой слободѣ,
Быль дѣтина, какъ малина,
Тонкоплечъ и чернобровъ,

Овъ головушкой покоревъ,
Сердцемъ-попымемъ ретивъ,

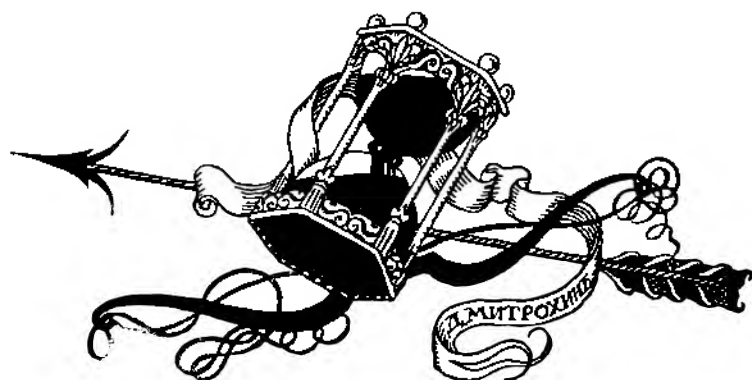
Дозволения ожениться
У родителя просить.

На кручинное моление
Не отвѣтствовалъ отецъ —
Тѣмъ на утреннемъ пролетѣ
Сиза голубя сгубилъ.

У студеного поморья,
На пустынномъ берегу,
Сыиъ подъ елью въ темной кельѣ
Поселился навсегда.

Иногда въ келья строгой
На уклонъ выходить онъ
Поглядѣть, какъ стелеть море
По набережью туманъ.

Какъ плывутъ надъ моремъ тучи,
Волны буйныя шумять,
О любви, о кручинѣ,
О разлукѣ говорить.

Павлинье перо

Аллея тонкоствольныхъ зеленыхъ тополей,
Аллея, озаренная малиновой зарей;
А тамъ вдали — подножья отхлынувшихъ морей,
Пески ее встрѣчаютъ злобѣщей чешуей.

Пустыня золотисто-коричневыхъ песковъ;
Въ пустынькѣ око озера — какъ синій лабрадоръ,
А тамъ, за своимъ пустыни, цвѣтенія луговъ
Кольцомъ росистой зелени замкнули кругозоръ.

И пальцы зорь малиновыхъ къ землѣ устремлены;
Звенить по струнамъ красокъ ихъ тихая игра,
И взоръ мой встопыла, какъ причудливые сны,
Болѣзненная пышность павлиньяго пера.

*

Голубые лютики разсыпала луна
По ночному бархату рѣки.
Голубые лютики — я пльвиная — должна
Заплетать въ скользящія вѣйки.

Я молила — блѣдная, съ мертвящей душой, —
Непреклонно - властную луну:
Пусть не маять лютики дорогой голубой,
Пусть не маять лютики ко дну!

Но палаты лушья — глухи и далеки,
И кляня всеильную луну,
Собираю лютики по бархату рѣки,
Собирая лютики, тону...

*

Скудный лучъ, холодной вѣрою,
Свѣтъ свѣтъ въ сыромъ лѣсу.
Я печаль, какъ птицу сбрую,
Въ сердцѣ медленно несу.

Что мнѣ дѣлать съ птицей раненой,
Твердь умолкла, умерла.
Съ колокольни отуманенной
Кто-то снялъ колокола.

И стоять освотѣлая,
И вѣвая вышина —
Какъ пустая башня бѣлая,
Гдѣ туманъ и тишина.

Утро вѣжностью бездонное —
Полу-явь и полу-сонъ;
Забьете неутоленное,
Думъ туманный перезвонъ...

*

Осенній сумракъ — ржавое желѣзо —
Скрипнуть, поеть и развѣдаетъ влоть...
Что весь соблазнъ и всѣ богатства Креза,
Предъ лезвиемъ твоей тоски, Господь?

Я, какъ змѣей танцующей, измученъ
И передъ ней, тоскуя, трепещу.
Я не хочу души своей излучинъ
И разума, и Музы не хочу.

Достаточно лукавыхъ отрицаній
Распутывать извилистый клубокъ;
Нѣтъ стройныхъ словъ для жалобъ и признаній,
И кубокъ мой тяжелъ и не глубокъ.

Къ чему дышать? На жесткихъ камняхъ пляшеть
Больной удавъ, свиваясь и клубясь;
Качается, и стащъ свой опояшетъ,
И падаетъ, внезапно утомясь.

И, бесполезно, нажавунѣ казни,
Виднѣемъ и пѣнѣемъ потрясенъ,
Я слушаю, какъ узникъ, безъ болзни
Желѣза визгъ и вѣтра темный стонъ.

*

Въ самомъ себѣ, какъ змѣй, таюсь,
Вокругъ себя, какъ плющъ, вѣсь,
Я поднимаюсь надъ собою, —

Себя хочу, къ себѣ лечу,
Брылами темными плещу,
Расширенными надъ подою;

И, какъ испуганный орелъ,
Вернувшись, больше не нашель
Гнѣзда, сорвавшася въ бездну, —

Омоюсь молніи огнемъ,
И, заклиная тяжкій громъ,
Въ холодномъ облакѣ исчезну!

Въ Царскомъ Селѣ

I

По аллеѣ проводятъ лошадокъ...
Длины волны расчесанныхъ гривъ.
О, плѣнительный городъ загадокъ,
Я печальна, тебя люблю и въ.

Страшно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась въ предсмертномъ бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Какъ мой розовый другъ какаду.

Грудь предчувствіемъ боли не сжата,
Если хочешь, въ глаза погляди.
Не люблю только... часъ предъ закатомъ,
Вѣтеръ съ моря и слово 'уйди'.

II

...А тамъ мой мраморный двойникъ,
Поверженный подъ старымъ кленомъ,
Озернымъ водамъ отдавъ ликъ,
Внимаетъ шорохамъ зеленымъ.

И моютъ свѣтлые дожди
Его запекшуюся рану.
Холодный, бѣлый, подожди —
Я тоже мраморною стану.

О не вздыхайте обо мнѣ —
 Печаль преступна и напрасна,
 Я здѣсь на сѣромъ полотнѣ
 Возникла странно и неясно.

Взлетѣвшихъ рукъ изломъ больной,
 Въ глазахъ улыбка преступленья, —
 Я не могла бы стать иной
 Предъ горькимъ часомъ наслажденья.

Онъ такъ хотѣлъ, онъ такъ велѣлъ
 Словами мертвыми и злыми.
 Мой ротъ тревожно звалъ
 И щеки стали снѣговыми.

И вѣтъ грѣха въ его вянѣ...
 Ушелъ, глядитъ въ глаза другіе;
 Но ничего не снится мнѣ
 Въ моей предсмертной летаргіи.

Маскарадъ въ паркѣ

Луна осѣщаетъ карнизы,
 Блуждаетъ по гребнямъ рѣки...
 Холодные руки маркизы
 Такъ ароматно-легки.

„О, принцъ!“ — и жеманно присѣла —
 „Въ кадрили вы наняъ vis-à-vis!“...
 И томно подъ маской блѣдѣла
 Отъ первыхъ предчувствій любви.

Входъ скрылъ серебрищійся тополь
 И вязко спадающій хмѣль.
 „Багдадъ или Константинополь
 Я вамъ завоюю, ma belle“.

„Какъ вы улыбаетесь рѣдко,
Васъ странно, маркиза, обнять!⁴
Темно и прохладно въ бесѣдѣ.
Ну что-же? Пора танцовать?⁵

Выходить: на вязахъ, на венахъ
Цветные дрожатъ фонари.
Двѣ дамы въ одеждахъ зеленыхъ
Съ монахами держать пари.

И блѣдный, съ букетомъ азалий
Ихъ смѣломъ встрѣчаетъ Пьеро:
„Мой принцъ, о, не вы ли сломали
На шляпѣ маркизы перо?⁶

Закатное рондо

О сердце вечера, осеняго, какъ я,
 Пришедшее сказать, что умерли гобой
 За сѣрою рѣвкой, — иѣмого, какъ ладья,
 Въ которой павшіе закатные герои
 Уплыли медленно въ подземные крал, —

Ты все изранено: стальныя лезвія —
 Ахъ, слишкомъ раннія! — возникли надъ тобою
 И мной — Офеліей — и кровь твоя — мол,
 О сердце вечера!

Изнеможенное, темнѣешь ты, лія
 Рубиновую смерть на граніи, на левкои,
 За мною слѣдуешь въ безмолвные покоя, —
 И вспыхиваетъ въ нихъ кровавая семья
 Забытыхъ призраковъ, зловѣще вопія,
 О сердце вечера!...

Послѣдній фавнъ

Въ цилиндрѣ и пальто, онъ такъ неразговорчивъ,
 Всегда веселый фавнъ... Я слѣдую за нимъ
 По грязнымъ уллицамъ, и оба мы хранимъ
 Молчаніе... Но вдругъ — при свѣтѣ газа — скорчимъ

Смѣшную рожу, онъ напоминаетъ миѣ:
 Товарищъ, будь готовъ: послѣдній смитъ Элады
 Тебѣ откроетъ міръ, гдѣ древнія услады
 Еще не умерли, гдѣ въ радостномъ огнѣ

Еще цвѣтеть, цвѣтеть божественное тѣло!
 Я тороплю, и вотъ — у цѣли мы. Несмѣло
 Толкаю дверь: — оркестръ, столы, сигарный дымъ,

И въ морѣ черныхъ спичъ — рубиновая пѣна —
 Пылаютъ женщины видѣній Вавъ-Донгэпа,
 И бурый скачетъ въ залъ козленкомъ молодымъ!

Вечеръ

За тридцать лѣтъ, я плугомъ ветерана
Провелъ ряды неясчислимыхъ грядъ,
Но старыхъ ранъ рубцы еще горять
И умреть еще какъ будто рано.

Вотъ почему, въ поляхъ Медиолана
Люблю грозы молниенный раскатъ.
Въ тревогѣ облаковъ — я слушать радъ
Далекій гулъ небеснаго тарана.

Темнѣетъ день. Слышишь птичій грай,
Со всѣхъ сторонъ шумитъ дремучій край,
Гдѣ залегли злобѣщие драконы...

Въ провалы тучъ, въ зіяющій взломъ
За медленнымъ и золотымъ орломъ
Пылающіе идутъ легионы.

Августъ

Въ твоемъ холодномъ сердцѣ мудреца
Трибунъ и жрецъ и цензоръ — совѣстится,
Ты Кассія заставилъ удавиться
И римлянамъ остался — за отца.

Но ты имѣлъ придворнаго льстеца
Горація — и многое простится...
И не надѣлъ, лукавая лисца,
Ни затканныхъ одеждъ, ни багреца.

Пасется волъ надъ прахомъ Мецената,
Растетъ трава. Но звонкая цитата
Порою вьетъ лавровые вѣнки.

Пусть глубока народная обίδα!
Какъ мѣрный плескъ серебряной рѣки —
Твой острый слухъ пѣвца Энеида.

Toga virilis

На площадяхъ одно лишь слово — „Даки“!
Самъ Цезарь — вождь. Заброшены вѣйки.
Среди дворовъ — военные рожки,
Сіяеть мѣдъ и ластятся собаки.

Я грежу на яву: вдутъ рубаки,
И по колѣна тина и пески,
Горять костры на берегу рѣки,
Мы переходимъ бродъ въ вечернежъ мракѣ!

Но надо ждать. Еще Домпцианъ
Вершитъ свой судъ надъ горстью христіанъ,
Бунтующихъ народные кварталы.

Я никогда не пробовалъ меча,
Нетерпѣливый — чувалъ зудъ плеча,
И только вчужѣ сердце клокотало.

*

Изгнанники, изъ тьмы пещеръ
Мы провожали жаднымъ взглядомъ
По морю яркому надменный бѣгъ галеръ,
Пересѣгавшихъ къ Симплегадамъ.

Исчезли. Взоръ блуждаетъ, тушь.
Печаль поетъ свои литіи.
Но въ криптахъ памяти воскресла радость трубъ?
Аргира въ бармахъ Византіи.

Подъ истязаньями веригъ
Зажглись языческія ласки.
Побѣды вспомнились разубранныхъ квадригъ,
Пирова полночныя пляски.

Какъ будто въ позабытый скитъ—
Въ пустыню камешнаго зноя,
Стопою легкою императрица Зоя,
Вошла — и сердце беречь.

Возрожденіе

Я обругалъ родную мать.
Спустилъ хозяйскіе опалы.
И преходилось удирать
Отъ взбѣшеннаго принципала.

Полураздѣтый, я заснулъ
Голодный, злой, въ абруцкой чашѣ,—
И молвій блескъ, и бури гулъ,
Но сердцу — стало какъ то слаще.

И долго, талый по горамъ
Скакалъ и прыгалъ я, какъ серна.
Но призываюсь, по вечерамъ
На сердцѣ становилось скверно.

Съ холодныхъ и сырыхъ вершинъ
Спустишь ли въ отчюю долину?
Отдастъ ли розгамъ блудный сынъ
Свою озябцующую спину?

Нѣтъ. Забывая эту ширь,
Гдѣ облака бѣгутъ такъ низко,
Стучись, смиренный, въ монастырь
Страннопріимнаго Франциска.

Довѣрье, ласка пришлецу.
Меня берутъ — сперва какъ служку.
Пасу овецъ, или отцу
Несу обѣденную кружку.

На все распредѣленный день:
Доить коровъ и ставить хлѣбы,
И для сосѣднихъ деревень
Вершатъ молитвенныя требы,

Или на сводчатой стѣнѣ
Рисуютъ ангельскія кудри...
А послѣ мессы, въ тишинѣ —
Дѣла еще смиренномудрбіи.

Постятся. Спаржа и шиннатъ,
Лишь изрѣдка крутятъ яйца.
Изъ мяса же они ѣдятъ —
И тоже рѣдко — только зайца.

Послушенъ, кротокъ, умиленъ
Ищу стигматъ на грѣбномъ тѣлѣ.
Дни чисты. Разумъ усмирень,
И свидѣнья просвѣтлѣли.

На пятый мѣсяцъ, наконецъ,
Дрожить рука — берусь за кистя.
Ее, гонящую овецъ,
Господь — направи и очисти!

Ползкомъ вдоль монастырскихъ стѣнъ,
На ризахъ подновляю блики.
Счищаю плѣсень: Бдикій тѣлѣ
Попортилъ праведные яки.

Мадонна въ гаснущей зарѣ.
Святой Францискъ, солтой Лаврентій,
И надпись на серебряѣ
На взрывающейся лентѣ.

Или съ востова короли
Въ одеждѣ празднично-убранной
Въ чалмахъ и перьяхъ — повезли
Христу подарокъ филигранный.

Пли подь самымъ потолокомъ,
Гдѣ ангель замыкаетъ фреску,
Рисую печеромъ, тайкомъ,
Черноволосую Францеску.

INCITATUS

S A B I N U L A

РАЗСКАЗЪ

ПРЕДСЛОВІЕ

Повѣсть эта, написанная языкомъ серебряной, я бы сказалъ — оловянной, латыни и найденная недавно въ библіотекѣ покойнаго Кардинала Бабіея, — очевидно, подѣлка. Авторъ, въ лицѣ цезаря, хотя и отдастъ должное доблестямъ римскаго имени, но чудовищные анахронизмы, незваніе основныхъ событій эпохи 12-ти императоровъ, дряблость, проглядывающая въ духѣ героизма, также и легкомысленное отношеніе къ богамъ, — главнымъ же образомъ непонятный поступокъ Публия Агриколы, — взобличаютъ въ немъ современнаго римлянина, за мнимымъ презрѣніемъ къ Эллинамъ скрывающаго собственное безсиліе — а именно неудачнаго подражателя Лукіана.

Эразмъ Роттердамскій.

P. S. Я сказалъ бы, что повѣсть написана самимъ Бабіею — если бы желалъ нанести тягчайшее оскорбленіе его памяти.

Рабы въ сѣверныхъ латифундіяхъ наконецъ возстали. Изъ Каппадокіи, съ Понта, изъ Панноніи и Мазіи скакали гонцы съ тревожными слухами. Починя засѣданія Сената были бурны. На улицахъ сновали занавѣшенные носилки, окруженные факельщиками. Ковница ковала коней. Императоръ былъ спокоенъ и съ обычной тщательностью принималъ доклады, диктовалъ секретарю, сообщался съ легатами. Его видѣли почти каждый день, идущаго черезъ форумъ и, по прежнему, безъ свиты. Въ храмѣ Весты огонь горѣлъ ясно и ровно — но зори были красны.

Первою мыслью Аппія была забота о матери и сестрѣ, жившихъ въ провинціаль-ныхъ земляхъ около Каннъ. Мѣсто знаменитаго пораженія поросло виноградни-ками сосѣда-ветерана; матрона слылъ отличной хозяйкой, рабы сыты, а потому надежны, но Аппій боялся общаго состоянія края, разореннаго буйнымъ передви-женіемъ легионовъ изъ Галліи въ Галлію Цизальпинскую и обратно.

Онъ собрался въ тотъ же день и верхомъ, съ запасной лошадыю, пустился въ путь, остерегаясь, дабы не портить копытъ, влечь по каменной дорогѣ и выбра-рая мягкую землю сосѣднихъ проторенныхъ тропинокъ, параллельныхъ римскому сооруженію. Навстрѣчу попадались всадники и пѣшеходы, телѣги и солдаты, но возбужденія не было замѣтно. Все это были люди, видимо, занятые своимъ дѣ-ломъ, чуждые государственной тревоги. Одни везли припасы и олощи, другіе были торговцами шерсти. О возстаніи было извѣстно, главнымъ образомъ, въ Сенатѣ и черезъ Сенатъ. Оно вспыхнуло въ мѣстахъ, истощенныхъ засухой и правя-телями послѣдняго царствованія. Теперь они засѣдали въ Сенатѣ и первые забили тревогу.

Аппій недавно кончилъ школу и собирался въ Милетъ, дабы усовершенствоваться въ ораторскомъ искусствѣ, а оттуда въ Афины и Коринтъ, — когда отецъ его внезапно умеръ. Это обстоятельство задержало его въ городѣ. Отецъ, старый всад-никъ, имѣлъ несчастную страсть къ костюмъ и другимъ азартнымъ играмъ, какъ зараза, занесеннымъ къ намъ съ востока и изъ Египта. Около 600 тысячъ сестер-цій долга были результатомъ этого старческаго увлеченія. Нужно было платить и вычислять проценты, торговаться съ ростовщиками и ростовщицами. Друзья покойнаго приняли Аппія сухо. Послѣ перваго посѣщенія онъ къ нимъ болѣе не возвращался. Одинъ Тацитъ, старикъ, писавшій свои записки, оказался вѣрнымъ памятникомъ друга. Онъ предложилъ Аппію сумму, необходимую для первыхъ же шаговъ. Этотъ Тацитъ жилъ одними воспоминавіями и въ деньгахъ нуждался только поскольку они обезпечивали ему свободу. Говорили, что за послѣдній царствованія онъ насмотрѣлся всякой всячины и спѣшилъ записать все, что видѣлъ и слышалъ; говорили также, что въ своихъ запискахъ онъ относится не-

милосердно къ памяти императрицы Агриппы и сваянство на приверженцевъ. Попелъ возстаніе испанскихъ легионовъ и самую смерть императора Нерона.

Упавшіе съ чеба, или скорбе изъ тартара, долги отца совершенно измѣнили плавы и надежды Аппія. Онъ рѣшился сдѣлаться купцомъ. Это не только давало ему возможность развязаться съ кредиторами, но и видѣть страны, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ нѣмъ жило семейство, въ-сколько поколѣній занимавшееся торговлей литаремъ. Это были потомки кароагенскихъ плѣнниковъ (или выходцевъ — какъ они себя называли), богатые и смѣлые люди. Цѣлый міръ морской, опасной торговли и морскихъ, диковинныхъ приключеній, выносливости и храбрости. Аппій нравился старому купцу своимъ честнымъ и мужественнымъ видомъ. Вотъ, думалъ онъ, кому поручить корабль, кто былъ бы отличнымъ морякомъ въ сѣверномъ морѣ. Но не смѣлъ предложить это молодому римлянину, гордо завернутому въ плащъ и также замкнуто переносишему свои невзгоды. Случай свелъ ихъ и они быстро сошлись: Аппію обѣщана была половина выручки — Проклъ снарядилъ корабль.

Первое время Аппію, конечно, предстояло только плавать и учиться. Онъ былъ съ молодю привычекъ къ морю, и сложная паука паруса была ему отчасти извѣстна, но школьныхъ занятій давно отъзвѣдилъ его отъ прогулокъ по морю, ранившимъ утромъ, съ рыбаками-приятелями. Теперь старый Проклъ самъ брался нести корабль и увозилъ его для начала — простымъ матросомъ.

Извѣстіе о бунтѣ услышалъ Аппій за мѣсяць до отъѣзда и спѣшилъ перевести старуху-мать въ городъ — или на виллу Тацита.

II

Мѣняя попеременно шагъ лошади, заставляя ее то бѣжать рысью, то идти шагомъ, ночуя въ дымяхъ крестьянскихъ хижинахъ, на четвертый день, въ ясный зимній вечеръ, Аппій прискакалъ въ Лауданумъ, и стучался у родной двери. Запахъ сунныхъ грушъ и стараго дерева охватилъ его, но ему было не до воспоминаній. Мать и сестра непрерывно бросились ему на шею и тотчасъ рассказали ужасныя новости. Управителя сосѣдней латифундіи убили наканунѣ: залилъ горло оловомъ — то на сѣверѣ, то на востокѣ. Аппій почувствовалъ себя забывателемъ и велѣлъ готовить повозки, слѣдующимъ же утромъ намѣреаясь возвращаться. Матронѣ Клавдіи тяжело было бросать насиженное гнѣздо. Амбары были полны ишепцы, прѣлки работали. Но взглянувъ на Сабину — она рѣшилась выбраться въ безопасное мѣсто. Несчастія всегда приходятъ сразу, и бѣдная вдова, истратившая свои слезы на оплакиваніе мужа, сурово молчала, укладывая Аппія и кутая его въ шерстяное одѣяло.

Обратное путешествіе было другого рода. Люди поспѣшно гнали стада по наиравленію къ югу, ругаясь и щелкая бичами. Повозки, наполненные испуганными людьми, старались перегнать одна другую. Солдаты останавливали и спрашивали имена путешественниковъ. Наконецъ, на четвертый день, уже около Сапы, послышался топотъ безчисленныхъ копытъ — это шелъ второй легионъ, на каравоныхъ коняхъ, блестя мѣдью и лязгая оружіемъ. Аппій былъ пораженъ блѣдыми лицами молодыхъ начальниковъ, скакавшихъ по бокамъ отряда. Многие изъ нихъ были его товарищи. Сыновья сенаторовъ и богатыхъ вольвоотпущенниковъ, изгнанные городской обстановкой — они любили кровь, которую видѣли въ циркѣ, и ненавидѣли войну, отвлекавшую ихъ отъ города. Женщины глядѣли на солдатъ, бородатыхъ и, въ самомъ дѣлѣ, страшныхъ. Трубы играли, чтобы заглушать мысли, противныя дисциплинѣ, и воодушевить всадниковъ, неохотно двигавшихся въ предпріятіе, не сулившее имъ ни добычи, ни триумфа въ городѣ. Ормы блестя на короткихъ древкахъ передъ сухошавымъ легатомъ, родственникомъ новой династіи. Аппій думалъ, что живетъ въ скверное время, когда легионы устремляются не на варваровъ, а противъ возставшей черни. Ему вспоминалась свѣщенная пмена Сципіоновъ, Цезаря, Августа и онъ кусалъ губы, созная ничтожество своего поколѣнія.

Сабина думала о другомъ. Ей весело было увидѣть Капитолій, Циркъ, Пантеонъ Агриппы — все, о чемъ она насыщалась съ ранняго дѣтства. Сердце ея билось подъ коричневымъ платьемъ домашней пряжи. Она заглядывалась на солдатъ, на молодого легата, на голубыя очертанія Кампаньи, виллы, бѣлѣвнія въ облетѣлыхъ рощахъ, вдыхала въ себя свѣжій воздухъ и слобый запахъ италіанской зимы. Небо было сине и весело. На деревьяхъ бѣлыми полосами лежалъ снѣгъ, по дорогѣ уже обратившійся въ грязь. Бѣлки прыгали съ вѣтки на вѣтку. Свири щелкали въ кустахъ. Иногда, когда путешественники подымались въ гору, проглядывало, какъ свѣтлый сафиръ, Тиренское море, блестя и радуясь мартовскому солнцу.

III

Пригородная вилла Тацита была стараго образца, какъ самъ Тацитъ — стараго закала. Она, тѣмъ не менѣе, поразила провинціалокъ своимъ великолѣвіемъ. Особенно восхищались ихъ фонтанъ, стоявшій посреди двора и не замерзавшій, въ то время какъ вода мерзла и въ Тибрѣ, и въ цистернахъ. Сабина издумала умыться, но ледяныя капли, какъ острія — ранили ея щеки. Старикъ долго смѣлся, — онъ велѣлъ приготовить ей воды, уже стоявшей въ домѣ и которую въ городѣ называли 'комнатной'. Патриціанки въ городѣ мылись не иначе, какъ водой, нѣсколько разогрѣтой въ котлахъ, но Тацитъ не любилъ этихъ новшествъ, хорошихъ старшій римскій духъ.

Тацитъ радъ былъ прїезду матроны Клавдіи, которой уже собирався читать отрывки изъ своихъ нескончаемыхъ воспоминаній. Онъ избѣгалъ читать ихъ въ городѣ, чтобы не нажить враговъ: тамъ часто упоминались родственники и друзья еще здравствующихъ гражданъ — и въ связи съ ужасными преступленіями. Онъ боялся также двора, ревниво охранявшаго свои тайны и грозившаго ссылкой на берега Дунай всякому, кто посягалъ на престолъ императорской власти. Еще недавно въ обществѣ говорили о ивъкомѣ Оамдіи, — молодомъ повѣсѣ, кажется, написавшемъ пасквиль на Ливію, жену божественнаго Августа — и никогда имъ не прощеннаго. Потомъ, во времена послѣднихъ Юліевъ, когда Императоры Калигула, Клавдій и Неронъ послѣдовательно занимали тронъ въ воображеніе римлянъ, — о немъ забыли. Но Тацитъ, принадлежавшій еще къ поколѣнію Овидія, и по сю пору хранилъ прелестныя его метаморфозы, сказки, которыми бѣдняга тѣшилъ себя во время ссылки.

Вечеромъ пришли къ Тациту ивкто Ветулій, старый магистратъ, начавшій службу еще во времена Тиберія, и молодой Публій Агрикола; это были люди иврные. Ветулій сообщалъ новости: Маркъ Целій получалъ Африку. Тацитъ негодовалъ: государство, по его мнѣнію, было не обществомъ взаимнаго страхованія прожившихся спекулянтовъ, а божество, которому служить, умывъ руки. Целій задугалъ свои собственныя дѣла и запутаетъ государственныя, къ тому же жена его была изъ первыхъ шеголахъ Рима. Подобныя назначенія были еще понижы во времена Нерона и Вителія. Онъ удивлялся, какъ Веспасіанъ такъ быстро поддадалъ влиянію легкомысленной клики кутилъ и модницъ.

Молодой рабъ принесъ вино и воду, винныя ягоды и сушеный виноградъ. Удаливъ его, Тацитъ и гости усѣлись вокругъ бронзоваго столика. Чтеніе началось.

Сабина еле сдерживала смѣхъ. У Ветулія была волчанка, и носъ его походилъ на красную дулю. Но матрона Клавдія посмотрѣла на дочь — и та затихла.

Старикъ читалъ неясно и неразборчиво вещи довольно скучныя, правда, изложенныя языкомъ сжатымъ и точнымъ. Ветулій одобрительно качалъ головою и иногда вставлялъ замѣчанія. Дѣло шло о воспитаніи Нерона, о воспитателѣ его Сенекѣ, о Юніи Силанѣ и первыхъ, благихъ начинаніяхъ царствованія: Неронъ вернулъ Сенату права, поправилъ его предшественниками, послалъ Корнулона консуломъ въ Арменію, обмѣнялся заложниками съ Вологезами (чѣмъ обезпечилъ благосостояніе этой далекой окривы), милосердно простилъ преступниковъ. Потомъ шло увещаніе Актеей, вольноотпущенной...

Сабина слушала и дремала. Публій Агрикола слушалъ и смотрѣлъ на Сабину, деревенская свѣжестъ которой была рѣдкостью въ городѣ, гдѣ даже дѣвушки проводили безъ сна цѣлыя ночи. Клавдія думала о бѣдахъ, могущихъ обрушиться на Лаудавумъ, и всю свою надежду полагала на милосердіе боговъ и Юноны, ко-

торую особенно чтла, а также на преданность своей фамили. Аппій думалъ о морѣ в свреняхъ, голосомъ завлекающихъ моряковъ, совершенно забывая пхъ чешуйчатая ребра. Наконецъ, глаза у всѣхъ начали слипаться. Тацитъ прекратилъ чтеніе.

Блаженная ласточка, послѣ перелета находящая свое прошлогоднее гнѣздо; козы, подъ охраной опытнаго пастуха. Тряпды благословенъ путешественникъ, послѣ утомительнаго пути, граднѣ и пропзынающаго вѣтра, толчковъ и дребезжанія колесъ — чувствующій теплоту одѣла въ гостепріимной кровати. Гдѣ-то шумитъ городъ, — это жаровня, полная раскаленныхъ угольевъ, или скорѣе, фешакъ, постоянно воскресающій изъ пепла. Гдѣ-то слышим оклики вооруженнаго разѣзда второй стражи — но Сабина спитъ. Сонъ ея ровенъ, какъ полетъ Меркурія, когда онъ, совершивъ удачную кражу — летитъ покупать серьги своей возлюбленной.

IV

Спокойствіе императора было паружимъ. Въ сущности цезарь былъ встревоженъ. И не столько дурными извѣстіями съ сѣвера и послѣдними донесеніями съ Понта, и изъ Каппадокіи и Испаніи, не столько слухами о послѣднемъ вооруженіи македонскаго Антиоха — всей этой, въ сущности, обычной тряской государственнаго корабля. Его беспокоили событія на парянской границѣ. Легатъ Минуцій былъ, правда, человѣкомъ опытнымъ въ осадныхъ работахъ, но повичокъ въ войнахъ съ парянами, гдѣ сомкнутый строй легионеровъ долженъ былъ противустать быстротѣ и варварской назойливости азиатской конницы. Къ тому же, любовь Минуція къ нарядамъ, не покидавшая его въ лагеряхъ, бѣсила строгаго солдата. Онъ готовъ былъ свалить на замысловатую прическу вождя всю затыжку позорнаго похода, и даже возстаніе Италійскаго сѣвера.

Образъ жизни императора былъ самый простой. Его даже обвиняли въ скупости. Стовки признали бы его своимъ, хотя онъ и былъ чуждъ моднымъ теченіямъ философіи. Онъ вставалъ съ солнцемъ, бралъ ежедневно, стоя, и, по походной привычкѣ, безъ зеркала. Былъ два блюда, изъ которыхъ одно было непременно овсянкой. Динтовалъ. Наконецъ гулялъ въ садахъ, окружавшихъ дворецъ, въ настоящее время запущенныхъ въ видахъ государственной экономіи. Сонмище статуй, высѣченныхъ изъ обидіана (прихоть императора Нерона), глядѣло изъ красноватыхъ кустарниковъ, увязанныхъ бѣлыми ягодами. Ибисы, поднесенные Калигулѣ александрійскими жидами еще въ посольство Филова, зябко прохаживались у выложенныхъ плитамъ прудовъ. Но многія просѣки лѣтомъ заростали подорожникомъ. Поля, багровѣющія красными розами, перемежались съ шиповникомъ. Грубой полевой макъ душилъ рѣдчайшіе цвѣты — сирійскіе нарциссы и голубыя лиліи. Сельское эхо своевольно поселилось въ рощахъ, недавно оглашавшихся криками.

Пивъ торжественно качался въ умолкнувшемъ, влажномъ воздухѣ, но пруды каждою осенью были полны ржавыхъ, огненныхъ и коричневыхъ листьевъ, мѣшавшихся съ бѣлыми отраженіями облаковъ; плещъ съ одинаковою посѣбшностью обивался и вокругъ стату Венеры Наклоненной, и вокругъ Палпы Фессалійскаго героя. Императора, какъ техникачески удачно разрѣшенная задача, занимала воды, заполнившія протоки, прыгавшія со ступени на ступень, дробившіяся водометами, извергавшіяся изъ каменныхъ расщеливъ и разинутыхъ пастей тусклой кованной мѣди, попеременно то темныя и молчаливыя, то свѣтлыя и звонкія,—затѣя, стоявшая немногочисленныхъ трудовъ, такъ какъ трубы ведены были на разстояніи въсколькихъ тысячъ стадій, изъ горнаго озера.

Ежедневно отправлялся онъ въ Сенатъ, засѣданія котораго дляяся довольно долго. Сегодня только что назначенный Целій, еще наканунѣ проигравшій порядочную сумму какому-то знатному греку, по торговымъ дѣламъ прѣбывавшему въ городѣ, съ серіозностью, свойственною римлянамъ и столь изумляющею грековъ и варяровъ, разспрашивалъ сенаторовъ, уже побывавшихъ въ Африкѣ. Целій входилъ во всѣ подробности. Тѣ совѣтовали не довѣряться мѣстнымъ поставщикамъ, кляузникамъ и доносчикамъ, по возможности забрать все необходимое въ городѣ. Но Целій оставлялъ жену и отправлялся налегкѣ. Говорилъ, что это временное вдовство и было причиной, что онъ пріялъ назначеніе, въ сущности не особенно выгодное.

При входѣ цезаря встали. Неронъ, и особенно Калигула, пріучили Сенатъ къ подобоострастнымъ знакамъ почтительности. Императоръ, правда, не принадлежалъ къ демагогамъ, унижающимъ высшіе классы, но привычка, какъ однажды проложенныя на тогѣ складки, дѣлала свое дѣло.

Краткимъ движеніемъ императоръ просилъ продолжать засѣданіе, свѣтъ и слушать. Здоровье его рѣшительно расшатывалось. Ему пора было ѣхать въ Байи, слѣдить на солнцѣ и лечиться ваннами и массажемъ, недавно изобрѣтеннымъ въ Сибарисѣ. Большимъ пальцемъ и различными движеніями ладони, пунтикъ брался за исцѣленіе болѣзней и самой старости. Но въ ранніе весенніе дни ванны были невозможностью. *Taedium vitae* — проклятый спутникъ римскаго одряхлѣнія, съ каждымъ днемъ, какъ ржавчина, охватывало императора, переживаюаго за послѣдніе годы крайнее напряженіе воли. Кромѣ дѣлъ, входившихъ въ прямую компетенцію его власти, теперь слѣдилъ онъ за кладкой новаго амфитеатра, громадныхъ размѣровъ, также за постройкой тибуларіума на форумѣ. Очистка Остіи отъ песка, затрудняющаго подвозъ сицилійской пшеницы, кодифкація эдиктовъ прошлыхъ царствованій и согласованіе ихъ, выучка и наборъ молодыхъ легионеровъ, доставка лошадей изъ Паноніи, новыя катапульты, такъ незамѣтно усиливающія дѣйствіе римской пѣхоты, наконецъ воспитаніе молодежи — будучи пристальными трудами порознь — были только малыми звеньями его державной заботливости. Въ программы школъ въ царствованіе Нероново вкралось много лишняго. Будущихъ

рубакъ заставляли учить Одиссею, греческіе стихи. Правила реторики, конечно необходимыя оратору, должны были, по мнѣнію императора, быть достояніемъ меньшинства, предназначеннаго для власти. Реторика, какъ и всякое философствованіе, вносила въ народныя массы раздраженіе, отучая отъ повиновенія.

Но императоръ чувствовалъ, что вниманіе его и память, когда-то столь дѣтскія, ослабѣвали. Сынь его не радовала. Онъ считалъ его недостойнымъ занять отцовское кресло, доставшееся съ бою. Жена — умерла отъ водянки, вслѣдствіе ушиба, много лѣтъ назадъ, и онъ неоднократно думалъ о ней, когда сну мѣшали припадки хворости. Охота была недоступна, какъ требующая свободнаго времени. Два друга заходили играть въ шахматы — единственная игра, которую цезарь выносилъ. По вечерамъ смотрѣлъ фокусниковъ или слушалъ арфистовъ, игравшихъ попеременно и до тѣхъ поръ, пока онъ не засыпалъ.

У

Римская любовь не походитъ на любовь греческую, гдѣ-нибудь на Критѣ или въ пѣвженной Александріи. Это не воркованіе голубковъ, гомозящихся въ душѣ стараго тополя, въ тепломъ сіяніи мѣсяца, ласкающихъ другъ дружку прикосновеніями крылышекъ. Любовь въ городѣ — скорѣе внезапный голодъ барса, который, уставъ послѣ зимнихъ набѣговъ, ложится на молодую траву, спитъ, и вдругъ, раскрывъ глаза, замѣчаетъ золотую шею и лѣтнюю походку подруги, скользящую вдоль огулки.

Публій Агрикола началъ каждый день ходить къ Тациту, даже предлагалъ писать подъ диктовку. Разговаривалъ съ матроной Клавдіей о различныхъ сортахъ яблонь, которыя та насадила въ Лауданумѣ, а съ Аппіемъ — о сварженіи корабля. Но себѣ не признавался въ родившемся чувствѣ. Имя Сабинны, однако, какъ серебряный браслетъ, брошенный на дно источника, блестятъ на днѣ души. Молодость его промелькнула въ походахъ и онъ почти не зналъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе, боялся быть обманутымъ. Вечеромъ онъ ходилъ по форуму, какъ шалый, страхась встрѣтить нилосея лицо; ночью, какъ полагается влюбленному, ворочался въ постели; утромъ ходилъ мимо занавѣшенныхъ оконъ дома Тацитова. Въ полдень, глядя на солнце, молился Юпитеру и Венерѣ, испраивая единой милости. Наконецъ, рѣшился и признался первому встрѣчному.

Дядуль, бывалый римлянинъ, началъ давать совѣты, рассчитанные на низкую душу женщины, аленую до шарядовъ и побрякушекъ. Совѣтовалъ одарить и матрону Клавдію, не заглядывать къ Тациту ежеминутно, а промежуточными в расчетными отсутствіями завладѣть воображеніемъ вамѣченной жертвы. Совѣтовалъ также быть гладко выбритымъ и слѣдить за чистотой ногтей.

Эти совѣты были противны Агриколѣ.

Ашій, весь погруженный въ подготовленіе плаванія, ничего не видѣлъ. Прокль посылалъ его покупать металлическія зеркала, красныя и снѣгія бусы, куски цвѣтныхъ и недорогихъ матеріи, также гвозди и топоры. Самъ смозлъ судно. Корабль стоялъ въ Остіи, куда патронъ окончательно переселился, поручивъ Ашію дѣлать закупки въ городѣ. Прочность корабельнаго дна казалась ему важнѣе доброкачественности предметовъ, предназначавшихся для дикарей — Бриттовъ и Батавовъ. Янтарь получалъ онъ изъ третьихъ рукъ у устьевъ Ренуса, куда привозили его мѣстные промышленники изъ странъ — уже гинерборейскихъ.

Но старики переглядывались между собою и были довольны. Матрона Клавдія, утомленная горемъ — ждала счастливаго событія. Почтенное прошлое семьи Агриколы и его почтительная обходительность со старшими, общала въ немъ семьянина, строгаго къ своимъ обязанностямъ. Два пмѣнія его лежали въ плодородной области.

Сама Сабина была загадочна, какъ египтяка. Молчала и не выдавала своихъ чувствъ. Таила ихъ отъ матери и отъ брата. Сидѣла съ Тацитомъ и помогала ему, поправляя подушку кресла, подымая унавившіе свитки. Но замѣтно хорошѣла съ каждымъ новымъ днемъ.

Наконецъ, однажды, одобряемый ласковой улыбкой Тацита, Публий просилъ его переговаривать съ матроной, умолять ее — вручить ему судьбу дочери, взаменъ чего сталь-бы у ея порога, на стражѣ — и на всю жизнь.

Всѣ оракулы были благоприятны, и Сабина, съ тайною радостью, подчинилась желанію матери и новому игу.

Целій уѣхалъ въ Африку, но Нигрина была еще совершенно одинока. Сгибли шумныя времена Калигулы, промелькнули незначительныя дни Агриппины. Нигрину не любила скучная и добродѣтельная Октавія и любила Понпея, ударомъ ноги въ животъ убитая покойнымъ Цезаремъ. Незамѣтно для себя дѣлала она долги при божественномъ Клавдіи — и хохотала его глупости, при божественномъ Неронѣ — и рукоплескала его пѣвию. Нигрина дѣлала долги и при божественномъ Гальбѣ, и при божественномъ Вителіи. Маркъ Целій уѣхалъ въ Африку, а кредиторы — эти римскіе волки (и страшнѣе деревенскихъ) — остались въ городѣ. Надо было выбросить имъ кость и продать трехъ жеребцовъ Целія и всѣ статуи и статуетки, сдѣланныя въ Коринѣ и изъ коринтской мѣди, и опалы, которыми она особенно гордилась, когда вѣно разрумянитъ лица првующихъ. Нигринѣ надо было продать и лютыя блюда, съ вычеканенными на нихъ знаками зодіака, черезъ бабку доставшія ей отъ пресловутаго Селена, и снѣгіе стеклянные сосуды, украшенные дѣлами персидскаго металла, — хотя безъ нихъ почти нельзя было дать ужина.

Совершенно прозрачные — наполненные красным виномъ они становились грознаго темнаго цвѣта. И Нигринѣ надо было начать съ продажи жеребцовъ и пересмотрѣть всѣхъ легатовъ, находящихся въ городѣ, и молодыхъ сенаторовъ, и загородныхъ купцовъ, и азіатскихъ царей, гостящихъ въ Римѣ, и богатыхъ всадниковъ, и наѣзниковъ изъ цирка, которые всѣ будутъ прѣзжать смотрѣть трехъ жеребцовъ Целія: чалаго, золотистаго и воронова, правда, знаменитыхъ по всему городу.

И Нигрина скучала. Капля по каплѣ вливалась въ ея жилы бѣлая вода, каменью сердце, а глаза дѣлались тусклыми и впалыми. Грусть эта зовется иногда приближеніемъ старости — во бѣлокурые волосы Нигрины по прежнему бѣлокуры, глаза иногда блестятъ, какъ Близнецы. Такъ стоитъ дѣто, передъ тѣмъ какъ потерять и осыпать тусклымъ свои космы; только внимательное око разглядитъ въ этой торжественной снѣжности мелькающія мертвыя листья; къ нимъ прикасается незримая струя осенняго воздуха. Медянный жрецъ, осень, уже вошла въ темный и прохладный притворъ, колеблеть желтыя ризы, готовится къ жертвоприношенію.

Съ кѣмъ это, однако, Дидуль ходитъ по форуму и всѣмъ закоулкамъ города? Мускулясть, ловокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопытенъ, какъ молодой германецъ. Кажется, Нигрина всѣхъ знаетъ въ городѣ? Кто ипбудь, служившій въ отдаленномъ легионѣ, въ Цезарей или Бетикѣ. Смотритъ, какъ шалый, и прямо въ глаза проходящихъ дамъ. Говоритъ Дидулу и не слушаетъ Дидула... И все это необходимо узнать у Дидула. Нигрина каждый день видитъ Дидула, и Дидуль лучшій изъ ея друзей, если конечно не считать Корнелиана и Понтія, и Катуллы, и Презента, и Бебія, и Тусцилія (не того Тусцилія, колченогаго, а его двоюроднаго брата — маленькаго Тусцилія). Знал — она скучаетъ въ стѣнахъ, испещренныхъ пзлучинами желтаго и сѣраго мрамора, колетъ длинной, заостренной иглой неловкихъ праслужницъ, бросаетъ зерна прыгающимъ въ громадной кѣткѣ соловьямъ, дразнитъ сѣрыхъ какаду, въ бронзовыхъ кольцахъ висѣщихъ въ перистилѣ, гдѣ гуляютъ и трещатъ цесарки, сѣрыя какъ мартовское небо.

Что же дѣлать въ Мартѣ, когда весны еще нѣтъ, а зима уже плачетъ мутными слезами! Что же дѣлать съ Бебіемъ и Презентомъ, которые прѣдутъ только вечеромъ, когда надо у Дидула, и нельзя иначе, узнать, кто же рямляничъ, котораго она раньше не видѣла въ городѣ и увидала первая, о чемъ не расскажетъ никому изъ римскихъ дамъ?

Такъ богиня, въ то время, какъ добрякъ-мужъ возится съ угольями, — съ волосами заплетенными въ восемь косъ и въ одномъ только поясѣ, или садится за пальцы, или глядитъ въ око, или перебираетъ рубины и бирюзу, или ползаетъ горошекъ, или гадаетъ, или поетъ въ полъ-голоса, или готовитъ огуречный салатъ, или щиплетъ струны кивары, или учитъ читать своего урода-сына.

А богъ войны, сидя на порогѣ дома и ничего не предвкусывая, чиститъ мѣломъ старыя поножи.

Вечеромъ прїѣхали Бебїи и Презентъ, и совершенно случайно — Дядуль. Рымляниномъ оказался Публий Агрикола, молодой всадникъ, недавно прїѣхавшїй, но успѣвшїй уже влюбиться въ какую-то дѣвчонку-провинціалку. Обрученїе ихъ уже состоялось, но и ему Нигрина поручила сказать о трехъ жеребцахъ, которые продавались въ загородномъ домѣ. Дядуль смѣлся.

vii

Целїи, какъ и Тицїи, угрюмо искавшей единенной работы, жили за городомъ, но по другой причинѣ. Они были почти раззорены и полюбили деревенскїй воздухъ, въ которомъ такъ весело раздается утреннее пѣніе пѣтуха и вечернее мычанїе стада. Публий Агрикола, не желавшїй упустить случая видѣть знаменитыхъ жеребцовъ, уже скакалъ по загородной дорогѣ, указанной Дядулюмъ, исполнившимъ порученїе.

Нигрина встрѣтила его совершенно снокойно, скрывши за мнимымъ равнодушіемъ веселость удающагося замысла. Въ фіолетовомъ пеплушѣ она походила на уже свѣтлый Апрель, собирающїй первыя фіалки, или вѣрибе — на вечернїи Августъ, роняющїй яблоки. Голосомъ повелительнымъ и звонкимъ велѣла она вывести жеребцовъ и сама вышла съ Публиемъ къ маленькой аренѣ, лежавшей за паркомъ.

Жеребцы, застоявшїеся безъ Целїи, съ трудомъ вышодились изъ конюшни. Чалый, подъ тяжелое вооруженїе, былъ привести Целїемъ изъ Сѣверной Галліи. Самъ Цезарь гордился-бы подобной лошадыю. Золотнѣтый, еще очень молодой, раздвѣвалъ гриву, роя копытами весеннюю землю. Ржанїемъ оглашалъ воздухъ и моталъ головой. И имя его было мѣткое: — „Огонь“.

Публий смотрѣлъ молча на великолѣпныхъ. А Нигрина смотрѣла на Публия и думала: вотъ всадникъ. Когда вороной, — косматое животное, предназначавшееся для жестокостей войны, — бросился въ ихъ сторону, таща за собою рабовъ, державшихъ его подъ узды, Нигрина схватила руку Публия и повлекла его.

Она шла долго, пока не успокоилась. Они подошли къ озеру, дышавшему свѣтлымъ дымомъ. Главнымъ дичевїемъ Нигрина вошла къ лодку, чернымъ клювомъ раздвигавшую сухїе прошлогоднїе камыши и только нѣсколько двей глядѣвшую въ воду.

Геркулесъ на расцуты — Публий прыгнулъ тоже.

Островъ весь полился шумомъ безчисленныхъ крыльевъ. Лебеди, дикїе гуси, цапли — обитали его. Весь онъ сквозилъ деревьями пепельнаго цвѣта, и тонкими стеблями кустарника, пахнушаго сладко. Крокусы высовывали головки, молодые дятлы перебѣгали отъ дерева къ дереву и карабкались. Большїя бабочки еще не летали, но улятки уже выпустили рога, привѣтствуя обильныя воды. Зимородокъ чистилъ лазурныя перья, съ одного конца на другой перелетала шолга и куковала кукушка.

Веса, стремившаяся покорить землю, устроила на немъ свой укрѣпленный лагерь, чтобы было куда укрыться, когда сѣверные вѣтры бросятся за ней вдогонку. Тучи, какъ дельфины, плескались въ закатѣ. Богъ уже облакался въ пурпуръ, предваряющій ночь, а Публий не возвращался изъ за города. Ему мерещилось, что онъ собираетъ фіалки, пенаврокомъ разсыпанныя Апрулемъ — хотя только подбиралъ переспѣлыя яблоки, обрѣвенныя осенью.

VIII

Корабль Прокла качался въ Остіи, надувалъ солнечные паруса свои, колебался и напрягалъ новыя, пахнуція коноплемъ, снасти. Море усыновляло его и баюкало пока материнскими ласками. Корабельщики вбивали блестящіе гвозди, пѣли, но морщины не сходили съ лица Проклова. Съ первымъ же вѣтромъ надо было двинуться, такъ какъ потомъ — это хорошо знали моряки — наступало долгое безвѣтріе. Но въ семьѣ Аппія было двойное горе. Публий Агрикола исчезъ и не возвращался много дней. Безъ вѣсти пропасть, хотя рабы его сказывали, какъ однажды утромъ онъ уфхалъ верхомъ и съ тѣхъ поръ не видали его.

Убийство было возможно и не въ столь безпокойное время. Неожиданный припадокъ смертельной болѣзни — тоже. Очаги убійства и черной смерти никогда не прекращались въ нѣкоторыхъ кварталахъ города. Сабина уже ходила съ заплаканными глазами. Аппій бросился искать Агриколу, пользуясь послѣдними днями, — послѣ чего въ свою очередь, долженъ былъ огорчить мать и сестру долгимъ отсутствіемъ, равносильнымъ временной смерти. Къ семейному горю примѣшалась злобщія вѣсти о болѣзни великаго императора. Тащить съ внимательностью прислушивался ко всѣмъ слухамъ, взвѣшивая и сличая противорѣчивыя. Считалъ себя ответственнымъ передъ потомствомъ въ точной передачѣ возможнаго событія. Повторяли слова цезаря, сказанныя имъ съ улыбкой, — будто онъ чувствуетъ, что скоро будетъ богомъ...

IX

Тѣмъ божественнаго больного и въ самомъ дѣлѣ пріобрѣдлась бы къ сонму боговъ и героевъ, когда бы не радость, внезапно наполнившая сердце и измѣнившая теченіе болѣзни. Прішло извѣстіе о блестящей побѣдѣ. Впрочемъ, молва безъ усталы влетала новые и мирныя лавры въ вѣнокъ императора, уже великаго въ ряду нелѣпыхъ тирановъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Рассказывали, какъ нѣкій мегарецъ изобрѣлъ машину для перевозки колоннъ на громадное растояніе, какъ императоръ разсмотрѣлъ и одобрилъ ее, щедро награждалъ изобрѣтателя, но запретилъ пользоваться ею, сказавъ: „Подумай, сколько бѣдъяковъ лишатся заработка“. Несмотря

на то, что некоторые упрекали его въ скупости, городъ украшался сооруженіями. Одна только строгость, недавно выказанная въ дѣлѣ Сабина и Епонина, нѣсколько омрачала его славу.

Аппій все продолжалъ поиски, оставшіеся безуспѣшными. Сабина чахла. Старческое лицо матроны Клавдіи сдѣлалось еще морщинистѣе. Меньше всѣхъ сокрушался Тацитъ, поглощенный характеристикой Цезаря Нерона, котораго клеймилъ безъ пощады то раскаленнымъ желѣзомъ сарказма, то змѣбною ядовитостью ироніи.

Гулкіе крики извѣстили однажды о триумфѣ, и Аппій смѣшался съ толпами. Весело шли когорты, бѣлые, какъ сметана, быки, везли золоченые повозки, полныя парящихъ стрѣлъ, конечно, варварски изукрашенныхъ. Молодая гроза примѣшала нѣсколько капель къ брызнувшимъ отовсюду лучамъ, апрѣльское солнце заблестѣло краснымъ огнемъ на тяжеловѣсной тиарѣ паряйскаго царя, посѣдившаго отъ позора, еще величаваго, въ полосатой шелковой хламидѣ. Пѣсни и крики толпы сливались въ одно стозвучное цѣлое, раздавался громче и громче, пѣвщая приближеніе.

Гордая радость нѣволью охватила и Аппія. Онъ наврѣзь зрѣніе, дабы взглянуть на героя, и вдругъ, по ту сторону пути, увидѣлъ скучающее лицо Публія. Рядомъ съ нимъ стояла высокая женщина — рукою обвивая его шею.

М. Кузминъ

В А Н И Н А Р О Д И Н К А

Р А З С К А З Ъ

Н е было ничего удивительнаго въ томъ, что у Вани Разсудина на правой рукѣ, тамъ, гдѣ она закругляется, переходя въ плечо, — была родинка въ видѣ треугольничка, или въ видѣ сердца, если читателю такъ кажется портячкѣе. Не было ничего удивительнаго, потому что у кого же ихъ нѣтъ, хоть и не на плечѣ и не въ видѣ сердца? — не было ничего удивительнаго и въ томъ, что эту родинку никто не видѣлъ, а кто и видѣлъ, то не обращалъ особеннаго вниманія. Нѣсколько удивительно было то, что въ это утро, стоя у раскрытаго, но занавѣшаннаго кисеею окна, самъ Ваня смотрѣлъ не на дворъ и цвѣтущія сирени за нимъ, не на синее лѣтнее небо, не на бѣгающаго Пероца, — а на свою руку, скосивъ глаза и спустивъ рукавъ рубашки. Положивъ, рука была очень милая, по отрочески почти тонкая, но круглая, отъ ранняго солнца и родинки казавшаяся бѣлой и розоватой, — но что же смотрѣть четверть часа на свою собственную руку? Тѣмъ не менѣе это созерцаніе, очевидно, очень занимало мальчика, такъ какъ на стукъ въ дверь онъ лѣниво и неохотно надѣлъ спущенный рукавъ и, изобразивъ на своемъ кругломъ, нѣсколько курносомъ, лицѣ неудовольствіе, неспѣшно пошелъ умываться.

Стукъ въ дверь означалъ, что дядя Эсперъ Петровичъ уже вышелъ въ столовую и принялся за 'Новое Время', что пробило половина девятаго и что въ этомъ домѣ никакія мечтанія и созерцанія, хотя бы самыя исвѣтныя, не должны были нарушать разъ установленнаго порядка.

Вѣроятно, у Вани былъ болѣе томный видъ, чѣмъ полагалось укладомъ дядинаго житья, потому что Эсперъ Петровичъ, глянувъ изъ за газеты своими сѣрыми, нѣсколько мутными глазами, спросилъ у племянника:

— Ты хорошо спалъ, мальчикъ? ты что-то блѣдень.

Будто въ опроверженіе словъ говорящаго до ушей покрасивъ, Ваня отвѣтилъ: — Хорошо, тебѣ такъ показалось.

— Если тебя что беспокоитъ, откройся: ты знаешь, я не имѣю предразсудковъ.

— Я это знаю, но мнѣ нечего особеннаго сообщать тебѣ.

— Тѣмъ лучше — отвѣтилъ дядя — нужно избѣгать экстремностей.

Мальчикъ промолчалъ, но не могъ дожидаться конца чаепитія и ухода дяди въ кабинетъ: ему казалось, что и Петръ мѣшкаетъ съ булками, и казачекъ Андриша не достаточно проворно паливаетъ и разноситъ чай, и что онъ стучитъ сапогами и задѣваетъ за стулья больше, нежели всегда, и что газета заключаетъ въ себѣ двойное количество телеграммъ, хроникъ, покойниковъ и фельетоновъ, и что жуеть Эсперъ Петровичъ медленнѣе обычнаго, — хотя все происходило въ этой свѣтлой столовой, похожей на каютъ-компанію, какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ недѣлю назадъ. Не зная онъ, какъ пробыть за книгами, какъ просидѣть завтракъ (о длинный, несносный, постылый завтракъ!), пока стрѣлка не покажетъ, шаковецъ, желанныя три часа.

Мы по привычкѣ и для скорости называемъ своего героя мальчикомъ, на самомъ же дѣлѣ это былъ уже молодой человекъ восемнадцати лѣтъ, нѣсколько тонкій, блондинъ и розовый, — но когда онъ, смотря въ зеркало, прошепталъ: «она меня любитъ», улынулся и подѣловалъ собственное отраженіе, — конечно, это былъ мальчикъ, только мальчикъ. Онъ прошепталъ: «она меня любитъ» и снова, скопивъ глаза, посмотрѣлъ на плечо, будто подъ тканью блондъ блузы была видна та родинка, отъ которой рука кажется еще блѣднѣе и розовѣе.

Глава вторая

На циферблатъ другихъ часовъ, но гдѣ стрѣлка медленно подползала къ тѣмъ же тремъ, внимательно смотрѣли, обнявшись, три дѣвушки. Онѣ были въ одинаковыхъ платьяхъ, схожи одна съ другою, румяны и свѣжи, такъ что старинный поэтъ или любящій поэтическія традиціи писатель успѣшно сравнилъ бы ихъ съ розами. Онѣ всѣ улыбались, и когда стрѣлка сравнилась съ жирной римской цифрой, всѣ три какъ то разомъ бросились къ окну и съ крикомъ — «вотъ онъ идетъ», выбѣжали въ комнаты.

Мать этихъ грацій, Анна Павловна Комарова, выѣла не только устойчивое, но и нѣсколько даже оригинальное міропостиженіе. Впрочемъ, это было не столько міропостиженіе, сколько взглядъ на отношеніе половъ. Сама — вдова, не чаявшая души въ Сонечкѣ, Варенькѣ и Катенькѣ, она была убѣждена, что міръ существуетъ только для женщинъ и даже въ частности для ея дѣвочекъ, сильный же полъ терпѣлся, и то съ большими притѣвленіями, только какъ антуражъ для милыхъ розъ. Все молодое населеніе вселенной дѣлялось на ея дѣвочекъ, подругъ, кавалеровъ и «мальчишекъ», остальные были «старикки», къ которымъ примѣнялась уже нѣсколько другая мѣрка и къ нимъ смѣрленно причисляла Анна Павловна и себя. «Мальчишки» искоренялись всячески и даже лица ихъ не замѣчались, кавалеры привѣчались и сообразно преданности ласкались, подруги хвалились и прославлялись, но «розы» — розы были божество. И даже кавалеры холмились какъ жертвы на закланіе — не болѣе, «мальчишкамъ» же, безликимъ и безсчетнымъ, была объявлена вѣчная, священная пойма.

Лишешныя чрезумнаго фанатизма матери и дочери смутно раздѣляли этиamazonскіе взгляды, и въ домѣ Комаровыхъ и прославлялось, и воспѣвалось, и утверждалось лишь вѣчно-женское, какъ перлъ единственный созданія. Мужчины могли только получать жалованіе, хорошо грести и править, когда катаются барышня, охотиться и танцевать, но вы бы несказанно удивили и оскорбили этихъ милыхъ дамъ, спросивъ, напримеръ: «красивъ ли собственнй реальность?» Это было бы веселухано. Такой вопросъ, когда есть сонныя подругъ и, наконецъ, три розы!

Три розы спустились въ садъ панстрѣчу Ванѣ, но дѣл. пощечетавъ и притворно что-то вспоминая, убѣждали, оставивъ Ваню съ Варей посреди лужайки, открытой

со всѣхъ сторонъ. Не приглашая дамы въ тѣнь и не выпуская ея руки изъ своей, онъ проговаривалъ:

— Какъ я люблю васъ, Варя, если бы вы знали...

— Я знаю, — сказала та, потупясь.

— Но вы, вы... любите ли вы меня?

— Меня не было бы здѣсь сейчасъ иначе.

— Но какъ она мила, плутовка! расцѣловать! — мечтала мать, смотря изъ окна черезъ лорнетъ на эту сцену.

— Ахъ прелесть, прелесть, — протелесѣвши Сонечка и Катенька, обилились.

А на дужайкѣ межъ тѣмъ разговоръ продолжался.

— Я не могу повѣрить: неужели вы меня любите, милая Варя? Неужели вы меня поцѣлуете?

Въ отвѣтъ барышня безъ словъ подставила свою щеку, которую, почти не приближаясь, но выгнувъ шею и губы, поцѣловала мальчикъ.

Площадка была совсѣмъ открыта, свѣтило солнце, а за спущенными шторами блестяи удовольствіемъ три пары глазъ.

Варя, поправивъ волосы, сказала: «идемте въ домъ, мы собирались гулять».

А на встрѣчу имъ выходили уже Анна Павловна, Соня и Катя. Барышни многозначительно улыбались и переглядывались, а дама ласково сказала красному какъ ракъ кавалеру: «можетъ быть, Ваня, вы выпьете чаю раньше: самоваръ еще горячій». Ваня покраснѣлъ еще больше, не привыкши къ ласковому обращенію и не зная, что онъ съ этой минуты переходитъ изъ ряда пешаистныхъ «мальчишекъ» въ почетный разрядъ кавалеровъ.

Глава третья

Странно нерадостнымъ вернулся Ваилъ домой, что не ускользнуло даже отъ не весьма проницательнаго взгляда Эснера Петровича. Дядя, на извѣстіи объ именованіи безъ вопроса входитъ въ чужія дѣла, не разспрашивалъ племянника о причинѣ его разстройства, но что оно не осталось незамѣченнымъ явствовало изъ того, что Эсперъ Петровичъ тонкимъ голосомъ запѣлъ арію Далилы. Когда же смутное Вавино состояніе не прошло и черезъ десять дней, дядя спросилъ его самъ:

— Что, Ваня? тебѣ будто не совсѣмъ по себѣ?

Тотъ издохнулъ въ отвѣтъ, ничего не говоря. Тогда дядя снова зашелъ:

— Я не навязываюсь въ конфиденты, ты понимаешь? Но, можетъ быть, тебѣ самому будетъ полезно и желательно получить совѣтъ отъ человѣка, къ сожалѣнію, болѣе опытнаго, нежели ты. Тогда тебѣ необходимо будетъ открыть мнѣ, въ чемъ дѣло. Я не могу ничего сказать безъ этого. А между тѣмъ, ты самъ на себя не похожъ, не спишь, плохо спишь, повидямому, и очень не пажно выглядишь. Ты

знаешь, я человекъ безъ предрасудковъ, но здоровье это главный базисъ нашего счастья.

Здоровье было лядинымъ конькомъ и онъ любилъ при случаѣ, или даже безъ случая, распространяться о сохранности своей относительной молодости и свѣжести, упуская тѣмъ не менѣе изъ виду свои опасенія простуды, поздняго ложенія, свои режимы, діеты, корсеты и сингапизмы.

Валя и на второе предложеніе Эспера Петровича лишь провздыхалъ, и только когда они дошли уже до скамейки на холму — второе обычное мѣсто остановокъ ихъ рѣдкихъ уединенныхъ прогулокъ — онъ началъ свое признаніе, прерываясь то вздохами, то даже скупыми, не частыми слезами.

— Эсперъ Петровичъ, я полюбилъ...

— Что жъ удивительнаго въ этомъ, другъ мой? я такъ и думалъ... Ну и что же, тебѣ не отвѣчаютъ?

— Я не знаю, какъ вамъ объяснить... мнѣ кажется, что да, но понимаете, что это дѣлается какъ бы въ награду за мою преданность и любовь, а не по своему почину, и при томъ мнѣ смело отвѣчаютъ на любовь, а не любятъ, какъ я люблю и какъ хотѣлъ бы, чтобы меня любили.

— Объясни. Это не глупо, что ты говоришь.

Помолчавъ, Валя слова началъ болѣе взволнованнымъ, но и еще болѣе плачущимъ тономъ:

— Ну, напримеръ, я люблю кого нибудь, его душу, его тѣло, я люблюсь имъ и дѣлаю его и жду того же самаго отъ него по отношенію ко мнѣ. Вы понимаете? мнѣ мало, что меня только такъ любятъ, какъ Варя Комарова...

— Ахъ, это — Варя Комарова?

Будто не слыша вставки и несясь въ своихъ изліяніяхъ, Валя продолжалъ теперь зашевелившимся голосомъ:

— Мнѣ нужно, чтобы тотъ, кто меня любитъ, такъ же меня дѣловалъ, такъ же нѣжно перебиралъ мнѣ волосы, ласкалъ меня, любилъ мои глаза, руки, плечи, шею, какъ и я, какъ и я...

— Въ твоемъ возрастѣ это, конечно, вполне законное желаніе, — промолвилъ для и помолчавъ, добавилъ: — Пойдемъ какъ нибудь къ Аглаѣ Николаевнѣ, хочешь?

— Пожалуй, — беззвучно отвѣтилъ Валя, какъ то повисая на рукѣ Эспера Петровича, съ которымъ шелъ подъ руку.

Глава четвертая

Аглая Николаевна Шрейберъ, несмотря на дѣто жившая въ замкномъ домѣ, имѣла изящныя вещи, книги и первый диванчикъ въ окрестности. Тому, кто проходилъ черезъ обитый хмѣлемъ и намурціями балконы въ узкія сѣни, увѣшанныя англійскими

автографіями, и въ крошечныя, но двѣ гостинныя, синюю и розовую, и такъ дальше — по ряду маленькихъ, но какъ то разнокалѣбно убранныхъ комнатъ — до новаго, уже вичѣмъ не увитаго балкона, выходящаго на чистый мощеный дворъ, — не приходило въ голову, что онъ находится на петербургской дачѣ, а не во Фіезолѣ, пріютѣ какой-нибудь международной эстетики. Это впечатлѣніе не прошло бы, пожалуй, у внимательнаго наблюдателя, при видѣ и самой хозяйки дома, тонкой, средняго роста рыжей дамы съ большымъ ртомъ, въ узкомъ, всегда почти сбромъ платьѣ. Жила она очень замкнуто и среди немногочисленныхъ ея посѣтителей видное мѣсто занимала Эсперъ Петровна, такъ что ничего не было удивительнаго въ томъ, что Ванѣ было предложено дядей посѣтить этотъ салонъ, гдѣ онъ доселѣ не бывалъ. Впрочемъ, едва ли посѣтителей Аглад Николаевны можно было назвать «салонномъ», такъ какъ ея гости собирались вразбродъ, не образуя никакого кружка, и мало дружили между собою.

Ваню Эсперъ Петровна повелъ къ сосѣдкѣ не въ первый свой визитъ, но предварительно отправился одинъ и выждать, когда уйдутъ другіе посѣтители, долго бесѣдовалъ о чемъ то съ хозяйкою, измѣнивъ даже своему режиму дожить въ одиннадцать часовъ, а на прощаніе, цѣлуя маленькую ручку, проговорилъ:

— И такъ, если вы позволите, я принеся къ вамъ его.

— Пожалуйста, я буду очень рада. Все, что вы говорите, меня крайне интересуетъ. Когда, черезъ нѣсколько дней, дядя послѣ обѣда будто мелькомъ сказалъ племяннику: «ты сегодня что дѣлаешь? пойдешь къ Аглад Николаевнѣ, а то такъ за лѣто и не соберемся», — Ваня не былъ нисколько ни удивленъ, ни обрадованъ. Все равно онъ вотъ уже давъ недѣли никуда не выходилъ, не отдергивалъ кисейныхъ занавѣсокъ, не притрагивался къ книгамъ, а все время почти лежалъ, закинувъ руки за голову и ничего не говоря.

Онъ даже къ Шрейберъ пошелъ, какъ былъ дома, въ нѣсколько смятой бѣлой курткѣ, съ ромашкой въ петлицѣ. Солнце еще не зашло, дробясь ровно въ верхней половинѣ рамы и освѣщая нѣсколько театральнымъ розовымъ свѣтомъ улыбающуюся изъ окна Аглаю.

Она такъ и осталась у окна, только обернувшись къ нему спиною, ждать, когда гости до нея дойдутъ; она взглянула на Ваню, на котораго теперь падалъ алый лучъ изъ окна, и сказала смѣющимся голосомъ:

— Я и не знала, мой другъ, что у васъ такой большой и такой милый племянникъ; отчего вы его такъ тщательно скрывали? Вы находили, что онъ васъ старитъ? Моя дружба къ вамъ еще болѣе упрочится отъ этого новаго знакомства. Только онъ не умѣетъ причисляться, это нужно совсѣмъ не такъ дѣлать. Хотите, на сегодня я буду вашимъ куаферомъ? Не думайте: я дѣлаю это для себя, только для себя, потому что мнѣ больно видѣть, какъ вы себя безобразите вихрами.

Ваня былъ очень благодаренъ вечернему солнцу за то, что оно, заливая комнату розовымъ свѣтомъ, лишало возможности замѣтить яркій румянецъ, въ который

вогнали мальчика быстрыя слова Аглаи. Онъ не успѣлъ опомниться, какъ его унесли въ сосѣдній покойчикъ и, сидя на неудобномъ, низкомъ пуфѣ, не зная куда дѣвать высоко-поднявшагося колѣнны, онъ равнодушно (вдругъ — смертельно равнодушно), будто за кѣмъ чужимъ, слѣдилъ въ зеркалѣ при свѣчахъ, какъ невѣдныя въ отраженіи руки измѣняли его лицо. И только, когда изъ глубины стекла на него глянуло новое лицо, которое ему понравилось и не показалось своимъ обычнымъ, онъ всталъ, обернулся и поцѣловалъ руку Аглаи Николаевны. Та же беззвучно смѣялась: и глаза, и ротъ, и маленькая ручка въ перстняхъ, и свѣрое съ зелеными полосками платье — все, казалось, трепетало отъ тихаго смѣха.

Глава пятая

Эсперъ Петровичъ не вѣлъ арію Давиды, но съ какимъ то тайнымъ довольствомъ ходилъ по столовой, не разспрашивая Ваню, а будто ожидал его признанія. Онъ, очевидно, хорошо зналъ своего племянника, потому что не прошло и двухъ минутъ, какъ Ваня заговорилъ отъ окна.

— Вотъ видишь, дядя, ты безпокоился о моемъ здоровьѣ, теперь все прошло. Я тебѣ очень благодаренъ.

— За что, мой другъ?

— За то, что ты меня познакомилъ съ Аглаей Николаевной!

— Ахъ такъ! Не стоитъ благодарности; я самъ очень радъ. Не правда ли, милая женщина?

— Ахъ, очень. Такая тонкая, образованная, съ такимъ вкусомъ.

Дядя похлопалъ его по плечу, молча, и позволилъ, чтобы давали полотенца, такъ какъ наступилъ часъ купанія. Отъ прозрачной провизанной солнцемъ зеленоватой воды вся купальня казалась зеленой, — зеленымъ казался и узкій заливъ озера, гдѣ отражалась зелень густыхъ березъ. Зайчики бѣгали по досчатымъ стѣнамъ, попадая иногда на ногу, спину, грудь купальщиковъ. Замѣтивъ, что Ваня смотритъ, скосивъ глазъ, себѣ на плечо, Эсперъ Петровичъ спросилъ:

— Что ты смотришь такъ?

— Ничего, — отвѣтилъ Ваня, покрасавъ и лица, что молчаніемъ другой какъ бы продолжаетъ свой вопросъ, добавилъ:

— У меня тутъ родника.

— Ну и что же?

— Больше ничего.

Дядя тоже посмотрѣлъ и, вдругъ распускаясь въ улыбку, спросилъ:

— Аглая ея не видала?

— Что вы дядя! Вѣдь для того, что бы се было видно, мнѣ нужно снять рубашку.

— Ты правъ: я не сообразилъ, — какъ то странно промолвилъ Эсперъ Петровичъ, будто про себя.

Съ купанья нужно было возвращаться мимо Комаровыхъ. Ваня теперь всегда спѣшилъ скорѣй миновать это мѣсто, опасаясь случайныхъ встрѣчъ. Но если можно избѣжать случайностей, трудно, безъ ненужной грубости, избавиться отъ навѣреннаго свиданія. А между тѣмъ было очевидно, что Соня Комарова, стоя у калитки, въ это утро кого то ждала, и, когда Разсудимъ поранился съ мелкими академикъ, окаяннѣвшими садъ трехъ розъ, стало ясно, что это была Ваня, кого ожидала дѣвушка. Дядя, поклонившись, прослѣдовалъ впередъ, мальчикъ же, съ полотенцемъ на плечѣ, остановился на мосткахъ, не зная, съ чего начать разговоръ. Соня пришла къ нему на помощь, сказать:

— Войдите, вы пастъ собѣмъ забыли. Караулю зелещика, да онъ ужъ, видно, прошелъ.

— А что Варя, Варвара Николаевна, какъ поживаетъ?

— Ничего, живемъ, что намъ дѣлается? — сухо отвѣтила дѣвушка, улыбаясь вкось. Такъ, въ молчаніи, они поднялись по лѣсенкѣ, потомъ прошли по дорожкѣ до балкона, гдѣ Соня громко сказала, обращаясь къ находившимся въ домѣ: «вотъ я привезла къ вамъ бѣглеца!» — и прошла внутрь.

За нею слѣдомъ бросилась Варенька, вся красная, что то шепча и тормоша сестру за руку. Ваня все стоялъ у крыльца, пока не раздался голосъ Анны Павловны:

— Входите, входите, молодой человекъ. Мои дѣвцы, конечно, убѣжали причесываться, вы ихъ знаете, вѣчно такъ.

Ваня это зналъ, хотя всегда удивлялся, почему дядя Эсперъ и онъ, не будучи дѣвцами, съ утра уже были болѣе или менѣе готовы и доступны обзорнѣю; притомъ прежде, когда онъ часто бывалъ у Комаровыхъ, ему доводилось видѣть трехъ розъ въ различныхъ достаточно домашнихъ видахъ. Такъ онъ думалъ, вертя въ рукахъ сорванную травинку, межъ тѣмъ какъ дама уже послала за дочерьми и тутъ же при Ванѣ стала имъ доказывать нелюбезность такихъ исчезновеній при появленіи кавалеровъ.

— Что дѣлать, — прошептала она, — дѣвочки всегда дѣки и стыдливы.

Одна изъ дѣвчихъ дѣвочекъ сказала Ванѣ:

— Пойдемте гулять на полотно, сегодня не жарко, — и скрылась отыскивать шляпу. Всю дорогу вдоль зеленыхъ покатыхъ холмовъ, открытымъ лугомъ, гдѣ вдали на голубомъ съ барашками небѣ сквозилъ, какъ сѣрая прошивка, желѣзнодорожный мостъ, вдоль плоскаго съ тростникомъ и кочками озера, — всю дорогу Ваня не говорилъ со смущенной и какъ то фальшиво веселой Варенькой. Только когда они взопли на мостъ и стали глядѣть на прямую, какъ линейка, линію, уходящую безъ своротовъ черезъ болота, лѣса, холмы на сѣверъ, — онъ сказалъ, не поворачивая головы, тихо и раздѣльно:

- Соня, мнѣ нужно поговорить съ вами, устройте это.
Кивнувъ головой утвердительно, та громко заговорила съ сестрами.
Когда онѣ отстали, Соня первая начала.
- Какъ наши желанія совпали. Мнѣ самой нужно поговорить съ вами.
— О чемъ же?
— Конечно, о Варѣ, вы же сами знаете.
Мальчикъ кивнулъ головою, молвила: ду и что же?
— Да то же, что развѣ такъ поступають? Вы говорили, что ее любите.
— Это правда.
— Ну?
— Но она меня не любитъ.
— Какъ вамъ не грѣхъ?! Развѣ она не отличала васъ на прогулкахъ, вездѣ... Развѣ вы ее не цѣловали, наконецъ?
— Я самъ подходилъ къ ней на прогулкахъ, вездѣ, я ее цѣловалъ, потому что я любилъ ее, былъ влюбленъ въ нее. Она позволяла только это дѣлать.
— Но чего же вамъ больше нужно, глупый вы человекъ?
— Чтобы она сама меня любила.
— Но что же для этого нужно дѣлать: вѣшаться вамъ на шею, бѣгать за вами и цѣловать руки? Этого, пожалуй, вы не дождетесь.
— Я не знаю.
— Поймите же, это смѣшно, вы не барышня. Чего вы хотите?
— Я не знаю, — съ тоскою промолвилъ Иванъ.
— Варя — чистая дѣвушка и любить васъ.
— Я — тоже чистый, — тихо прошепталъ мальчикъ.
Соня быстро взглянула на него, усмѣхнувшись, и замѣтила:
— Это совсѣмъ другое дѣло. — Потомъ, вдругъ, будто озаренная мыслью, на весь лугъ воскликнула: — Вы влюбились въ Аглаю? да? да?
— Я не знаю, оставьте меня въ покоѣ! — весь вспыхнувъ, отвѣтилъ тотъ и бросился бѣжать впередъ.
— Что случилось? — спрашивали подоспѣвшія сестры.
Сидя на травѣ, Соня громко смѣялась, повторяя:
— Онъ сошелъ съ ума: влюбился въ Аглаю!
— Какъ тебѣ не стыдно, Соня! — проговорила Варенька, надувая губки.

Глава шестая

Такъ тихо, такъ успокоительно, такъ безмятежно было, бросивъ весла, стоять въ челнокѣ на гладкомъ, спокойномъ, бѣлесовато-голубомъ озерѣ. Аглая Николаевна,

распустивъ бѣлый зонтикъ, молчала, молчалъ и Ваня, снявъ бѣлую фуражку, такъ что причесанные теперь на проборъ волосы казались золотыми на солнцѣ.

— Вы очень хорошенькій, Ваня, вы знаете? у васъ зеленые глаза и отлично очерченный ротъ, у васъ ибжныя руки и длинныя ноги. Покажите вашу шею: по ней можно судить о цвѣтѣ кожи на тѣлѣ. Ничего, розовата и ибжна.

Ваня хотѣлъ добавить: „а на плечѣ у меня родинка“, но воздержался. Аглая, межъ тѣмъ, продолжала.

— Вы знаете, что вы недурны?

— Да, знаю.

Аглая ибсколько недовольная спросила:

— Кто же вамъ это говорилъ?

— Никто, я самъ знаю.

Дома, разливая чай, дама спросила:

— У васъ, Ваня, много знакомыхъ молодыхъ людей, товарищей?

— Почти совѣмъ ибтъ.

— Это жалко! — протянула Аглая.

Чтобы поправиться, Ваня быстро произнесъ:

— Вотъ я хожу къ Комаровымъ; тамъ бывають кавалеры.

— Когда вы отучитесь отъ этого ужаснаго слова? Но это совѣмъ не то. Какъ вы не понимаете?

— У меня есть дядя, есть вы, — прибавилъ онъ робко.

— Да, это, конечно; но это опять не то.

Ваня робко взялъ Агланну руку, молвить:

— Чего жъ мнѣ больше желать? Если вы позволите быть всегда около васъ, если и вамъ это будетъ пріятно, чего жъ мнѣ больше желать?

— Конечно, мнѣ это будетъ пріятно: вы такой милый мальчякъ, на васъ пріятно смотрѣть, хочется васъ погладить, приласкать, — но не боитесь ли вы такой дружбы? она легко можетъ перейти въ другое чувство.

— Съ моей стороны? — спросилъ Ваня, какъ то задыхаясь.

— И съ вашей, и съ моей, — отвѣтила Аглая серьезно. Ваня вдругъ перешелъ къ мѣсту, гдѣ сидѣла Аглая, опустился у ея стула на полъ и прошепталъ: „Аглая Николаевна, вотъ я люблю васъ“. Она же, наклонясь и какъ то нестати разсмѣявшись, стала покрывать быстрыми и острыми поцѣлуйми волосы, лобъ, глаза, щеки и губы мальчика. — „И вы, и вы?“ — будто ошеломленный шепталъ Ваня, обвиняя ея колѣни.

Аглая, словно вспоминая что-то важное, взяла тонкую китайскую чашку и, обнявъ Ваню одною рукою, водила пальцемъ по ибжному рисунку, говоря:

— Смотрите, Ваня, какое сочетаніе красокъ, и что тутъ изображено! Вотъ видите: сидитъ семья на маленькой террасѣ и пьетъ чай, вотъ рыбаки плутъ на ловлю, козелъ стоитъ на холмикѣ, возлюбленный спитъ, а дѣвушка иберомъ от-

гонает мухъ, а только что они оба играли въ шашки и рвали смородину, по небу летать птица и розовый цвѣтъ его отъ темнаго пятнышка кажется еще розовѣе. Отъ маленькаго пятнышка какъ усиливается тонъ и яркость.

И будто задумалась Ваня приподнявъ на колѣняхъ и прошепталъ ей въ ухо:

— У меня на плечѣ есть родинка!

— Да? — полуспросила женщина, не соображая въ чемъ дѣло, но на всякій случай улыбаясь.

Постучавъ у дверей, вошла горничная и подала на подносѣ письмо. Аглая, сказавъ „простите“, быстро разорвала конвертъ и нѣсколько разъ прочла немногія строчки на толстой сѣрой бумагѣ. Потомъ задумалась, будто забывъ о Ванѣ. Тотъ всталъ съ подавленнымъ вздохомъ и сказалъ: „я пойду, Аглая Николаевна“.

— Идите, другъ, мы скоро увидимся, — ижно, но разсѣянно проговорила она и поцѣловала мальчика.

Глава седьмая

Должно быть, это было дѣйствительно экстремный случай, которыхъ такъ избѣгалъ Эсперъ Петровичъ, что Ваня пришелъ къ нему въ спальню послѣ одиннадцати вечера, что для разговаривалъ сидя на кровати въ ночномъ бѣльѣ, что Ваня ходилъ по комнатѣ, раздувая пламя свѣчи, которая, вѣроятно по случаю такой экстремности была зажжена вмѣсто электричества.

Эсперъ Петровичъ молчалъ, опершись руками о постель и свѣсивъ ноги, Ваня же то говорилъ, то умолкалъ и снова принимался за монологъ, никѣмъ не прерываемый.

— Ты понимаешь, это все не то, не то, она меня любитъ такъ же, какъ рѣдкую чашку, какъ переплетъ отъ книги, но я же живой человѣкъ, во мнѣ течетъ кровь, если меня уколеть, мнѣ будетъ больно. Я люблю и хочу, чтобы меня любили, а не любовались только мною, какъ шкапомъ Louis XVI. Тамъ, у Комаровыхъ, я этого даже не понимаютъ, тамъ я просто кавалеръ при барышняхъ, а здѣсь — игрушка. А я, я вотъ съ руками, ногами, грудью — Ваня Разсудить, вотъ что я. И такъ какъ я люблю, то хочу чтобы любили именно меня, какъ я есть. Если же этого нельзя, то что же тогда?! что же тогда?!

И Ваня сблъ, будто все досказалъ. Эсперъ Петровичъ потеръ за ухомъ и началъ: — Утромъ я все сообразилъ бы гораздо лучше, но и теперь понимаю, въ чемъ твоё желаніе. Это дѣйствительно трудно, разъ даже Аглая Николаевна тебя не удовлетворила. Рѣдко встрѣются такія чувства... обыкновенно просто влюбляются въ барышень Комаровыхъ, ямъ же вѣсть числа. Это не глупо и правильно, что ты говоришь. Но встрѣчается это поздне, когда просыпается любовь. Теперь же я подумаю, до города едва ли что можно сдѣлать. Только ты общай не дѣлай глупостей: тамъ стрѣлаться, топиться и т. и. Аглая права, у тебя вѣтъ подходящихъ

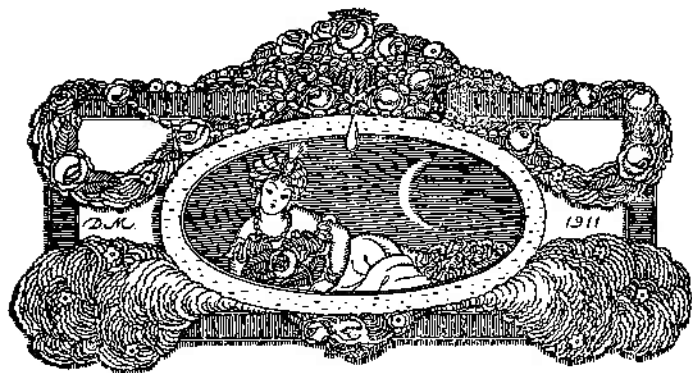
товарищей; это развлекает, понимаешь? Ты знаешь, как я хорошо тебя знаю, я ничего не упущу изъ виду, даже твоей родинки, если тебѣ угодно. Повѣрь мнѣ, все устроится и экстренности, подобныя сегодняшней, не скоро повторятся. Спи спокойно.

Ваня поцѣловалъ Эсиера Петровича, промолвивъ:

— Я не знаю, почему, но я вамъ вѣрю.

— Конечно, надо быть безъ предразсудковъ, но благоразумнымъ и не впадать въ крайности.

— Я знаю.

ВЛАДИМИРЪ ЭЛЬСВЕРЪ

САМСОНЪ И ДАЛИЛА

РАЗСКАЗЪ

Быль вечерній, уже поздній часъ. Тиньва и сумракъ, простертые надъ Шефель-Бской долиной, легли на окраины Газы филистимской, вошли въ сады, большіе дома города, заровняли сонъ въ шумныя улицы. Подъ чернымъ пологомъ трепетали послѣдніе огни углявшейся жизни, гасли и снова вспыхивали, какъ въ мягкой золѣ безпокойные угли.

Кедешотъ * Далила, провинциалка по рожденію, когда-то бѣгавшая босикомъ за водою къ Сорекскому ручью, но сумѣвшая за немного лѣтъ здѣсь хорошо устроиться, пере-нять новые вкусы и дорогія привычки, — возвращалась изъ гостей. Четверо работъ, добравшихъ по росту и шагу, поддерживали гибкіе упоры, вынутые, какъ длинные клыки. Впередѣ шли огненосцы; за носилками на короткогрявомъ мулѣ Вхальъ егнулъ-домоправитель. Далила имѣла свое хозяйство и домъ: половину она занимала сама, другая служила гостиницей купцамъ и кутникамъ. Въ Газѣ большинство женщинъ легкаго поведенія соединяли свое занятіе съ этимъ промысломъ, предлагал не только ложе, но и постель и трапезу. Обычно онѣ селились вмѣстѣ, по нѣскольку. Такъ легче было вести расходы и большій выборъ имѣли посѣтители. Далила, разбогатѣвъ, жила одна. Была она хороша лицомъ, небольшая ростомъ, но стройная, гибкая какъ серебрястая ива. Ровный, тонкій румянецъ, лаская ея ланиты, яркимъ пурпуромъ расцвѣталъ на устахъ; она искусно сурмила брови и рѣсницы, на розовый жемчугъ подходили ея овальные ногти. Подруги, обитавшія съ нею раньше подъ общей кровлей, одна за другою ушли, чувствуя невыгоду неравнаго соперничества. Далила наняла весь домъ, потому купила его. Своимъ расположеніемъ она теперь дарила немногихъ: иногда изъ любопытства, если то былъ чужестранецъ изда-лека, или когда знала, что щедрость гостя равной будетъ ея жадности. Странная таилась черта въ характерѣ Далилы, управляла выборомъ любовниковъ: никто, юный и вмѣстѣ съ тѣмъ красотою ярче ея отмѣченный — не обладалъ ею; но если желавшій былъ не молодъ и неумолимые годы спѣшили унести все, чѣмъ вѣсегда богаче другихъ дарила его могучая юность, Далила не отклоняла встрѣчи... И потому выходило такъ, что ласки ея цѣнились какъ-то особо, словно неповторяемая, дивно случайная, и никогда испытавшій не вспоминалъ о нихъ грубо.

Этотъ разъ Далила засидѣлась у своего знакомаго торговца драгоценностями; завялая пшя, она не замѣчала, какъ бѣжало время; потому задержали споры и расчеты Кемп домоправителя, который во всемъ былъ отъявленнымъ скрытой уже по природѣ, а судьба помогла ему быть скучнымъ и въ любви.

Далила выбрала жемчужныя серги, и когда онѣ были вдѣты — хитрый старый купецъ, осклабясь, сказалъ: «слыхалъ я, что жемчугъ находить въ раковинахъ; если это правда, то этотъ жемчугъ нашелъ наконецъ достойную себя раковину... Кля-

* Блуница.

вусь богиней Деркето — когда мой товаръ переходить къ такимъ знагокамъ, какъ ты, госпожа, я стыжусь на немъ навивать!⁴

Страсть къ самоцвѣтнымъ камнямъ, ихъ сверкающимъ вѣчнымъ, но холоднымъ огнемъ сочетаніямъ, была единственной, чаровавшей Далилу. Къ нарядамъ она хранила не женское равнодушіе: избѣгала тяжелой пышности въ одеждѣ и носила тѣсня не затмѣвавшія, а лишь слегка оттѣнявшія красоту ея тѣла. Музыка и пѣніе развлекали ее, но не будили душевныхъ тревогъ.

Любовныя наслажденія всегда такъ же мало влекли Далилу, какъ продавца сластей надобнѣйшій товаръ... и тому, кто это могъ почувствовать — странными показались бы ея искусныя ласки. Возможно, — такія оны у существъ, лишенныхъ теплой крови, у которыхъ она бѣлая, медвенная. Въ тѣ минуты въ синихъ влажныхъ глазахъ Далилы были разлитъ ровный, спокойный свѣтъ, какой рождаетъ далекое зимнее солнце въ неподвижной стынущей водѣ.

Встрѣчныхъ было мало. Не провожала пыль, теперь припавшая, вся пропизанная росою. Спернула съ людныхъ улицъ. Не такъ тѣсно сѣдрили дома, казались глубже вросшими въ землю, ихъ каменную цѣпь мѣстами обрывали плетни. Мѣрно колыхали тишину шаги посыльщиковъ. Огкдывалось, удлинялся на скоромъ ходу, пламя факеловъ, красные бичи разбѣкали сумракъ. Взлетали искры, нѣкоторыя мерцали подолгу, какъ свѣтляки. Временами поднимался собачій лай: недолгій и разногласій; слитно и непрерывно верещали кузнечики.

Впереди, гдѣ пали свѣтившіе, вдругъ шумно зазвучали голоса.

Носилки, еще разъ качнувшись, — остановились. Далила откинула занавѣсъ, познала ближайшаго факельщика узнать, что случилось. Отсюда съ высоты она видѣла, что кто-то незнакомый, рослый, чернородый стоитъ среди дороги; огненосцы тѣснили его, одинъ грозилъ ему свѣточемъ, какъ палицей. Не поворачивая шею, по волчьи, осматривался незнакомецъ, потомъ внезапно вырвалъ факель у кого-то изъ близъ стоявшихъ, ударилъ наступающаго; молніей бросилъ пылавшій смолякъ въ толпившихся, мелькнулъ длиною тѣвью въ багровомъ струистомъ потокѣ, — и пропалъ бесцѣдно, словно камень, пущенный къ темному дну.

Далила вздрогнула; слѣдя за нею обернулся, оборванъ на полусловѣ, говорившій.

Поднимали оглушеннаго... другіе, наклоняясь въ темноту, кричали изо всей силы, но не сходя съ мѣста: „ловите его... ловите разбойника!“ Гдѣ-то въ сторонѣ зарокотала труба дозорнаго обхода, словно разыскала сношъ пѣвучихъ стрѣлъ: тѣ, что были длиннѣе, взлетали выше — и постепенно, одинъ за другимъ, растаяли мѣдныя, звонкіе звуки, медленно стертые пространствомъ.

Къ носилкамъ подбѣхатъ еннухъ, отъ него Далила узнала, что тотъ — бродяга, встрѣтивъ процессію, медилъ свернуть съ пути, одинъ изъ ся людей махнулъ факеломъ въ его сторону: ему прожгло плащъ; началась ссора... — „Госпожа сама видѣла, чѣмъ все кончилось!“

На смуглое, умытое красными отблесками, лицо евнуха легло таинственное выражение; онъ продолжалъ на Сидонскомъ нарѣчьи, котораго не понимали спутники: „знаешь ли хозяйка, кто былъ убѣжавшій?...“ И нагнувшись къ ея уху, шепнулъ: „Самсонъ изъ Цараа — вождь іудейскихъ разбойниковъ... МыѢ показали его однажды на базарѣ въ Аскалонѣ, тогда онъ былъ еще безбородымъ мальчишкой; торгуясь съ корзинщикомъ, онъ порвалъ плетеньку изъ свѣжей лозы, какъ пять шелкопряда; ему нипочемъ кулакомъ убить буйвола... онъ не убилъ раба, чтобы не догадаться, чьяхъ рукъ это могло быть дѣло и не пустился въ поиски“. Но дорогѣ Кемп еще разсказать, что нецѣлбамъ * всѣхъ пяти городовъ благодатныхъ ** назначена куча золота за голову Самсона; только напрасно въ обѣщаніи не упомянуто о наследникахъ счастливица, который съумѣетъ добыть ее... Развѣ тотъ, кому надѣла жизнь, будетъ пытаться одолѣть Самсона, въ открытомъ бою. И всякій разъ безуспѣшно посылали отряды истребить шайку, съ которой онъ скрывается въ Этомскихъ ущельяхъ: спрей обо всемъ заранѣе ему доносили.

Далилѣ и до того не разъ приходилось слышать о Самсонѣ, его безумной отвагѣ и силѣ. Ей стало досадно, что она не успѣла разсмотрѣть его ближе.

Отворяли ворота, подъ ногами стучали знакомые камни.

Оставшись одна, Далила еще разъ примѣрила серьги передъ большимъ, изъ полноровной мѣди, зеркаломъ и тутъ же подумала: замѣтилъ ли ее Самсонъ, явѣ слуга, спротивный ею, освѣщала носилки. Полюбовавшись, спрятала жемчугъ въ хранилище.

Уже на ложѣ она вспомнила, какъ Самсона чуть не поймала стража у какой-то пеллекеѣ *** на городской окраинѣ. Его заперли и стали окружать домъ; Самсонъ една спасся, сорвавъ съ петель дверь, закрываясь ею, какъ щитомъ. И вдругъ мелькнула шальная мысль: „а что если онъ издумаетъ прійти сюда?...“ И недовольная, что она не спитъ, а ей приходять на умъ такіа несообразныя предположенія, Далила повернулась къ стѣнѣ, закрыла глаза; но все же медлить ласковый сонъ.

II

Отбѣжать немного и замѣтивъ, что погони нѣтъ, — Самсонъ измѣнялъ шагъ, прислушался: тревожный шумъ замеръ, въ его горящее лицо обычно, нетрепетно дышала ночь. Безумно и быстро, какъ при бѣгствѣ, — вернулся. Въ концѣ улицы за поворотъ уходили носилки; отъ невидимыхъ факеловъ скользнули, скрещиваясь, длинныя полосы свѣта и опять выросла темная стѣна. Самсонъ издали слѣдилъ за уходящими. Съ досадой думалось ему: узнали или нѣтъ... ско-

* Правитель.

** Гиза, Аскалонъ, Гефъ, Азотъ, Аскаронъ.

*** Продажная женщина.

рѣе всего — иѣтъ, иначе докричался бы, пока не пришелъ ночной обходъ и подѣлялся важной новостью:

— „Самсонъ въ Газѣ!“

Что-то безотчетное, почти дерзкое, манило его слѣдовать. Съ бережливымъ любованіемъ несли его память красивый обликъ Далилы... смотрѣвшая изъ-за отелоненной завязѣвки, она была какъ невеста, откинувшая фату. Онъ хотѣлъ знать, кто она, кто ей мужекъ? Двое, встрѣчные, поровнялись съ нимъ. И словно праздный, любопытный, онъ ихъ спросилъ: чьи это были рабы и носилки. „Далилы пеллессъ“ отвѣчалъ одинъ. „Ты вѣрно не здѣшній? И подуманъ — прибавилъ: она разборчива, какъ сама добродѣтель, хотя золото любить и разбогатѣть съумѣла“. Далекая, невидимая, какъ воюющій жаворонокъ, въ душу Самсона вошла надежда. Онъ крадел и видѣлъ, какъ отворились ворота, приняли входившихъ: задохнулись огни, рѣдкими, неясными стали звуки. Остались звѣзды и синеватый сумракъ, который струилъ ночныя облака: широкая, медленная, какъ большія, слѣпыя рыбы. Отъ дома танулась невысокая стѣна, за нею поодаль густѣли деревья.

Перелѣзши ограду, Самсонъ сталъ пробираться огородомъ. Ступни его погружались въ мягкую развороченную землю, лишевную своей воли, дрякой, одухотворенной, ставшей отъ насилій и рукъ ея касавшихся, рабскя угодливой, почти распутной.

— „Что я затѣляю“, — думалъ Самсонъ; — „совсѣмъ какъ глухой бѣднякъ, вѣрющій, что за одну ночь можетъ найти гдѣ-то зарытый кладъ и сразу разбогатѣть“ — и все-таки, оцупавъ мечъ за поясомъ, рѣшилъ, что именно теперь увидѣть Далилу. И она узнаеть, какъ сильно онъ пожелалъ ее. Страсть и дерзость силы топчили страхъ и раздумье и все, что было за нимъ въ жизни, и все враждебное заѣсъ рлодомъ, кругомъ него. Шелестѣлъ садъ, младшія иѣтки просыпались чаще, какъ въ темнотѣ боязливья дѣтя. Было много плодовыхъ деревьевъ, быть можетъ гдѣ-нибудь забыли лѣтницю... и вдругъ, дохнувшая холодомъ и отвратительная, какъ внезапно скользнувшая по тѣлу змѣйка, — скользнула мысль: когда будешь убѣгать, лѣтницю могутъ оттолкнуть съ тобою вмѣстѣ... Медлить, ждаты стало невыносимо, какъ бываетъ, если настигаютъ разомъ: тѣлесная пытка и вежданное глубокое душевное оскорбленіе. Зоркими, привыкшими къ дали и полуночамъ глазами онъ окинулъ постройку. Высокая, иѣтлестая маслина упиралась въ нее, почти переростала. Самсонъ звалъ, что на кровлю псегда есть выходъ изъ лучшихъ хозяйскихъ комнатъ. Затрещали, прошумѣли вѣтви, тяжело сорвалась вспугнутая сопила птица; безслыная избѣгать его, изгибались и трепетала, какъ связанная иѣтница, тонкая древесная вершина. По кровлѣ, устланной цыновками, ноги ступали беззвучно; стояли нѣсколько свѣднѣй, на ночь — безъ ковровъ. Самсонъ подошелъ къ злѣвшему подъ наѣсомъ сходу, пришлось нагнуть голову. Онъ началъ спускаться медленно, ступень за ступенью, вытянувъ руки, словно отстравая

неосязаемую густую паутину сумрака, запаиваго между стѣнъ. Бодрымъ былъ духъ Самсона; онъ ощущалъ только досаду, какъ пловець, когда въ глубину надо идти по мелкому, колкому дну, въ холодящей водѣ.

Осторожно, одной тяжестью руки тронулъ дверь — она отворилась податливо, беззвучно. За порогомъ гнѣздилась тьма.

Войдя, итннувъ воздухъ, онъ почувствовалъ, что комната тѣсна; еле видимыя намѣчались у близкнхъ стѣнъ полки, въ углахъ громоздилась какая-то утварь. Дальше къ новой двери припкъ Самсонъ, та не тронулась, осталась вкопанной въ стѣну. Прижавъ плечо, онъ собрался тихо выдвинуть засовъ, но не глубоко вложенный — тотъ съ лязгомъ отпалъ, и Самсонъ, едва устоявъ на ногахъ, съ размаху вскочилъ за порогъ. Вздрогнувъ отъ испуга, еще не понимая, что его разбудило — проснулась Далила и, отбросивъ спяльное покрывало, сбѣла на краю ложа, вся нагая, съ плечами опутанными свѣтлыми прядями волосъ, выбившихся изъ не крѣпко зашпешныхъ косъ.

Самсона она узнала сразу, только теперь онъ былъ словно громадище, выше, и скудныхъ лучей свѣтильника не хватило согнать съ него тѣнь. Недвижно, съ нѣмыми восхищеніемъ смотрѣлъ Самсонъ на Далилу.

„Онъ пришелъ грабить... бѣжать, крикнуть...“ — мгновеніе колебалась она, и пристально взглянувъ, рѣшила: „Итъ“.

Были опущены, разжаты, словно выронивъ что-то, руки пришельца; въ лицѣ и глазахъ выступали изумленіе, почти мольба.

Подъ чужой кровлей, одианъ, оторванный отъ всего съ нимъ общаго, онъ былъ словно обломокъ скалы, упавшій въ море, гдѣ вокругъ не вихрь и угрюмая птацы, а спокойныя струи и странныя, чудесныхъ формъ, созданія моря. „Закрой дверь“ — рѣзко, какъ бы печально, произнесла Далила.

Онъ понижовался, слѣдя скорѣе за взглядомъ, чѣмъ понимая слова. Когда онъ обернулся, Далила по грудь закуталась въ покрывало.

Хотѣла солгать, что не узнала Самсона, но передумала и сказала сердито и вмѣстѣ лукаво: „Ты что жъ пришелъ требовать наказаніе рабу, который прожегъ твой плащъ?“

Самсонъ молчалъ; не глядя на Далилу, казалось отвѣчая только своимъ мыслямъ — отрицательно покачалъ головою.

— „Ты такъ красива...“, погоди прибавилъ онъ. Далила улыбулась... Онъ почувствовалъ эту улыбку, какъ чутко спящій — призывные первые лучи. Некрасивое лицо Самсона повторило ее, словно грубое зеркало. Глухимъ давленнмъ голосомъ онъ сказалъ: „Якому худого и не хотѣлъ просить тебя сдѣлать и прѣтнть тебя ничего дурного не замышляю... я увидалъ тебя въ носилкахъ и пошелъ вслѣдъ и рѣшилъ узнать тебя, хотя бы мнѣ пришлось за это поплатиться равными, даже большнмъ“. Онъ замолкъ и, глубоко вздохнувъ, кулакомъ стукнулъ себя въ грудь.

„Я знаю, кто ты...“ — тихо отвѣтила Далила: — „ты Самсонъ, самый сильный изъ ю-

деель; и если тебя схватятъ, то казнить; а если я сейчасъ крикну, — громче прибавила она: — ты задумишь мевя?'

Въ упоръ глядя на нее, Самсонъ отстегнулъ мечъ и положилъ на ложе, и когда Самсонъ ступалъ, тихій, тяжелый, какъ левъ, она любовалась движеніемъ его упругихъ, мощныхъ плечъ и грудью, широкой, выпуклой, какъ боевой щитъ.

Возьми твое оружіе; о, какое тяжелое!', прибавила она, потрогавъ рукоятку.

И продолжала задумчиво: Супруга у мевя нѣтъ, а до вражды другихъ мужей мивѣ нѣтъ дѣла... этотъ разъ будь гостемъ; но какъ ты попалъ сюда, какой дорогой уйдешь? Я не хочу, чтобы звали, что ты былъ у меня, ты долженъ выйти до разсвѣта. И такъ уже я тебѣ подарилъ свой сонъ'.

Вотъ уже гонишь мевя, — горько сказала Самсонъ: — еще не близокъ разсвѣтъ'. — Нѣтъ я не тороплю тебя, но и не хочу быть для тебя причиной бѣды'. Онъ ей разсказалъ, какииъ путемъ сюда пробрался. Древеснымъ сокомъ пахла ладони, ему ошарапало щеку.

Ты не сломалъ дерева? — Пошутила Далила. — Правда ли, что спла у тебя такая, что съ нею не можетъ мѣряться ни одинъ звѣрь, ни человекъ?'

Она пытливо взглянула на обнаженные до локтей руки Самсона. Грубыя, съ темными знаками отъ рубцовъ, оплетенныя буграми мускуловъ, онѣ чувствовались тяжелыми какъ бронза, были того же цвѣта отъ загара и вѣтра.

Ты на одной рукѣ поднимешь меня съ земли? — спросила она почти съ завистью. У тебя тѣло должно быть такое твердое, что не можетъ болѣть равнъ... И одежду ты изнашиваешь скорѣе, чѣмъ всѣ люди'... Она несело взглянула на прожженный плащъ. Довѣрчиво, радостно, какъ весною горный потокъ, брошенный въ новое русло, онъ засмѣялся, протянулъ ей руку. Нагнувшись Далила тронула, ощутила ее, твердую, горячую, словно камень, купаемый звоемъ. Близкое дыханіе коснулось Самсона и жадно насторожился взоръ, сердце забилось прерывисто... быстрѣе. Въ зрачкахъ его рѣзко, какъ молніи — заиглались желанія, дальними бѣлыми зарницами отбѣгали глаза Далилы. И властно влекла ее страсть, прежде ей незнакомая, какъ мудрому томленіе игрока, неузнанная, какъ невѣрующему таинства. Странно болѣли сосцы, словно стала она матерью и готова отдать грудь свою переквцу. Далила пыталась бороться, что-то удержаться... и не удавалось ей, какъ виноградарю, правящему точиломъ, не вдыхать прянаго запаха молодого вина, не быть мивъ обрызгиваемымъ, не испуститься отвѣдать его. Словно къ самымъ губамъ подступалъ пивный разливъ... еще мигъ — она закниветъ голову, захлебнется.

Подними мевя' — сказала она Самсону; и такъ, что это онъ узналъ не черезъ уши, а вслѣмъ тѣломъ: 'возьми мевя'!..

Почувствовала, что тяжелѣютъ вѣки и перестала отлпчать себя и то сладкое меводолное, въ чемъ таяла ея воля. Хотѣлось быть жестокой и безсиьной, и снова жестокой, и опять безсиьной... и въ эту минуту она сказала: Ты вернешься?'. А потомъ, когда Самсонъ отвѣтилъ: 'когда ты пожелаешь', мучила молчаніемъ, пока назначила время.

Едва настало трудовое утро, Самсонъ покинулъ Газу, смѣшавшись съ пестрой толпой торговцевъ и поленщиковъ, тѣсвившихся въ отпоренныхъ воротахъ. Онъ ушелъ изъ города, не посѣтивъ никого изъ своихъ пріятелей. И въ предмѣстьи не зашелъ, вопреки обѣщанью, къ дубильщику Гадару, изъ колѣна Данова, земляку Самсона, знавшему его еще ребенкомъ. Тагва, богу Израиля ревностно служилъ Гадаръ, въ домѣ его стоялъ тѣрафимъ* изъ литого серебра и каждое новолуніе приносились жертвы. Жить за городской стѣною принуждала Гадара особенность его ремесла: тошный запахъ подсыхающихъ шкуръ и мездры вѣдой тучей стлался вокругъ его дома. Старякъ любилъ Самсона, дѣлился съ нимъ многодневнымъ опытомъ, а въ душѣ его стужблѣ выростить и укрѣпить неизбывную вѣру въ Тагва — бога народа избраннаго.

Приходя отъ Этома въ Газу, Самсонъ отдыхалъ у Гадара, узнавалъ вонюстл, потомъ шелъ въ городъ устроить дѣла, повидаться съ пріятелями. Всѣхъ кузнецовъ и оружейниковъ переселили къ себѣ филистимляне, а дѣтей семействъ богатыхъ и чтимыхъ взяли заложниками. Не мало іудеевъ посѣщало Газу и держась своихъ единоплеменниковъ Самсонъ не боялся быть узникомъ, лицо его было, какъ у многихъ, а подъ широкой одеждой, скрывавшей его тѣло, трудно было разобрать, одарено ли оно необычайной силой, или только тучное.

Провожалъ Самсона тихій вѣтеръ полей, пахнуцій травами и медомъ, въ тотъ часъ близосюдявшій злаки. Съ голубющаго, не ярко солнечнаго неба, молитвенными кимвалами звенѣли пѣсни жаворочковъ. Песельная дымка таила надъ очертаньями дальнихъ Іудейскихъ горъ: тамъ отдыхали облака, словно стая большихъ бѣлыхъ птицъ, еще не покинувшихъ ночевья. Изъ каждаго комочка сущаго — блилъ ключи тепла и свѣта, ликовало утро, шачивалось половодье жизни. Вплетенные въ зеленое руно посѣвовъ мелькали бѣлые и желтые цвѣты. По краямъ дороги задумавшимся путинками стояли одинокія деревья. Самсонъ свернулъ и пошелъ межюю. Многоотравный дернъ мягкимъ ковромъ стлался подъ ступнями. Шелестѣли ивы, стрекотали цакады. На грудь ему склонялись доврчивые колосы.

И съ каждымъ вздохомъ, съ каждымъ шагомъ, отдалявшимъ его отъ города, спала и медленно разсѣивалась странная тяжесть, въ которой онъ не могъ себѣ дать отчета. И когда за холмами скрылись башни Газы, словно пршло оправданіе нарушенному обѣщанію Гадару и тому одиночеству, куда влекли мысли о Далѣтѣ,

* Изображеніе бога.

неспыл, ибжныя и все же неотступныя. Лишь къ вечеру пришелъ онъ въ селеніе — свое убѣжище. И съ того дня берегло сердце Самсона тревожную и выѣствъ радостную тайну.

Передъ ночью, назначенной Далилой, раньше чѣмъ всегда зашелъ онъ къ Гадару, какъ бы желая искупить прошлую вину. Но неправдой отговорился Самсонъ, обойдя поученіе, не разъ имъ слышанное отъ старца: что уста солгавшаго другу будутъ передъ взоромъ Іагва, какъ у побѣннаго спѣлые плоды тутовых⁶.

Задолго до того, какъ идти въ городъ, мысли Самсона оторвались отъ окружающаго... и сѣтовалъ на себя Самсонъ, но упреки жалили безболвно, какъ неизвѣннаго вора — горе обкраденнаго. Словно ядовитыя траны, зрѣющія въ тѣни, оберегаемая тайна крѣпла въ сердцѣ его, и любовь къ Далилѣ все сильнѣе владела имъ, отѣсняя всѣхъ раньше нужныхъ, близкихъ, подобно птенцу кукушки, растущему въ чужомъ гнѣздѣ. Рѣдко подъ кровлей Гадара сталъ ночевать Самсонъ. И какъ-то случилось, расхворавшись, не сдержался старикъ и скрѣпя сердце началъ пелать Самсону, что безпутно проводить онъ время: «киннокъ испытанный, рядомъ съ желѣзомъ ржавымъ тускнѣетъ, пятнаея ржавчиной... Человѣкъ не слабѣ ли желѣза?». И хотѣлось Гадару, чтобы этотъ разъ у одра его остался Самсонъ. До вечера жило смущеніе Самсона, потому все-таки онъ ушелъ въ Газу.

Въ другой разъ засталъ онъ своего друга въ горѣ и гнѣздѣ: филистимляне забрали лезвія рабочихъ скребокъ, оказавшихся дряннѣе полулюктя. Старикъ призывалъ Іагва карающаго на обидчиковъ, жаловался на слабѣющія силы, что не сможетъ стать онъ въ ряды воиновъ, когда подыметса Израиль и потечетъ кровь нечестивыхъ и роса увлажнитъ сухіе пески и камни * отъ моря до Иордана. Словно тервинѣ ** уиругій — человѣкъ смолоду, но безпощадны годы и, дряхлѣя, грузнетъ онъ, осѣдаетъ, какъ тяжелый мѣшокъ въ прорѣхахъ, какъ земляная куча. Вспомнилъ Самсонъ, что Далила и язичница, и дочь народа вражьяго, но не могъ себя заставить зло думать о ней, испытать раскаянне. Съ жадностью, ей раньше невѣдомой, отдавалась Далила этимъ новымъ встрѣчамъ... и не могла рѣшить — оттого ли, что не изыкала страсть къ Самсону, или потому, что и въ остальномъ былъ онъ другимъ, чѣмъ тѣ, кого раньше знала она. Иногда внезапно между заботами дня ласково, лстивно подступали воспоминанія о Самсонѣ; его застѣнчивость забавляла, грубости остро влекли, подчиняли. Она расширявала Самсона о его жизни, добивалась узнать, какъ одолевалъ онъ опасности, такъ часто ему грозившія.

„Правда, что гдѣ-то у себя въ горахъ, ты сражался одинъ противъ стряда нашихъ воиновъ, и многихъ убилъ, и бѣгствомъ спаслись остальные“... Самсонъ, смѣясь, разсказалъ, что все происходило по иному: филистимляне застигли его въ лѣсовомъ

* Божье благоволеніе за мечь.

** Порода дуба.

ушелъ у Эглова, изъ него одинъ выходъ... и спасти можно было только прибли-
вшись черезъ ихъ ряды. Напалъ онъ перный, для нихъ нежданно... и думая, что съ
нимъ товарищя, филистимляне отступили, открывъ дорогу, чѣмъ онъ воспользовалъ
воспользоваться; убилъ двухъ, трехъ... едва ли больше?

Погода вспоминала Далила о другомъ подвигѣ Самсона, какъ руками онъ задушилъ
льва. О чемъ-то чудесномъ ждала она повѣсти.

‘Я подвязывалъ лозы и вдругъ замѣтилъ, что въ виноградникѣ отдыхаетъ молодой
левъ. Вытащилъ шесть покрѣпче, я пошелъ на звѣря и пока онъ собрался прыг-
нуть, ударомъ оглушилъ его; со мною была веревка, затянувъ петлю я задушилъ
его, а потомъ для шутки разорвалъ пасть. Когда я принесъ льва въ Олмнафу,
никому не пршло въ голову, что сначала я удавилъ его... люди такъ же легковѣрны,
какъ и лживы’ — прибавилъ онъ.

Далилѣ стало почти досадно, что Самсонъ не захотѣлъ обмануть ее. И словно
защищалъ то, чему раньше вѣрила, она сказала: ‘пусть такъ, но съ тобой всегда
счастье, и почему тебѣ служить оно такъ неизвѣнно?...’

— ‘Это моя тайна’ — вырвалось у Самсона.

Жгучее любопытство, радость передъ воплощаемымъ вѣянѣмъ сноиъ — охватила Далилу.
‘Ты се откроешь тайны мои, кто всѣмъ съ тобой дѣлится... о, если ты меня любишь,
то поведайшь ее; и такъ ты уже виноватъ, что до сихъ поръ о ней не обмолвился’.
Наступило молчаніе. Самсонъ закрылъ глаза, ему стало казаться, что Далила съ
нимъ больше вѣтъ... Тихая грусть пролилась въ его сердце; тягость искуса таяла
пъ этой горькой волиѣ, становилась меньшей, незначущей. И покорился Самсонъ,
и отдалъ выкупъ за счастье, за безумство своей любви.

‘Когда онъ былъ еще отрокомъ, родители поручили силу его покровительству
Іагва... въ знакъ вѣрности ему, я не долженъ былъ обрѣзывать своихъ волосы, и
если завѣтъ будетъ нарушенъ, расторгнется союзъ съ Іагва, въ путяхъ жизни
покинетъ меня удача, кто знаетъ, быть можетъ убудетъ и сплз?...’ Тотъ разъ съ
какой-то безграничной щедростью расточала Далила ласки, словно боялась, что онъ
послѣдний, прощальный, что при ноной встрѣчѣ перестанетъ ощущать эти порывы
и ничѣмъ нельзя будетъ ихъ снова вызвать.

И въ чередѣ дней изжитыхъ благостно — по прежнему, зорная мысль, далекая, но
уже настойчивая стала тревожить Далилу: постигнуть на тайну Самсона... обрѣзать
ему волосы. Стойкой волей обладала Далила, предугадывая несбыточное, умѣла
заставать себя никогда о томъ не думать. Впервые овладѣла ею прихоть, которой
не смѣла исполнить, не могла поборотъ, томившая ее, словно порочнаго супруга —
желаніе заставить принять дѣломудренную жеву мечистыя, изращенныя ласки и
знающаго, что можетъ она не принять ихъ, возмечавидѣтъ, какъ за оскорбленіе.
Быть можетъ гордость ея, свободная, равнодушная ко всѣмъ, искала мести за плбизъ,
за невольное подчиненіе Самсону. Какъ съ заключеннымъ неразлучна мечта о побѣдѣ —
опасный замыселъ преслѣдовалъ Далилу.

Это случилось послѣ праздника трубъ, начала жатвы, когда ночи стали тяжелыя, дувныя. Друзья задержали Самсона, онъ пришелъ много позже обычнаго; утомленный зноемъ и долгимъ путемъ, послѣ первыхъ ласкъ прилесть уснуть. Спя у изголовья, Далила сплетала его свѣсившіяся тяжелыя космы, перебирая ихъ, словно скупецъ сокровища. Какъ птицы къ пожарщику — гибель, — тянулись руки ея къ преступленію. Она отвернулась; ушла въ глубь комнаты, вернулась снова. Взглядъ ея печально упалъ на короткій мечъ Самсона, подвѣшенный въ ногахъ ложа. Когда оружіе уже лежало на ея колѣняхъ — дрожь охватила Далилу, словно холодный металлъ безкровно проникъ глубоко ей въ тѣло. Она не знала, сколько длилось жуткое оцѣпененіе... какъ въ бреду, внезапно для самой себя, кинулась и рѣзкимъ, свѣтлымъ взмахомъ срѣзала упруго выгнутыя, свитыя пряди. Клинокъ впился въ дерево, пробужденный Самсонъ стремительно поднялся. Далила не успѣла опомниться, ступить шага... Онъ схватилъ ее, опрокинулъ на ложе и, тяжело дыша, сбѣлъ рядомъ. „Зачѣмъ ты это сдѣлала“, — спросилъ наконецъ, произнося слова медленно, словно сдвигая тяжести. Въ пастяхъ огнестышащихъ горъ вспыхиваетъ то, чего не въ силахъ зажечь люди, — передъ ужасомъ смерти неизбежной, ясной, за мгновеніе у Далилы возникло оправданіе, надъ которымъ въ другое время, она могла бы тщетно задуматься.

„Я ревновала тебя къ Іагвѣ... хотѣла чтобы ты хотя недолго, пусть недолго, но былъ моимъ больше, чѣмъ его“ — и сама не различала лжеть ли, или вѣрить своимъ словамъ.

„Поцдай меня... чтобы не ошлясь судья, какъ преступникъ, не долженъ быть онъ такъ же посвѣщенъ въ осужденіи, какъ тотъ въ проступкѣ. Вѣдь волосы твои опять вырастутъ... Самсонъ, слышишь: игреетъ пастухъ, уже скотъ гонять къ пастбищамъ, торопись уйти, иначе погубишь себя, приходи вечеромъ и какъ рѣшишь поступать со мной, пусть такъ будетъ — слышишь?“

Какъ подрубленному дереву малаго толчка довольно, чтобы рухнуть въ сторону, гдѣ вѣтви гуще — Самсонъ оставилъ ее, торопливо вышелъ, и оба забыли сказать другъ другу слова прощальной ласки. Жестокая усмѣшка свела поблѣвшія губы Далилы, едва она вѣрнулась, что опасность миновала. Страхъ смерти безсѣдно потушилъ въ ея жилахъ пламя страсти къ Самсону. Въ омраченной гибелью душѣ, какъ во тьмѣ зеницы хитцака, ярко вспыхнули: злоба, месть... Отшвырнувъ ногой разметанныя, мертвыя волосы, она легла и стала обдумывать, какъ всего удобнѣе избавиться отъ невужаго, опаснаго любовника. Вспомнила, что онъ пришелъ усталый и потный; презрительно подумала: „нахло, какъ отъ муравьиной кучи“... Потомъ позвала Кемп. „Золото, назначенное за поимку — дарю тебѣ, съ тѣмъ, чтобы ты все устроилъ и подтвердилъ, что онъ посвѣщалъ какую-нибудь изъ рабынь“...

Низко на затылѣ ощущая повязку, Самсонъ уходилъ нивами, жаждущими серна, сверкавшими отяжелѣлыми колосьями. И такъ же, какъ тотъ разъ, послѣ первой встрѣчи съ Далилою, бѣжалъ отъ всѣхъ. Теперь — словно раненый звѣрь, уносящій глубоко возмезье остріе. Солнце незримыми молотами ковало землю, сухую, отвердѣлую. Извилыстыя трещины обнажили въ лонѣ ея бурые корни. Неподвижной полосой, надъ садами тяжѣлъ запахъ перезрѣлыхъ плодовъ. Плитнами застывшейся крови темѣла на склонахъ обожженная листва виноградниковъ.

Во взглядѣ всякаго прохожаго Самсонъ читалъ злой умыселъ... ему казалось — каждый узнаетъ его, что именно онъ — Самсонъ. Страхъ насилонца, издѣваясь надъ нимъ: за однимъ изъ поворотовъ дорога Самсонъ не выдержалъ и ринулся впередъ съ быстротою, на какую лишь былъ способенъ. И страхъ гналъ и давилъ его, словно онъ бѣжалъ въ гору, подъ тѣсными сводами, нависавшими все ниже и ниже. Въ изнеможеньи, задыхаясь, онъ оборвалъ бѣгъ, пошелъ медленно, шагомъ... и шелъ, все шелъ, безъ усталы, какъ мечетя въ стѣнахъ клѣтки дикій звѣрь.

И думалъ... искалъ разобраться въ случившемся: убить Далилу — виновницу, тогда лавъ быть можетъ не отступитъ отъ него... Открыться Гагару, уничтожить ложь все растущую... просить у него совѣта. Но онъ самъ виновень, открытъ Далилѣ тайну; разнѣ до сихъ поръ онъ испыталъ отъ Далилы что-нибудь плохое? Онъ вѣрить ей, любить!

Мысли его то бѣшено и тщетно бились, пытаясь превозмочь препятствія, какъ змѣи, брошенные въ глубокой, гладкой колодезь, то замирали въ изнеможеньи передъ будущимъ, словно кроты на солнцѣ.

Въ безысходности онъ начиналъ слѣдить за окружающимъ: за какой-нибудь былинкой, жукомъ, за людьми, погруженными въ мирный привычный трудъ, — въ странной надеждѣ, что оттуда придетъ помощь, покой...

А потомъ вспоминалъ: что теперь съ Далилою, чего ждетъ она?..

Неужели онъ станетъ ея убійцей?! И мучила тоска, хотѣлось забвенія, нѣжнаго участія.

Когда къ закату онъ возвращался въ Газу, откуда-то изъ глубины сада донеслись призывы пѣсни: «Въ голубыхъ глазахъ ея столько сіянія, словно на двелномъ небѣ зажглись мѣрады звѣздъ!..»

«Дыханіе устъ ея пахучее и нѣжное — подобно ласкѣ падающихъ лепестковъ дѣвствующей яблони!..»

И легче показалось Самсону бремя его горести; онъ пошелъ быстрѣе, какъ вѣстникъ милости, прощенія, любви.

...Взгляните: вотъ верхній вѣтеръ несетъ облака въ одну сторону, а деревья здѣсь внизу, упрямо гнутся въ обратную, и два незримыхъ потока уже бушуютъ, сшибаясь гдѣ-то въ высяхъ. И уже осилили верхнія дальнія волны, намъ невидимыя, неощутимыя... И свершается перемена судьбы человека, брошенъ ему черный жребій и рушится жданъ его, а онъ все еще косибетъ въ доврчивомъ невѣдѣнн.

Едва Самсонъ ступилъ подъ знакомую кровлю, какъ былъ оглушенъ ударами, сбить съ ногъ и связанъ. Затѣмъ тутъ же, по раньше данному приказу педцаба, плѣннику выжгли глаза.

Помутившее сознание Самсона неколыхнула нестерпимая боль, мгновенной полосой обнаженного дна — мелькнуло: „тяжестъ гивъ Іагва карающаго“... и все опять смѣшалось въ хаосѣ.

Потомъ ему освободили ноги и тупыми концами копій погнали въ путь. Самсонъ покорно слѣдовалъ съ отрядомъ. Бичуемый болью, стиснутый ярмомъ позора, онъ тщетно пытался вернуться къ недавнему; разгадать, какъ все случилось. Безсильны и спутаны были мысли, словно полегшія на днѣ русла водоросли, иякли воля, какъ полногрудый парусъ въ безвѣтріе. Облитое неровнымъ заревомъ лицо его, рябое отъ грязи и густѣвшей крови, казалось въ жуткой плохѣ сложенной маскѣ: у чела чужое, мертвое; почти прежнее внизу, гдѣ неукротимо живы остались губы и упрямые ноздри.

Вели его медленно. Собиралась толпа. Воины рассказывали, какъ поймали Самсона. Длительно и трудно было ему разбираться въ говорѣ, кивкахъ. Лишь пмя Даллы, вновь и вновь повторяемое, заставляло мучительно вслушаться... постичь вѣроломство. Сдѣлавъ еще шагъ, Самсонъ грузно пошатнувшись остановился, свѣсилъ ниже голову и выплюнувъ темную слюну, заскрипѣлъ зубами. А когда его повудили идти, яростно принявъ и, порвавъ усы, долго сопротивлялся бѣженію и безцѣльно, пока, истекая кровью, полумертвый отъ ударовъ, не свалился на пыльную дорогу. Позже, когда Самсонъ, заключенный въ темницу, мало-по-малу сталъ поправляться, онъ равнодушно подчинился власти его окружавшихъ. Тѣло оставалось жить, какъ зеленѣть дерево съ гниющей сердцевинной, глубокимъ тайнымъ дупломъ.

Въ его больномъ мозгу, словно въ Генсарскихъ пещерахъ, гдѣ хоронили трупы и жили безумные, было только мертвое ушедшее, да порой проносились безсвязныя видѣнія.

И когда замѣтили перемену и повѣрили его кротости, Самсона перестали держать въ темничной ямѣ и, заковавъ въ тѣсныя цѣли, приставили къ общественной мельницѣ. Сюда ивогда, съ осторожнымъ любопытствомъ, приходили соплеменники Самсона и бывшіе друзья. Почти всѣ его осуждали: одни громко, другіе про себя иѣкоторые совѣтовали: „что ждешь — убей себя!“

Самсонъ не слушалъ ихъ, не отвѣчалъ на брань. Самъ онъ, едва нервилось къ нему сознание, рѣшилъ умереть отъ голода, или разбить голову о камни. Но тутъ же медленно родились другія мысли — о всемогуществѣ Іагва. „Пока онъ длить твою жизнь, ты его неоплатный должникъ, иѣдъ и пойманный истребъ не принимаетъ въ ценѣ ницци, предпочитаетъ смерть тяжелой неволѣ... Теперь хозяинъ Самсона — только Іагва и его рука укажетъ смертный часъ слѣдцу“. Самсонъ пробовалъ

молиться, но не зная, не умѣя это дѣлать... Глухой, тайной молитвой стала вся его жизнь.

Черезъ полъ-года Самсона взяли на работы по постройкѣ храма Дагона. Сначала онъ отказался, ему пригрозили смертью... онъ уступилъ. Но ни разу не довелось ему повстрѣчаться на улицахъ Далилу или людей ея. Когда зданіе было кончено, на празднество перваго служенія правитель Газы пригласилъ сарновъ и недобровъ дружественныхъ городовъ и много филистимской знати. Привели къ пристройкамъ капища и Самсона. Собирались, развлечения ради, послѣ богослуженія показать его почетнымъ гостямъ. Сопровождавшей стражѣ захотѣлось тоже посмотреть торжество, послушать моленій жрецовъ.

Самсона повели на хоры и спрятали за колонной, усадивъ на длинную кедровую скамью. Онъ равнодушно, какъ всегда, поинновался. Здѣсь впервые онъ услыхалъ голосъ Далилы, негромкій, лукавый. Внезапно Самсона свела бѣшеная судорга, хрипя онъ растянулъ мѣдныя цѣпи и порвалъ ихъ какъ гнилую сѣть. Схватилъ длинное сѣдалище, опрокинулъ сосѣдей и, ударяя имъ какъ цѣпомъ, ринулся въ сторону откуда донесся голосъ.

Толпа отхлынула, поломала перпла хоръ, повергла цѣсколько статуй. Камни и люди срывались, убивая, убиваясь и дробя собравшихъ внизу. Самсонъ упалъ однимъ изъ послѣднихъ.

Замѣтивъ, что онъ еще дышитъ, послѣ его прикончили копьемъ. Такъ умеръ Самсонъ изъ Цараа.

СЕРГѢЙ ЛУСЕНДЕРЪ

СТАВКА КНЯЗЯ МАТВѢЯ

РАЗСКАЗЪ

Э то вы, князь, напрасно изволили ко мнѣ обращаться. Потворцвомъ шалостей вашихъ никогда не состоялъ, и впредь, прошу точно запомнить, состоять не намѣренъ. Нареканія и замѣчанія выслушивать за недостойное и несправичное — да, милостивый государь Ваше Сіятельство, — неприлично поведеніе ваше не согласенъ. Первый буду ходатайствовать о примѣненія строжайшихъ мѣръ къ обузданію вашему. Только этимъ могу оказать вамъ родственную услугу и исполнить свой долгъ передъ покойной вашей матушкой, поручившей мнѣ тяжелыя заботы о васъ. Въ остальномъ же не извольте питать никакихъ надеждъ. Достаточно было снисходительности.

Князь Евтихій Александровичъ, уже одѣтый къ выѣзду, въ придворномъ мундирѣ, язвительно распаркивался передъ своимъ племянникомъ, княземъ Матіеємъ, брызгалъ слюною, захлебывался, стучал маленькимъ кулачкомъ по столу и былъ доволенъ собою, думая, что похожъ на безжалостнаго героя трагедіи.

— Въ каторгу когда васъ будутъ посылать, — чему не удивлюсь, — пальцемъ не пошевельну, милостивый государь, — задыхался, язвигивалъ князь Евтихій.

Съ тупымъ равнодушіемъ выслушивать князь Матіей гнѣвные дядины рѣчи.

Все было знакомо до тоски ему, — и этотъ большой, съ холодной роскошью убранный кабинетъ, и визгливый голосъ князя Евтихія, и его коричневый, обившійся немного на бокъ паркетъ, и купидонъ на бровзовыхъ часахъ, посылающій стрѣлу, и замысловатый бой курантовъ, и широкая площадь, видная въ окно, затумоненное тоскливымъ осеннимъ дождемъ.

Послѣ вчерашней попойки болѣла голова, было непереносимо скучно стоять у дверей и ждать, пока пройдетъ припадокъ ярости у князя Евтихія, и онъ, въ тыслчмный разъ повторивъ оностыльчивіе упреки, ушюкнется, подойдетъ къ конторкѣ, достанетъ деньги, кинетъ ихъ на столъ и скажетъ брезгливо:

— Ступай. Въ послѣдній разъ это дѣлаю. Не для тебя, а для спасенія чести рода Новаринныхъ, среди которыхъ не числилось до сей поры безчестныхъ мотовъ и безобразниковъ.

Долге обычнаго продолжалъ сегодня злобствовать князь Евтихій.

Уже куранты проиграли и четверть, и половину одиннадцатаго, и княжій камерди-перъ нѣсколько разъ выглядывалъ изъ-за двери, чтобы доложить, что карета подана, а Евтихій Александровичъ бѣгалъ по кабинету, дѣлалъ выразительныя паузы, и опять принимался стучать кулачкомъ по столу и выкрикивать язвительныя слова.

Казалось князю Матіею, что конца этому не будетъ, и нѣсколько разъ истеричливо крутилъ онъ черный усъ и подергивалъ плечами, совсѣмъ уже готовый какой-нибудь безобразной дерзостью окончить эту ставовившуюся нестерпимо скучной сцену.

Но вдругъ тяжело бухнула пушка съ крѣпости, и Евтихій Александровичъ, оборвавъ свою рѣчь на полусловѣ, испуганно забеспокоился.

— Ужели ужъ полдень? Во дворецъ опоздалъ...

Сторожившій у дверей камердверъ рѣшилъ выѣхать.

— Никакъ вѣтъ, ваше сіятельство. Должно, по причинѣ наводненія стрѣляютъ; съ вечера еще вода прибывала; сказываютъ, въ гавани изрядно подмокли. А время, ваше сіятельство, безъ четверти одиннадцать будетъ скоро.

— Пора, пора! — заторопился князь Евтихій: — скорѣй шинель да шляпу, и бумаги въ карету свеси. Завтракаю сегодня во дворцѣ, — горделиво закинувъ голову, добавилъ онъ, и уже въ дверяхъ бросилъ племяннику:

— Къ теткѣ ступай. Она дастъ. Но, честью клянусь, въ послѣдній это разъ.

Камердверъ накинулъ на плечо князя бархатную шинель, подаль красный шелковый шарфъ окутать горло и, схвативъ тяжелый княжескій портфель, побѣжалъ за княземъ Евтихіемъ, который не бѣжалъ, а несся къ выходу.

Князь Матвѣй, тупымъ взглядомъ проводивъ дядю, подошелъ для чего-то къ окну и долго безъ мыслей смотрѣлъ на унылую въ огромныхъ лужахъ площадь, сѣрое безнадежное небо, едва выступавшій въ туманѣ памятникъ, на канцеляриста въ раздуваемой вѣтромъ шинели, осторожно пробирающагося по каменикамъ черезъ непролазную грязь. Скука и безпривычная тоска давили князя Матвѣя; онъ даже не вспоминалъ ни унизительной воркотни дяди, ни грозящаго большими сложностями скандала, героемъ котораго вчера онъ сдѣлался, ни огромнаго проигрыша, ни предстоящаго разговора съ теткой, ни всѣхъ прочихъ несудачъ и неприятностей.

Онъ не думалъ ни о чемъ, и туманная, беспросивтная слякоть, царившая за окномъ, окутывала его чѣмъ-то слизкимъ, противнымъ до тошноты и тоскливымъ. — Вотъ вы гдѣ, а я васъ жду, — раздался за спиной князя Матвѣя жеманный голосъ.

Онъ обернулся.

Кокетливо улыбаясь, въ престелномъ утреннемъ туалетѣ, но уже тщательно причесанная, съ мушкой на правой щекѣ, стояла передъ нимъ тетушка его, княгиня Анна Семеновна.

Будучи дѣтъ на сорокъ моложе своего мужа, считалась Анна Семеновна одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ, но сейчасъ князю Матвѣю показались противными и приторно-сладкая улыбка ея тонкихъ злыхъ губъ, и ея жеманный голосъ, и подозрительная бѣлизна поливыхъ, намбрено едва прикрытыхъ товкимъ шарфомъ грудей, и вся она, сдѣланная будто изъ марципана и обсыпанная сахаромъ.

Онъ едва коснулся кончиками усовъ ея холеной, въ дорогихъ кольцахъ, ручки и на вѣжное пожатіе отвѣтилъ тѣмъ, что грубо вырвалъ свою руку.

Княгиня улыбнулась только на эту грубость, чуть-чуть приподнявъ крашенныя брови, и промолвила по-французски ласково, но не безъ насмѣшки:

— Вы въ очень плохомъ настроеніи, мой другъ. Но пройдетъ ко мнѣ, тамъ мы поговоримъ, и, я надѣюсь, вы успокоитесь, бѣдный мой мальчикъ.

Она повелительно взяла подъ руку князя Матвѣя и они молча прошли по ряду гостиныхъ и угрюмому двухсвѣтному залу на княгинину полощину, гдѣ комнаты были меньше, обставленныя причудливой мягкой мебелью, гдѣ топилась печка и зеленый попугай въ золоченой клѣткѣ, картава, кричалъ:

— Здравствуй, здравствуй, здравствуй!

Анна Семеновна усадила князя Матвѣя на низкую, обитую зеленымъ атласомъ съ разводами оттоманку, сѣла сама рядомъ съ нимъ и, задержавъ ручку на рукавѣ его мундира, спросила уже гораздо болѣе искреннимъ и заботливымъ голосомъ:

— Что случилось съ вами? Опять проказы, шалости? Не бойтесь искренности со мной. Вы знаете, я всегда готова помочь вамъ, и не упреки услышите вы отъ меня, а слова, продиктованныя преданной ибжностью.

Она томно взглянула на князя, помолчала минуту и со словами:

— Ахъ, ты не знаешь, не хочешь знать, что ты для меня, — ловкимъ, кошачьимъ движеніемъ обняла его за шею, нагнула голову и жадно стала цѣловать.

Князь угрюмо отстранилъ ее и всталъ.

— Не надо! — почти крикнулъ онъ грубо.

— Вотъ какъ! — притворно засмѣялась Анна Семеновна и тоже встала, бѣгло взглянула въ зеркало, поправила прическу и съ холоднымъ пренебреженіемъ промолвила:

— Князь проситъ меня передать вамъ тысячу. Можете получить.

— Какъ, тысячу! — воскликнулъ, съ вдругъ иррорвавшимся бѣшенствомъ, князь Матвѣй. — Какъ тысячу, когда я долженъ уплатить сегодня одиннадцать!

— Я не знаю вашихъ расчетовъ, дорогой племянникъ, — лязгательно, любуясь его бѣшенствомъ, отвѣтила Анна Семеновна.

Узкіе калмыцкіе глаза князя Матвѣя Поварина стали круглыми. Онъ рѣзко повернулся и промчался по комнатѣ, уронивъ на ходу маленькое креслице.

Княгиня не выдержала; протянувъ руки къ нему, она заговорила горячо:

— Какъ ты мелъ мучашь. Столько оскорбленій, — за что? За то ли, что люблю тебя безразсудно, ставя на карту честь свою, положеніе, репутацію...

— Очень мнѣ нужно! — закричалъ князь Матвѣй: — Ты мерзѣ мнѣ послѣдней трактирной дѣвки. И вѣтъ такихъ денегъ, которыя заставили бы меня еще хоть одинъ разъ...

— Тихе, князь, — прервала его Анна Семеновна, поблѣднѣвъ до синевы, чего не могла скрыть и румяна. — Помните, что вы въ моей власти. Только открыть мнѣ этотъ ящичекъ и вынуть ваши бумажки, и завтра же князя Поварина не существуетъ!

При этихъ ея словахъ ярость князя Матвѣя дошла до послѣдняго предѣла.

— Молчи! — крикнулъ онъ и прибавилъ словечко, врядъ-ли когда-либо произноси-

ное въ этихъ надушенныхъ сладкой вербеной комнатахъ. — Молчи! — и, сблвавъ шагъ въ ея сторону, онъ грубо толкнулъ княгиню въ вѣбное, на половищу кокетливо обнаженное, плечико.

Княгиня ахнула болѣе отъ неожиданности, чѣмъ отъ боли, и повалилась на оттоманку.

Впрочемъ, почти сейчасъ же она пришла въ себя, и, когда князь Матвѣй крутыми шагами удалялся, успѣла крикнуть какимъ-то не своимъ голосомъ:

— Если черезъ три дня...

Дальше князь Матвѣй не слышалъ, хорошо однако понимая значеніе словъ ея. Только попавъ на улицу, подъ пронзывающій холодный дождь, пришелъ въ себя князь Матвѣй.

Закутавшись плотнѣе въ плащъ, онъ зашагалъ по Невскому, не разбирая лужъ и грязи.

II

Въ задней комнатѣ рестораціи Френделя вѣскольکو офицеровъ, поснимавъ мундиры, играли на бильярдѣ.

Весело щелкали шары. Задорнымъ голосомъ выкрикивалъ счетъ молодцоватый маркеръ. На соседнемъ столѣкъ свѣій огонь лизалъ края пуншевой чаши. Наблюдающіе за игрой курили трубки и громко спорили о достоинствахъ удара.

Не обращая вниманія на весь этотъ шумъ, молоденькій поручикъ Неводовъ, блондинъ, съ розовыми щеками и едва пробивающимися усиками, сидя на подоконникѣ спиной къ свѣту, внимательно читалъ книгу, держа ее почти у самыхъ глазъ. Пзрѣдка онъ досадливо морщился, когда разговоръ игроковъ становился слишкомъ шумнымъ, оглядывалъ ихъ недовольнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ, перелистывалъ страницу и опять погружался въ чтеніе.

— Ну, и погода чертовская, — ворчалъ князь Матвѣй, входя въ комнату и сбрасывая на руки лакея промокшій плащъ.

— А, Повариха! Что ты вчера натворила? Весь городъ говоритъ! — слышались восклицанія, и на минуту игра прекратилась, такъ какъ всѣ съ любопытствомъ окружили князя Матвѣя, расспрашивая и тормоша его.

— Глухости! — угрюмо промолвилъ Повариха, — охота вамъ, какъ бабамъ, языки трепать. Глупая сизетня, ничего болѣе. Выпить бы лучше дали, чтобъ согрѣться.

— Оставьте князеньку. Не высался онъ, букой смотреть, — засмѣялся красивый гвардеецъ Сашка Пухтояровъ и пригласилъ игроковъ къ бильярдѣ.

Мало по малу всѣ оставили князя Матвѣя, и со стакамомъ горячаго пунша онъ мрачно усѣлся въ сторонѣ.

Неводовъ, оторвавшись отъ своей книги, увидѣвъ Повариха и, соскочивъ съ подоконника, подошелъ къ нему.

— Здравствуйте, князь, — робко покраснѣвъ, произнесъ онъ и сталъ почти въ упоръ разглядывать Поварина своими близорукими, прстальными глазами.

Юному застѣвичному поручику казался князь Матвѣй мрачнымъ и таинственнымъ героемъ излюбленныхъ его романтическихъ поэмъ въ духѣ Лорда Байрона. Поймавъ на себѣ удивленный, почти восхищенный, изглядъ поручика, Поваринъ криво усмѣхнулся своей тяжелой, похожей на гримасу, улыбкой и указалъ Неводову сѣсть рядомъ.

— А вы все за книгами, мой молодой другъ, — произнесъ онъ съ покровительственной насмѣшливостью. — Что изволите изучать нынѣ?

Сдѣлавшись соннымъ алымъ отъ радостнаго смущенія, Неводовъ молча показалъ заглавный листъ запрещеннаго строгостями цензуры въ Россіи томъ Шиллера на нѣмецкомъ языкѣ.

Разсѣянно перелиставъ книгу, князь Матвѣй вернулъ ее съ видомъ разочарованнымъ.

— Много сочинителя пишутъ, да толку мало. Отъ писавія ихъ никому лучше не станется, — промолвилъ онъ тономъ знатока.

Волнуясь и запяваясь, заговорилъ Неводовъ:

— Не совсѣмъ могу согласиться съ вами, князь. Многія любопытныя мысли не припили бы намъ въ голову безъ чтенія, а мысли переходятъ въ дѣйствіе, такимъ образомъ, врядъ-ли нельзя не призывать вліянія литературы на жизненные поступки наши.

— Какія же мысли вычитали вы у этого нѣмца? — усмѣхаясь, спросилъ Поваринъ.

— Занимаетъ меня, къ примѣру сказать, сегодня, — заговорилъ Неводовъ горячо, — дозволено ли злодѣйство? И когда является оно героическимъ подвигомъ, когда безчестіемъ? Гдѣ здѣсь поставить границы? Есть ли воля человѣческая и желаніе — достаточное оправданіе поступковъ?

Онъ остановился, какъ бы ожидая отвѣта, но Поваринъ только проворчалъ:

— Да вы большой философъ, до чего я не слишкомъ большой охотникъ.

Князь Матвѣя больше не забавляло восхищеніе юнаго поручика, а что-то раздражало онъ его — и румянымъ своимъ, дѣтскимъ почти, лицомъ, и восторженной рѣчью, и чистенькимъ, аккуратненькимъ мундиромъ. Хотѣлось князю Матвѣю оборвать разболтавшагося мальчишку, и онъ мрачно прилебывалъ пуншъ.

Неводовъ смутился его видомъ, сконфуженно пробормоталъ что-то о погодѣ и наподневилъ, и, отойдя къ своему подоконнику, опять принялся за книгу.

— Побѣсите-бы мальчишку, исполосовать ему рожу. Вишь, ровно херувимъ сидитъ, — тяжело думалъ князь Матвѣй, осушая не то третій, не то четвертый стаканъ, и уже буйно хмѣля. Безпричинная злоба подвигалась въ немъ, злоба, нуждавшая его къ столькимъ безмысленнымъ, безобразнымъ скандаламъ.

Но въ ту минуту, какъ намѣревался онъ уже встать и подойти къ Неводову, придуманная предлогъ для ссоры, въ комнату быстро вбѣжала офицеръ.

Вода ласала ручьями съ плаща и шляпы его; еще въ дверяхъ громко закрлчаль онъ:

— Братики, театральное тонеть. Ёдемте спасать. Можетъ, кому что и достаетел!

При этихъ словахъ первымъ вскочилъ Неводовъ и безпокойно сталъ разыскивать фуражку и шляпел.

Игроки побросали игру и стали разспрашивать о случившемся. Нѣсколько человекъ приняло предложеніе Ёхать спасать театральное училище.

Весело начали одѣваться.

Неводовъ выскочилъ первымъ.

— Эвъ его, будто муха укусила, когда о дѣвченкахъ услышалъ, — громко засмѣлся Поваринъ и, выинилъ послѣдній стаканъ, обжегшій горло, тоже сталъ собираться.

Холодный дождь шелъ, не давая надежды на скорое прекращеніе. Вѣтеръ съ моря рвалъ шляпы. Огромныя лужи посереднѣ Невского грозили въ скоромъ времени превратиться въ бурный потокъ.

Громко разговаривал, шлепали офицеры по колѣбно въ водѣ.

Поваринъ съ тайнымъ злорадствомъ наблюдалъ за тревожнымъ волненіемъ Неводова.

— Нагадить бы ему хорошенъко, чтобы помнилъ, дозволено ли злодѣйство. Тоже, филозофъ! — съ упрямой злобой думалъ князь Матвій.

Мойка вышла изъ береговъ. Фельдъ-егерь съ большой казенной сумкой плылъ на шестивесельной лодкѣ по направленію къ Зимнему дворцу.

Не малаго труда стоило нашимъ путникамъ раздобыть свободнаго лодочника. Наконецъ, шая и смѣясь, оня усѣлся, п угрюмый чухонецъ, не вынимая изъ рта давно потухшую подь дождемъ трубку, лѣвильно загребъ къ Офицерской улицѣ. Во многихъ мѣстахъ вода достигала уже второго этажа, въ окнахъ мелькали испуганныя лица, по водѣ плавали принадлежности обихода; изъ крѣпости все чаще и чаще доносился тревожный гулъ пушекъ.

Пробѣжавъ по Вознесенскому, офицеры свернули на Офицерскую, и черезъ открытыя настежь ворота попали на обширный дворъ Театральнаго училища.

На половину дворъ была заназенъ дровами, которыя плавали на поверхности воды и мѣшали пробраться къ небольшой стекляшлой галдарейкѣ, гдѣ прибытіе офицеровъ уже было замѣчено. Офицеры старались растолкать дрова руками, но все же скоро лодка остановилась, и чухонецъ, флегматично сложивъ несла, объявилъ: «нѣтъ».

Съ галдарейки глядѣло, прижавшись къ мутнымъ стекламъ, нѣсколько воспитаницъ, пользуясь смятеніемъ начальства.

— Вотъ Танюша, а это, кажется, Анзашька Бобикъ, — взглядывалъ въ окна, называлъ Сашка Пухтояровъ.

— Да, это Лизанька,— промолвил вдруг всю дорогу молчавший Неводовъ и страшно смутился.

Всѣ со смѣхомъ обернулись къ нему.

— Ай-да, Неводовъ! Съ самой хорошенькой изъ всего училища шуры-муры завелъ, а еще тилоя! — смѣялась товарищи.

Неводовъ чуть не плакалъ.

Въ эту минуту распахнулось одно окно, и раздался звонкій, почти плачущій голосъ:

— Господи, котеночекъ-то утопнетъ!

— Это Бобикъ! Ай-эта дѣвченка — пальчики оближешь! — толковали въ лодкѣ, разглядывая Лизаньку Бобикову.

Князю Матвѣю даже въ голову ударило, такой вѣжливости показалась она ему въ рамѣ окна, съ золотистыми, темного свисшими волосами, большими темными глазами, тонкимъ, будто вырѣзаннымъ, профилемъ, стройная и хрупкая, жалобно протягивающая руки къ рыжему котенку, вѣдлившемуся въ полѣно и, дѣйствительно, каждую минуту близкому къ гибели.

Неводовъ сдѣлалъ порывистое движеніе къ ней, но Поваринъ силой усадилъ его на мѣсто.

— Куда тебѣ, мальчишка! — крикнулъ онъ и, едва не перевернувъ лодку, выскочилъ на колеблемыя отъ его шаговъ дрожа.

— Потопнешь, сумасшедшій! — кричали съ лодки.

Обрываясь и ловко карабкался, перепрыгивая Поваринъ по шаткому плоту. Въ секунду добрался онъ до котенка, отъ ужаса обезумѣвшаго и уже потерявшаго голосъ. Не безъ труда оторвалъ князь Матвѣй ошметнившася котенка отъ бревна, самъ каждую минуту подвергаясь опасности провалиться, и быстро побѣжалъ къ галдарейкѣ.

Ухватившись рукой за окно, Поваринъ подалъ, какъ трофей побѣдный, рыженькаго котенка Лизанькѣ.

Та прижала его со слезами къ лицу и нѣсколько минутъ не находила словъ благодарности, потомъ, будто опомнившись, она шгнулась къ Поварину и, покрасивъ, произнесла:

— Я вамъ такъ благодарна! — и прибавила быстрымъ шопотомъ: — я вижу вы благородный человекъ. Ради Бога, окажите мнѣ еще одну услугу и передайте эту записку. Молю васъ, никому на слова!

И она ловко сунула за обшлагъ его рукава маленькій розовый конвертикъ.

Ошеломленный вѣжливой ея красотой, князь Матвѣй не нашелъ словъ. Онъ прошепталъ:

— Клянусь! — и, задержавъ ручку, запикивающую записку, подѣловалъ тоненькіе, со слѣдами чернилъ, дрожащіе пальчики.

Въ нѣсколько прыжковъ добрался Поваринъ обратно въ лодку.

— Да ты нѣ крови! — воскликнулъ Пухтоярровъ.

Дѣйствительно, вся рука князя Матвѣя была въ царапинахъ.

— Это котенокъ. Чуть было не потопъ ошь, — блаженно улыбаясь, говорилъ Поварлицъ, обвязывая пораненную руку платкомъ.

— Вотъ чудной! А дѣвчепка чертовски хороша, — смѣялись товарищи.

Въ ольгѣ, вмѣсто Лизавьки, торчала лысая голова нѣмца инспектора, известнаго подъ кличкой „барабанъ“.

Онь стучалъ палкой и готовъ былъ выпалтнѣть изъ окна отъ ярости.

— Я буду писать жалоба господину его превосходительству полицеймейстеру на такіе безобразные поступки, — кричалъ онь.

— Барабанъ, барабанъ, барабанъ! — веселымъ хоромъ отвѣчали ему съ отплывающей лодки.

А за спиной инспектора, откуда-то издалека, Лизавька, прижимая къ щекамъ желтаго котенка, улыбалась и дѣлала ручкой.

Поварилъ быстро обернулся на сидѣвшаго сзади Неводова. Тотъ сіязъ и отвѣчалъ на знаки, очевидно, назначенные ему.

— Вотъ какъ! Это мы еще посмотреть! — подумалъ князь Матвѣй, прищурившись разглядывая смутившагося подъ его изоромъ Неводова.

III

Пріѣхавъ домой, князь Матвѣй скинулъ промокшее насквозь платье и, падѣвъ бархатныя туфли и персидскій халатъ, велѣлъ дѣньщику принести обѣдъ изъ соседняго трактира и вина.

Пообѣдавъ въ сумеркахъ, онь долго лежалъ на диванѣ, какъ бы обдумывая что-то, потомъ рѣшительно вскочилъ, зажегъ свѣчи и, внимательно осмотрѣвъ маленькій розовый конвертъ съ тщательно выведенной надписью — „Якову Степановичу Неводову, Его Благородію поручику“, тонкимъ ножомъ осторожно подрѣзалъ печать съ голубкомъ. На топенькомъ листочкѣ исувѣренными, кривыми буквами было написано:

— „Непаглядный Яшешька мой! Извѣщаю Васъ, что рѣшеніе, принятое мною, держу твердо, и сжеп въ первый же рязъ, когда будетъ птти „Калифъ Багдадскій“, Вы передъ послѣднимъ актомъ подѣдете къ нашему подѣзду въ каретѣ съ зелеными шторами (дабы я не ошиблась), то легко можно будетъ мнѣ незамѣтно выбѣжать изъ театра и по уговору нашему исполнить Цѣдную золотого, непагляднаго Яшешьку моего. Любящая по гробъ жизни, Ваша Lise“.

Перечитавъ эту записку нѣсколько разъ, князь Матвѣй запагалъ по комнатѣ. Онь хмурился, усмѣхался, останавливался у стола, прочитывалъ записку снова, выпивалъ залпомъ стакавъ вина и опять быстро кружилъ по комнатѣ, размахивая руками, а иногда даже самъ съ собою разговаривая.

Если бы кто-нибудь украдкой заглянул въ эту минуту въ окно небольшого, убраннаго въ восточномъ вкусѣ кабинета Поварина, страшнымъ бы показалось ему лицо князя.

— Нѣтъ, не бывать тому. Я ему покажу, мальчишкѣ. Я его угощу! — бормоталъ Поваринъ, угрожающе сжимал кулаки и до боли закусывая губы въ бесполезной ярости.

Долго метался такъ по своей комнатѣ князь Матвѣй, не приходя еще ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Когда часы пробили восемь, онъ перечелъ еще разъ записку, тщательно припряталъ ее въ затѣливый дерчикъ слововой кости съ пькрустаціями и тайнымъ замкомъ (подарокъ княгини Анны Семеновны) и, крикнувъ денщика, пошелъ одѣваться.

Сидя передъ зеркаломъ, онъ внимательно разглядывалъ свое лицо. Нельзя было бы назвать князя Матвѣя красавцемъ, съ его узкими, чуть-чуть раскосыми глазами, выдвинутыми скулами, толстыми губами, пѣз-подъ которыхъ сверкали, какъ хищныя клыки, бѣлые зубы. Но было въ его смугломъ цвѣтѣ лица, въ блестящихъ черныхъ волосахъ, въ самахъ неправильностяхъ чертъ что-то привлекательное, такъ что недаромъ городская молва называла его героемъ многихъ, самыхъ разнообразныхъ любовныхъ приключеній.

Оставшаяся видимо довольнѣ собой, Поваринъ воскликнулъ:

— Не мытьемъ, такъ катаньемъ, — и сдѣлалъ такое рѣшительное движеніе рукой, что денщикъ, натягивавшій ботфорту, испуганно шарахнулся въ сторону.

Въ этотъ вечеръ собрался у Сашки Пухтоярова, но на улицѣ досадно вспоминалъ князь Матвѣй объ утренней сценѣ съ теткой и рѣшилъ зайти къ Карапеткѣ посоветоваться о возможныхъ послѣдствіяхъ, если княгиня приведетъ въ исполненіе свои угрозы.

Дождь пересталъ, но въ темнотѣ едва можно было пробраться въ нивыя мѣстахъ черезъ лужи и грязь. Фонари не горѣли, извозчиковъ не было.

Чертыхаясь, плелся Поваринъ по Литейному, гдѣ въ одномъ пѣзъ переулковъ проживалъ извѣстный всему Петербургу Карапетъ — предсказатель будущаго, безжалостный процентщикъ, поставщикъ мыла и восточныхъ куревій, при случаѣ — ловкій сводникъ, и имбующій еще много другихъ, темныхъ, но прибыльныхъ, профессій.

Въ домишкѣ Карапета крѣпко-вакрѣпко заперты были и двери, и ставни на окнахъ. Долгатаго труда стояло Поварину достучаться. Наконецъ, за дверью закашляла старуха-стряпуха.

— Открывай же, черти, это я, князь Поваринъ! — кричалъ Поваринъ.

Еще помедливъ нѣсколько, видимо, сходявъ сказать Карапету о посетителѣ, старуха открыла дверь и, ворча, провела князя по темному коридору въ кухню.

Круглый фитиль плавалъ въ большой чашкѣ съ масломъ, шпал и коптя, едва освѣщая просторную кухню съ лежанкой и большой печкой. Карапетъ, тучный,

въ красной сюртукѣ и засаленномъ халатѣ, сидѣлъ у стола и, беря пальцами изъ блюда какую-то сидль, Ъль, жадно чавкая и вытпрая пальцы о длинную крашеную бороду.

Увидя князя, онъ весело подмигнулъ ему.

— А, князь! Хорошъ князь! Весь день ждалъ тебя, зналъ, что придешь. Плохи дѣла. Ой-ай, какъ плохи! — Карапетъ чмокалъ сожальательно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весело подмигивалъ однимъ глазомъ, какъ бы насмѣхаясь.

— Ужели тетка ужъ свюхалась съ нимъ, — гнѣвно подумалъ Поваринъ и закричалъ, наступая на Карапета.

— Ты чего каркаешь, собачій сынъ? И вотъ тебя стукну по башкѣ, будутъ плохи дѣла!

На громкѣй голось князя изъ темнаго угла съ лавки поднялся рослый, рѣдкой красоты юноша въ бѣломъ чекменѣ, весь съ ногъ до головы увѣшанный кинжалами, пистолетами и какимъ-то другимъ мелкимъ оружіемъ.

— Ишь, занелъ себѣ какого, пакостникъ старый! — пробормоталъ князь Матвѣй, невольно отступая передъ грознымъ видомъ дюжаго оруженосца.

Карапетъ же пришелъ въ большую радость.

— Хорошъ Абдулка! Хорошъ! Красный-то какой, посмотри! — восклицалъ онъ, чмокая отъ удовольствія. — А ты, князь, не сердись. Купай шептала, взюмъ кушай, Абдулка пѣсни споетъ и спляшетъ, а сердиться не надо!

— Пошелъ ты къ чорту со своей шепталою, — раздраженно, садясь на лавку, сказалъ Поваринъ: — а этому чумазому вели выйти, мнѣ нужно тайно поговорить съ тобой!

— Абдулка русскій не понимаетъ, ни одно словечко не понимаетъ. Вчера и прѣхалъ только. Абдулъ спать будетъ, а мѣшать намъ не будетъ, — съ хитрой улыбкой промолвилъ Карапетъ и, потрепавъ нѣжно по щекѣ Абдулку, сунулъ ему въ ротъ цѣлую горсть сладостей и залопоталъ что-то на своемъ басурманскомъ языкѣ. Тотъ пропитательно засмѣялся, блеснувъ зубами, и ушелъ опять въ свой уголъ.

— Ну, что же расскажешь, князь милый? — началъ Карапетъ.

— Да ты тетку-то видѣлъ сегодня? — нетерпѣливо перебилъ его Поваринъ.

— Мыло, духи, взюмъ, шелковый шаль носилъ княгинѣ. Хорошая покупательница, не торгуется и денги платитъ. Кофеемъ угощаетъ; на картахъ ей гадаль — всю правду сказалъ. Красавица она тировадая, — наиввыимъ голосомъ рассказывалъ Карапетъ.

— А про меня разговоръ былъ? — скрывая раздраженіе при мысли о спящемъ въ углу Абдулкѣ, опять перебилъ Поваринъ.

— А про тебя, какой же разговоръ про тебя! Денегъ, говорить, ему не давай, — все равно, я платитъ не буду; вотъ и весь разговоръ.

— Чертовка старая, — бурчалъ князь Матвѣй.

— А еще, — продолжалъ Карапетъ: — пакетъ мнѣ дала. Своей ручкой запечатала, и сказала: ,Сдѣлай мнѣ, Карапетъ, одолженіе, возьми этотъ пакетъ и храни. Если за

нимъ пришлю — назаль мнѣ прпрнесешь, если же скажу — распечатай! — возьми изъ него бумаги и пойди въ судъ, требуй платежа. Хоть денегъ не получишь, а одного человѣка упечемъ. Я тебя вознагражу.

— Да вѣдь это мои бумаги. Подай ихъ! Вѣдь ты продалъ меня, чертъ поганый, подай! — ве державшись, заоралъ Поваринъ такъ громко, что Абдуль въ углу зашевелился.

— Какъ можно, князь, отдать. Ой-ай! — спокойно и даже издѣваясь какъ-то отиѣчалъ Карпетъ. — Какъ можно! Я тебѣ по дружбѣ разсказалъ, а княгинѣ я вѣрный рабъ, и вѣтъ такихъ денегъ, чтобы милость ея Карпетка промѣнялъ. Видишь, какой ты сердитый, а я тебя любилъ и сказалъ — плохо, князь, дѣло, плохо! Помиришь съ тетевкой, а то плохо, ой-ай, какъ плохо будетъ!

— Такъ не отдашь, морда проклятая? Не отдашь? — привставъ, хрипѣлъ Поваринъ и, раньше чѣмъ Абдулка успѣлъ подскочить, схватилъ чашку съ фитилемъ и запустилъ ее въ голову Карпета. Масло, шипя, разлилось по комнатѣ.

Карпетъ ловко лѣзъ подъ столъ и визжалъ оттуда, какъ свинья:

— Держи его, Абдуль, вяжи его, убилъ меня! Хватай его на мою голову!

Не успѣлъ еще князь опомниться, какъ обвязался уже въ цѣпкихъ объятьяхъ Абдула, который на достаточно чистомъ русскомъ языкѣ сказалъ:

— Не хорошо драться, князь, да и не совладать со мною.

— Пусти, не то убью! — отбивался Поваринъ, безсильный въ его рукахъ, какъ ребенокъ.

Старуха внесла свѣчу. Карпетъ лѣзъ въ подъ стола, путаясь въ халатѣ, и хныкала:

— Разбойникъ, а не князь, надо бы его въ кварталъ доставить, да, все равно, скоро заберутъ. Выведи его, Абдулка, на свѣжій воздухъ, авось, опомнится.

Абдулка ловко подхватилъ князя, выволокъ его въ сѣни и потомъ на крыльцо и, вытолкнувъ на улицу, заперъ двери за нимъ.

Въ ярости долго ломился Поваринъ въ крѣпкія дубовыя дщери Карпетова дома.

— А, значитъ, правда плохо, если Карпетъ посмѣлъ такъ говорить. Я ему, мерзавцу... — подумалъ князь Матвѣй и, постоявъ въ тяжеломъ раздумѣ посреди улицы въ огромной лужѣ по колѣно, кликнулъ дребезжащаго по мостовой Вавьку и велѣлъ везти себя къ Пухтоярову.

IV

— Что съ тобой? На тебѣ лица вѣтъ! — спрашивалъ заботливо Сашка Пухтояровъ, встрѣчая князя. — И видъ растерзанный: подраелъ съ кѣмъ, или авентюра была?

— Остань, сдѣлай милость! — досадливо прервалъ вопросы Поваринъ.

— Да вѣдь я изъ участія, какъ товарищъ, — оправдывался Сашка, обнимая Поварина за талию. — Сердитый ты послѣдніе дни сталъ, голубчикъ, а я тебѣ вотъ какъ люблю!

— Шубы изъ вашей любви не сошьешь. Мнѣ въ пору нулю въ любовь, а ты съ разспросами и участіемъ... Дай-ка выпить! — морщась, промолвилъ князь Матвѣй.

— Пойдемъ, пойдемъ, наши всѣ собрались. Тебя только ждали. Тугушевъ забаву новую придумалъ, картины изъ дворовыхъ дѣвочек показывать будетъ. Цѣлый возъ ихъ навезъ. — И Пухтояровъ повелъ гости въ гостиную, откуда доносился гусуавый голосъ Тугушева и взрывы веселаго смѣха.

Довольно большая комната была раздѣлена на двѣ половинны пестрой завѣсью. Мебели почти не было, и челобѣкъ двадцать гостей расположилось на вязкихъ табуретахъ и мягкихъ конрахъ, которыми были покрыты полъ.

Постоявъ въ дверяхъ, князь Матвѣй замѣтилъ въ углу одиноко сидящаго Неводова и, не здороваясь ни съ кѣмъ, прямо подошелъ къ нему.

— Весьма радъ опять встрѣтиться съ вами! — съ любезностью промолвилъ князь смущенному почему-то поручику. — Позвольте сѣсть?

Опустившись на коверъ, онъ изялъ у подбѣжавшаго лакея стаканъ съ виномъ и, усмѣхаясь, смотрѣлъ на Неводова.

— Начинаемъ. Прошу вниманія! — суетливо закричалъ въ эту минуту Пухтояровъ и захопалъ въ ладоши.

Занавѣсъ раздвинулся.

У небольшого деренца стояли мальчикъ, обстриженный въ скобку, съ пунцовымъ отъ смущенія лицомъ, и толстая, грудастая дѣвка, нагло усмѣхающаяся. Оба они были обнажены до крайности.

— Адамъ и Ева у древа познанія, — гусуаво объяснял Тугушевъ подъ одобрителный смѣхъ зрителей.

За сей слѣдовали картины ужъ содержанія вовсе непристойнаго, отъ описанія которыхъ сочинитель воздерживается.

— А Лизанька хороша. Вотъ бы ее такъ посмотрѣть, — нагибался къ Неводову, шепчулъ Поваривъ.

— Что вы говорите сударь! — воскликнулъ тотъ чуть не со слезами въ голосѣ, и, вставъ, быстро оставилъ князя Матвѣя.

— Я тебя еще допеку, — думалъ Поваривъ, хмѣлѣвъ не столько отъ вина, сколько отъ злобы и расплывшихъ его мыслей о Лизѣ.

Было много уже показано картинъ на библейскіе и античныя сюжеты; было много выпито вина; разговоръ становился все оживленнѣе; лица покраснѣли. Полуголыя дѣвки ужъ пласали въ залѣ и потомъ пищали на колѣняхъ гостей.

Неводовъ, впервые попавшій въ подобную компанію, былъ какъ въ чадѣ. Болѣла голова отъ излишне выпитаго вина, смущалъ пристальный взглядъ князя Матвѣя, изъ своего угла неуставно наблюдавшаго за нимъ; слова его о Лизанькѣ непопятнымъ стыдомъ наполняли. Нѣсколько разъ порывался Неводовъ уйти, но что-то удерживало его.

— А не метнуть-ли банчокъ нашъ? — предложилъ Пухтояровъ.

Нѣсколько человѣкъ съ одушевленіемъ приняло его предложеніе, и около быстро принесеннаго стола образовался кружокъ. Неводовъ, чтобы не впасть возни съ дѣлками, все болѣе и болѣе вскронный видъ принимавшей, и скрыться отъ преслѣдующаго взгляда князя Матвія, тоже подошелъ къ игрокамъ.

— Ты что же, князь? — спросилъ Поварина Сашка: — если дѣвочки тебя не занимаютъ, попытайся бы счастье?

Поваринъ вытащилъ послѣднюю смятую сторублевку и, подойдя къ столу, небрежно бросилъ ее подъ карту. Черезъ минуту она взяла.

Съ тѣмъ же небрежнымъ видомъ Поваринъ удвоилъ ставку, — и выигралъ снова. Такъ, удваивая каждый разъ, онъ въ нѣсколько минутъ выигралъ дѣлую пачку ассигнацій.

— Сегодня самъ чортъ съ нимъ! — досадливо бросая карты, промолвилъ банкометъ. Нѣсколько человѣкъ попробовали было играть противъ Поварина, но счастье уперно не покидало его.

— Тысячъ пятнадцать, поди, выигралъ! — завистливо сказалъ кто-то.

Князь Матвій тупымъ взглядомъ обвелъ игроковъ и вдругъ замѣтилъ Неводова, слѣдившаго за странной игрой съ искреннимъ волненіемъ. Цѣлый плачъ мгновенно явился въ ошуманной головѣ Поварина при видѣ счастливаго соперника; глаза его заблестѣли.

Стараясь не выдать волненія, сказалъ онъ:

— Господинъ Неводовъ, не хотите ли попытать счастья? А кондіціи мои таковы: я ставлю весь выигрышъ мой, а вы ставкой своей даете мнѣ одинъ день вашей жизни. Въ этотъ день обязаны вы исполнѣ подчиниться моей волѣ, но съ оговоркой, что ничего безчестнаго исполнить я васъ не заставлю. Въ этомъ будутъ свидѣтелями всѣ присутствующіе, и притомъ достаточно будетъ одного вашего слова, что требованіе мое противорѣчить чести, какъ условіе наше будетъ считаться расторгнутымъ. Согласны?

Усмѣхался, пристально смотрѣлъ онъ въ глаза поручика; тотъ поблѣднѣлъ, чувствовалъ, что въ словахъ князя заключается какаго-то западня, и не находилъ словъ отклонить вызовъ.

— Соглашайтесь! — подталкивали его игроки, заинтересованные несслыханной ставкой.

— Только одинъ день и пятнадцать тысячъ. Другой такой случай едва ли представится, — промолвилъ князь Матвій.

Не помня себя, протянулъ Неводовъ дрожащую руку и взялъ карту.

Князь Матвій металъ. Всѣ затили кругомъ.

— Бита! — сказалъ, наконецъ, кто-то, и всѣ горячо заговорили.

Неводовъ уже не слышалъ и не понималъ ничего. Возвысивъ голосъ, сказалъ Поваринъ:

— Требованіе же мое отъ господина Неводова заключается лишь въ томъ, чтобы въ назначенный мною день явился онъ утромъ ко мнѣ на квартиру и пробылъ въ

полномъ оданочествіи до ночи. Вотъ и все. Вѣдь вы, господишъ Неводовъ, не найдете такое требованіе чрезмѣрнымъ или безчестящимъ насъ? — и онъ ласково пожалъ руку поручика. Въ комнатѣ снѣій стоялъ туманъ отъ дыма трубокъ; дѣвочки вразливю орали срамную пѣсню; въ окна сквозь шторы тусклый, холодный пробивался разсвѣтъ.

Неводовъ шлъ, когда ему предлагали, отвѣчать на вопросы, смотрѣлъ на безстыжіе таяды дѣвочекъ, — но было все для него, какъ въ тяжеломъ туманѣ.

Только выйдя, наконецъ, на улицу, вспомнилъ онъ о странномъ проигрышѣ.

Ужасное безпокойство охватило его.

— Что ему нужно, проклятому? Что ему нужно! — безпомощно ломая руки, бормоталъ онъ.

Проходя по Невскому, вдругъ увидѣлъ Неводовъ на дверяхъ знакомаго трактира вывѣску гробовщика. Остановившись, замѣтилъ онъ, что вся знакомая улица пришла въ страшный безпорядокъ: свиное рыло колбасника переѣхало къ модному магазину. Ужась охватилъ Неводова, и, сначала ускоривъ только шагъ, скоро бѣжалъ онъ со всѣхъ ногъ, и казалось ему, что кто-то гонится за нимъ съ громкимъ смѣхомъ, догоняетъ, и не кто это иной, какъ князь Матвѣй, требующій страшную свою ставку.

Будочникъ у Авичкова моста остановилъ офицера и, видя его безпомощное состояніе, усадилъ въ пролетку и повезъ домой.

v

Весь городъ говорилъ о небываломъ кутежѣ у Сашки Пухтоярова, закончившемся скандальной дракой, о странномъ проигрышѣ поручика Неводова князю Матвѣю одного дня жизни, о продолкѣ ивѣнхъ безобразниковъ, перевѣсившихъ на Невскомъ всѣ вывѣски, чѣмъ не малое было вызвано недоумѣніе на другое утро. О послѣднемъ дошло даже до Государя, и онъ очень гнѣвался. Полиція тщетно разыскивала шалуновъ, взявъ на подозрѣніе всѣхъ гостей Пухтоярова.

Княгиня Анна Семеновна слышала о громкихъ подвигахъ племянника и, злая, все еще не рѣшала привести свою угрозу въ исполненіе.

Неводовъ слегъ въ постель. Какъ тяжкій бредъ, преслѣдовало его воспоминаніе о страшномъ вечерѣ и пугающемъ проигрышѣ. Каждую минуту ожидалъ онъ посланнаго отъ князя Матвѣя съ приказомъ явиться и трелеталъ въ неясномъ предчувствіи чего-то ужаснаго.

Неизвѣстность относительно Лизаньки безпокоила его, но слабость и какой то темный страхъ не позволяли ему двинуться съ мѣста. Онъ лежалъ небритый, съ воспаленными глазами, прислушиваясь, не стукнетъ ли входная дверь, не придетъ ли страшный вѣстникъ невѣдомой бѣды.

Деньщик Мартыныч боязливо дѣлился съ сосѣдями сомнѣнiемъ: „въ своемъ ли умѣ баринъ? — больно ужъ чудной сталъ“.

Князь же Матвѣй усердно прокучивалъ выигранныя тысячи, три дня уже не возвращаясь домой.

Каждое утро подѣзжалъ онъ къ театру спросить, что идетъ, и, узнавъ, что не „Калифъ Багдадскiй“, опять возвращался къ прерванному кутежу. Наконецъ, на четвертый день швейцаръ объявилъ, что назначенъ на сегодня „Калифъ“. Сразу какъ бы отрезвивъ, Поваринъ сурово распрощался съ сопровождавшими его собутыльниками и поѣхалъ домой.

Дома онъ тщательно умылся, выбрился, переодѣлся во все чистое и написалъ записку:

„Милостивый государь, Яковъ Степановичъ, не соблаговолите ли Вы по условiю нашему исполнять и немедля явиться на мою квартиру. Свидѣтельствуя глубочайшее уваженiе, покорнымъ слугою остаюсь Вашимъ князь Матвѣй Поваринъ“.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса Неводовъ явился.

Видъ его былъ ужасенъ. Краска сошла съ лица поручика; щеки ввалились; глаза блестя лихорадочно, смятенiе и страхъ можно было прочесть въ нихъ.

— Вы плохо чувствуете себя, другъ мой, — привѣтствовалъ Поваринъ гостя, протягивая ему обѣ руки. — Жаль, что потревожилъ васъ сегодня. Впрочемъ, вамъ будетъ совершенно удобно у меня. Однако, кажется, вы все еще не вполне увѣрены въ полномъ моемъ расположенiи и чего то опасаетесь, — со смѣшкомъ добавилъ князь. Гость промямлилъ въ отвѣтъ что-то не вразумительное. Поваринъ провелъ его въ маленькую комнатку за спальней, служившую уборной и будуаромъ.

Въ ней стояла мягкая оттоманка, столъ, нѣсколько стульевъ.

— Видите, это совсемъ не похоже на темницу, — говорилъ Поваринъ съ любезной улыбкой, — надѣюсь вамъ будетъ въ скромномъ прiютѣ моемъ не очень плохо. Жаль, что вы не взяли съ собой книгъ — это не противорѣчило условiю. Деньщикъ мой принесетъ вамъ обѣдъ. Вотъ здѣсь карты — отъ скуки можете разложить пасьянсъ, а лучше бы всего соснули; мѣшать вамъ никто не будетъ, такъ какъ я должею отлучиться.

Онъ вѣжливо откланился и вышелъ.

Горькой обидой и неяснымъ страхомъ зацемило сердце Неводова, когда услышалъ онъ, какъ прозвенѣлъ замокъ запраемой двери.

Поваринъ отдалъ деньщику приказъ привести днемъ обѣдъ заключенному въ комнатѣ поручику, къ вечеру приготовить закуску, вина и фруктовъ и позволять вечеромъ идти со двора. Смысленный деньщикъ сразу понялъ, что придется ему на эту ночь переселиться къ кумѣ — просваривъ у Покрова.

Затѣмъ князь Матвѣй торопливо одѣлся и вышелъ изъ дому. Товарищи и знакомые вспоминали потомъ, что видѣли князя, кто у Френделя, кто будущимъ по Морской, но въ точности неизвѣстно, какъ провелъ этотъ день князь Матвѣй;

разсказываютъ, что имѣлъ онъ видъ челоѵка торопящагося по важнымъ дѣламъ, пальтъ не былъ и ни съ кѣмъ, протявъ обыкновенія, ссоръ не заводилъ.

Во время второго антракта всѣ завсегдатаи театральные отбѣгли князя Поварина изъ третьемъ ряду кресель.

Замѣтила его и княгиня Анна Семеновна и тотчасъ же приказала своей приживалкѣ и наперсницѣ Варварѣ Максимовнѣ ни за что не прозвѣнать князя Матѣя, когда тотъ выйдетъ въ коридоръ, гдѣ толкались всѣ модняки и франтихи.

Варвара Максимовна ловко перехватила Поварина при самомъ выходѣ его изъ зала.

— Княгиня просила по неотложной важности дѣлу зайти къ ней въ ложу, — заговорила Варвара Максимовна, крѣпко держа князя за рукавъ, какъ-бы желая удержать его силой, если онъ вздумаетъ вырваться, но къ удивленію ея Поваринъ не возразилъ ни слова и покорно пошелъ за своей похитительницей.

Очаровательной улыбкой встрѣтила княгиня Анна Семеновна входящаго въ ложу племянника. Варвара Максимовна успѣшила скрыться.

Сидя у самаго барьера, открытые всей залѣ, съ лицами весело-непринужденными, разговаривали княгиня и Поваринъ. Никто бы по выраженію ихъ лицъ не догадался о содержаніи бесѣды.

— Итакъ, — говорила княгиня, кокетливо ударяя вѣеромъ по рукаву Поварина, — такъ, вы сегодня побѣдете со мной. Князя Ентихія вѣтъ дома, вы разлечете меня.

— Итакъ, княгиня, — отбѣчалъ ей въ тоѵ Поваринъ, улыбаясь, — ни сегодня, ни завтра, ни послѣ-завтра, никогда въ жизни я не побѣду къ вамъ.

— Хорошо! — только совѣтъ легкимъ румянцемъ выдавая полневіе, говорила княгиня: — въ такомъ случаѣ завтра же нашъ добрый другъ Карапетъ исполнять то, что ему приказано.

— Вы забываете, — вставая, высокомерно сказала князь Матѣя, — что, если вы меня можете погубить, то и я со своей стороны...

— Ужель, — съ громкимъ смѣхомъ перебила его княгиня, — кто-нибудь обратитъ вниманіе на клевету челоѵка столь подлаго, что осмѣливается порочить честь женщины, всѣми уважаемой?

Поклопявшись, князь пошелъ къ выходу.

Не выдержавъ, Анна Семеновна быстро встала и, задержавъ его въ глубинѣ ложи, пропештала:

— Пожалѣй меня, пожалѣй! Я такъ люблю тебя. Обдумай всѣ послѣдствія; легко ли маѣ губить тебя, но уступить... вѣтъ, вѣтъ!

Въ это время оркестръ заигралъ, и въ дверь заглянула Варвара Максимовна.

— Жду тебя послѣ окончанія, — успѣла еще тихо промолвить княгиня.

Ничего не отвѣтивъ, только пожавъ плечамъ, Поваринъ вышелъ изъ ложи.

Можетъ быть, въ ту минуту онъ и самъ еще не зналъ, какъ поступить. Но вачавшійся актъ окончательно рѣшилъ судьбу Поварина.

Когда, въ толпѣ другихъ воспитаницъ, выпорхнула на сцену Лизанька, въ голубенькомъ изъ тонкаго вуаля платьицѣ, будто туманъ застлалъ глаза князя.

Едва досидѣвъ до конца акта, быстро выбѣжалъ онъ изъ театра, сѣлъ въ ожидавшую его за угломъ наемную карету съ зелеными занавѣсками и, объѣхавъ кругомъ театра, велѣлъ ожидать у задняго подъѣзда.

Отогнувъ уголокъ занавѣски, зорко слѣдилъ Поваринъ за всѣми проходящими подъ яркимъ фояремъ, висящимъ надъ подъѣздомъ.

Лизанька выбѣжала изъ подъѣзда, наклинувъ на тоненькое платьице, въ которомъ только что танцовала, бѣленькій платочекъ.

— Подавай!—крикнулъ кучеру Поваринъ не своимъ голосомъ и распахнулъ дверцу.

Лизанька, какъ мотылекъ, не касаясь подножки, впорхнула въ карету.

— Это вы, Ишенька?—зашептала она въ темнотѣ и, вдругъ узнавъ не того, кого ждала, испуганное сдѣлала движеніе назадъ.

— Не пугайтесь!—едва сдерживая волненіе, шепталъ князь Матвій, хватая ее за руку.— Не пугайтесь. Я—другъ Якова Степановича. Ужели вы не признали меня?— Тотъ самый, что спасъ вамъ котеночка.

Лизанька, вся дрожа отъ страха, едва вымолвила:

— А онъ? съ нимъ ничего не приключилось?

— Вы узнаете все. Нѣкоторые обстоятельства не позволили Якову Степановичу самому прѣхать за вами, и онъ послалъ меня, какъ вѣрнаго и преданнаго друга своего и, надѣюсь, въ будущемъ и нашего.

Взявъ холодную, трепетную ручку Лизанькину, онъ прижалъ ее къ своимъ губамъ и такъ долго не могъ оторваться въ жадиномъ поцѣлуѣ, что Лизанька опять испугалась и зашептала:

— Пустите, пустите! Мнѣ страшно... Ахъ, зачѣмъ Яковъ Степановичъ!...

Но князь совладалъ съ собой и, откинувшись глубоко въ уголъ, началъ веселой болтовней успокаивать дѣвушку. Карета, наконецъ, остановилась.

Поваринъ осторожно помогъ Лизанькѣ сойти и, открывъ дверь ключемъ, ввелъ ее въ свои комнаты. Онъ зажегъ свѣчи въ кабинетѣ, гдѣ на кругломъ столѣ стояла приготовленными тарелочки съ закуской, фрукты и вино.

— Здѣсь придется обождать намъ, и, можетъ, вы откушаете чего-нибудь?— вѣжливо промолвилъ князь Матвій, а самъ не могъ ужъ больше оторвать глазъ отъ Лизаньки.

Она стояла передъ нимъ смущенная, кутаясь въ бѣлый платочекъ и стараясь скрыть обнаженные плечи и руки, съ любопытствомъ, хотя не безъ страха оглядывая причудливый кабинетъ князя.

Лицо ея со слѣдами грима и пудры, съ подведенными глазами, казалось князю еще вѣжливѣе и прекраснѣе.

— Какая вы хорошенькая, Лизанька, даже жаль...— тихо промолвилъ князь Матвій. Поймавъ на себѣ блестящій, тяжелый взглядъ его глазъ, Лизанька вздрогнула.

— Что вы, что вы! — испуганно забормотала она, еще старательнѣе кутаясь въ платокъ.

— Даже жаль, что выбрали вы такого мальчишку... Что онъ понимаетъ въ красотѣ вашей, — продолжалъ князь, уже не въ силахъ болѣе сдерживаться.

— Гдѣ онъ, Яковъ Степановичъ, гдѣ онъ? — въ тоскѣ заметалась Лизанька, предчувствуя что-то недоброе.

— Близко онъ, совсѣмъ близко, — заговорилъ князь, почти вплотную придвигаясь къ дѣвущкѣ. — Совсѣмъ близко, вонъ въ той комнатѣ, — и, засмѣявшись, онъ почти силой ввелъ Лизаньку въ спальню, смежную съ комнатой, въ которой былъ заключенъ Неводовъ.

Поручикъ провелъ весь день въ страшной тревогѣ; не прикоснувшись къ бѣдѣ, разхаживая онъ по комнатѣ, все къ чему-то прислушиваясь, и, только изрѣдка останавливаясь у стола, вынимая карту, чтобы по ней узнать, что ожидаетъ его.

Засыпавъ шаги въ кабинетѣ, онъ притаился у дверей, но ни услышать, ни тѣмъ болѣе распознать голосовъ, онъ не могъ.

Поваринъ заговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Тамъ твой дружокъ, тамъ, но прежде должна ты меня поцѣловать, тогда, можетъ быть, и выпущу его.

И, нагнувшись, онъ припалъ къ губамъ дѣвущки.

— Спасите, спасите! — отбиваясь, закричала она, и въ ту же минуту ужасный крикъ Якова Степановича, вдругъ понявшаго все, что происходитъ, отвѣтилъ ей.

Онъ ломился въ запертую дверь, ударя въ нее кулаками, ногами и головой. Будто озвѣрѣвъ, кинулся князь Матвѣй на вырвавшуюся было на секунду дѣвущку и, цѣлуя жадно, рвалъ ея легкое голубенькое платье.

Долго ломился Неводовъ въ дверь и вдругъ въ странномъ искрикѣ замолкъ.

Князь Матвѣй подвѣлъ на руки обезсплѣвшую, почти потерявшую сознание, уже покорную Лизаньку и, какъ жертву, понесъ ее на широкую съ шелковыми завѣсами кровать.

Громкій стукъ уже въ другія, входныя, двери привелъ черезъ нѣкоторое время въ себя князя Поварина. Сѣвъ на кровать, онъ долго прислушивался; такъ какъ упорный стукъ не прекращался, всталъ и, выйдя въ переднюю, досадливо окликнулъ:

— Кого тамъ носятъ дьяволы по ночамъ?

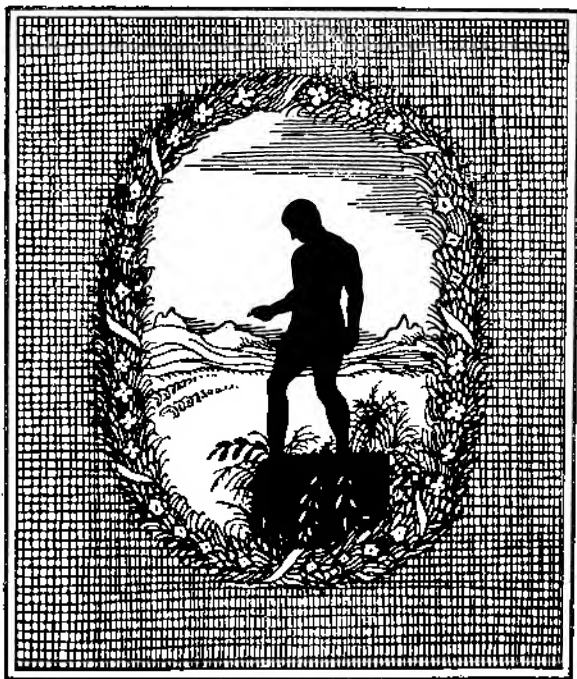
— Полцейскій офицеръ съ приказомъ, — раздался отвѣтъ изъ за двери.

— Ужело уже успѣла? — мелькнула у князя страшная мысль: — такъ скоро, проклятая!

Ну, погоди... — И, отвѣтивъ: — сейчасъ, ключъ найду, — онъ подошелъ къ письменному столу, поширивъ въ темнотѣ, нашелъ давно приготовленный на всякій случай пистолетъ. Приложивъ дуло къ виску, князь Поваринъ спустил курокъ.

Когда полцейскій офицеръ, которому было приказано арестовать всѣхъ гостей

Сашки Пухтоярова, заподозрѣнныхъ въ шалости съ выѣсками, открылъ дверь при помощи слесаря, то въ кабинетѣ нашель онъ князя Поварина не дышащимъ. Въ спальнѣ, въ глубокомъ обморокѣ, лежала Лизанька, а въ послѣдней комнатѣ, при догорающемъ огаркѣ, сидѣлъ у стола поручикъ Некодонъ. Не обративъ вниманія на вошедшихъ, онъ продолжалъ метать карты, повторяя: „Ваша бита, да, бита!“— и тихо, радостно смѣялся...

Д. МИТРСКИНЪ.

АЛЕКСѢЙ РЕМЯЗОВЪ

ДѢЙСТВО О ГЕОРГИИ ХРАБРОМЪ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ И АПОБЕОЗОМЪ

Бабеонъ — гласъ старцевъ.

Месій	}	старцы вавилонскіе.
Маргоній		
Куменій		
Афроній		
Сандрій		

Асинахъ

Градъ.

Фарносій — комедійный старецъ изъ народа.

Глашатай.

Епархъ.

Царь Дадіанъ — безбожный идоложрецъ.

Царевна.

Царевичъ Георгій, плѣнный изъ русской земли.

Волхвъ.

Четыре караульныхъ отвѣтчика у башенныхъ оконъ.

Змѣй водный.

Демонъ Самаилъ.

Палачъ.

Мастеръ.

Плѣнные цари.

Воины.

Вѣстникъ.

Ликъ праведныхъ мужей.

Ликъ праведныхъ жень.

Кононархъ.

Юноши и дѣвы вавилонскіе.

Мѣсто дѣйствія — невѣрная земля городъ Вавлонъ.

Время дѣйствія — въ восьмомъ году девятой тысячи.

ПРОЛОГЪ

КОНОАРХЪ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ

Кононархъ

Придите, послушайте про чудное чудо, — сказуеть про Георгія храбраго! Не три года, тридцать лѣтъ подымался царь Дадіанъ, копилъ свою черную силу, накопилъ ся множествомъ и пошелъ на Русь. Шелъ онъ черезъ быстрыя рѣки, черезъ гряды смоленскія, черезъ лѣса брянскіе. Рыкучимъ волкомъ лютой, гнѣвный, ярый насквозь прошелъ большую землю — Русь. Летѣли стрѣлы, какъ часты дожди, пещербились острыя сабли, свернулись копыя. Божья дѣркви онъ подъ дымъ спустилъ, святыя иконы онъ копьемъ скололъ, золото-серебро тѣлгами повыватилъ. Распустошилъ, все развѣлъ, разметалъ въ поло-на-поло. Города развоеваны, русская сила поныбита: „Добромъ дашь, такъ добромъ возьму, добромъ не дашь, лихомъ возьму!“ Сѣките со стараго до малаго, не оставляйте на сѣмена! Пересѣкъ, перерубилъ всю породу, не оставилъ на плодъ людей. Вырублена, выжжена, развоевана, какъ пустынь пуста, стоитъ святая Русь. — одинъ зовуть плакунъ-колоколъ. Ведеть царь въ Вавилонъ царевича Георгія. Царевичъ не послушаетъ вавилонскаго царя, царевичъ не поклонится вавилонскому идолу. Предаетъ его царь лютой казни: будеть мучить огнемъ, воздушною мукою, водой и землей. Всю муку вытерпятъ храбрый царевичъ, всѣ страсти вынесетъ Георгій непобѣдимой.

Ликъ праведныхъ мужей

Возстаните, братіе, чудо увидите Георгія храбраго, — чудо его чудно.

Ликъ праведныхъ женъ

Возстаните, братіе, муки увидите Георгія храбраго, — муки его люты.

Кононархъ

Зарытый въ землю, изъ земли возстанетъ Георгій на зарѣ солнца, выйдеть на землю, побѣдитъ Змѣя, избавитъ царевну отъ Змѣя, побѣдитъ искусителя духа Саманла, посадитъ крещеную вѣру въ невѣрномъ Вавилонѣ и пойдетъ въ свою землю — на святую Русь. Тамъ, на святой Руси, погибають въ вавилонскомъ плѣнѣ его братья и сестры. Родимая земля-мать, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ и солнце свѣтитъ, держи честно и грозно имя побѣдоносца Георгія!

Ликъ праведныхъ мужей

Онъ спасетъ тебя отъ тьоплъ враговъ, Христовъ угодинокъ непобѣдимый Георгій!

Ликъ праведныхъ женъ

Онъ возведичитъ тебя изъ страхъ врагамъ, Христовъ угодинокъ непобѣдимый Георгій!

Кононархъ

Аминь.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА 1

Ликъ праведныхъ мужей, ликъ праведныхъ женъ, старцы, градъ,
Фарносіи

Ликъ праведныхъ мужей
Вотъ невѣрный градъ Вавилонъ. Великъ градъ и всѣ люди вѣрують въ идоловъ.

Ликъ праведныхъ женъ
Тутъ не требуютъ ни середы, ни пятницы, ни Свѣтло-Христова воскресенія.

Ликъ праведныхъ мужей
Трубать золотая труба, собираются вавилонскіе старцы.

Ликъ праведныхъ женъ
Заря занялась. Ужъ вышелъ градъ и ждетъ старцевъ.

Ликъ праведныхъ мужей
Вотъ жертвенникъ нхъ грознаго идола, вотъ капище. Завтра нхъ праздникъ идоль-
скій, бога невѣрнаго воскресеніе.

Старцы сошлись къ жертвеннику.

Бабеонъ

Грядущая ночь откроеть праздникъ во славу нашего бога. Онъ — нашъ богъ
великій и всемогущій, онъ разжигаетъ горы и домы, землю и воды, кости и жилы.
Сотворимъ молитву и принесемъ ему жертву.

Саидрій

Не забыли бы люди сдѣлать нужныя приготовленія къ празднику?

Афроній

Я оповѣщу градъ.

Градъ

Ждемъ вашихъ приказаній, старцы.

Бабеонъ

Месій, нынѣшняя Весна — твой чередъ, сважь нмъ.

Месій

Завтра великій весенній празникъ Баалала, — приходъ весны, первый выгонъ скоти съ зимовща въ поле. Ягненку вымажи губы медомъ, зажги на рогахъ свѣчу и гони скотъ священной вербой. Свари овсяный кисель и личицу, да испеки каравай-моленникъ для пастуха. Пастуха окатить не забудь: не будетъ пастухъ дремать лѣто. Свѣй ярвое и росаду, да закопай въ полѣ яйцо и подъ порогомъ топоръ. Завтра, какъ ярые поголи, выплывутъ въ море корабли.

Градъ

Нала бы кораблямъ повѣтръ удобнал!

Месій

Полетять корабли, что соколы, выйдутъ въ море. Птицы на зарѣ, какъ зайграетъ солнце, запоютъ первыя пѣсни. Чтобы уберечь скотину отъ медвѣдя, ступай ночью на паству и кричи во всю глотку, а отъ волка — заклясть надо волка глухого, слѣпого и хромого. Подрѣжь у годовалыхъ жеребятъ хвостъ да гриву и пусти на волю до свѣту. Коня надо гладить по хребту отъ головы до хвоста яйцомъ гладкимъ и круглымъ, чтобы былъ конь круглый и гладкій, какъ яйцо. Хорошо собирать росу: роса помогаетъ отъ слеза и недуга.

Градъ

Дать бы Богъ тихую да смирную росу!

Месій

Ночью не пей изъ колодца, — земля выпускаетъ лѣдъ. Не скачи на доскахъ, — припадутъ колосья къ землѣ. Ребятишкамъ хорошо въ лужахъ купаться и кататься по лугу.

Бабеонъ

По росѣ... По лугу — послѣ покоса.

Фарносій

И по росѣ и по лугу круглый годъ катаюсь, — очень помогаетъ.

Месій

Ночью вѣдьмы свободны. Чтобы не обобрали оиѣ молоко, терномъ посынь дворъ. Въ полночь добудь косточку зеленой лягушки, — приворожатъ, кого хочешь. Не забудь поставить ельничъ передъ воротами. А какъ заря съ зарю сойдется и запоютъ соловьи, зажвгай костеръ в води хороводы! Съ полдня можно качаться на качеляхъ и купаться.

Фарносій

И другу и недругу закажу купаться, живо въ лапы къ Змѣю попадешь.

Градъ

Змѣѣ того и гляди заложить источники и колодцы, не будетъ, гдѣ и схороняться. Многихъ не досчитываемся, жретъ проклятый!

Гдѣ его видѣли?

Бабеонъ

У Медвѣжьяго камня.

Градъ

Его никто не видѣлъ, его только слышали.

Бабеонъ

Видомъ его не видали, слыгомъ слышали!

Фарносіѳ

Жреть, проклятый! Не оставьте нашей нужды, постоитъ за насъ!

Градъ

Не бойся, все пройдетъ! Какъ заря съ зарею сойдется и запоютъ соловьи, зажигай костеръ и води хороводы. Подите по своимъ домамъ и приготовьтесь къ празднику: ночь надо встрѣтить веселымъ пиромъ.

Бабеонъ

СЦЕНА 2

СТАРЦЫ, ЦАРЕВНА И ФАРНОСИѳ

Здравствуйте, старцы!

Царевна

Здравствуй, царевна!

Старцы

Что въ городѣ у насъ, все ли по старому, по прежнему? Все ли готово къ празднику?

Царевна

Все готово, царевна.

Бабеонъ

Всѣ будутъ довольны, царевна.

Сандріѳ

Месіѳ

Еще съ вчерашняго вечера, будто дятлы въ дерево постукивали, строили балаганы. Открылся торговый рядъ, ларечники несутъ запасы.

Афроній

Ужъ такъ будутъ довольны и веселы.

Царевна

Какъ давно не всходило надъ гороюмъ солнце!

Бабеонъ

Купавая наша царевна!

Царевна

Высоко солнце взошло, обогрѣло и освѣтило. Завтра первый весенній праздникъ. Слетятся птицы, сбѣгутся звѣри.

Афроній

Бѣлая, бѣлая, нѣтъ тебя ни лучше, ни краше на всей землѣ.

Царевна

Подымется темная тень, наплыветъ грозная туча. Мѣсяцъ заблекнетъ, призагудитъ солнце.

Сандрій

Вѣтры не вихнутъ на тебя, солнце не печетъ лица.

Царевна

(Смѣется). — Я не боюсь грозы.

Маргоній

Лучше тебя нѣтъ въ Вавилонѣ.

Царевна

Сердце у меня неспокойно, ровно бѣда крыломъ намахнула.

Бабеонъ

Успокойся, царевна.

Царевна

Сонъ мнѣ нынче приснился. И такъ мнѣ чего-то страшно, стало мнѣ больно.

Бабеонъ

Не всякую ночь пророческій сонъ: пную ночь исполнительный, а пную пустой.

Аспнахъ

Всякій сонъ исполнится, хоть бы и три года пришлось ждать исполненія его.

Царевна

Стало мнѣ больно. Слышу невзгоду надъ Вавиловою.

Бабеонъ

Успокойся, царевна, твой отецъ - царь вернется.

Марговій

Протрубить золотая труба: счастье твое на дворъ къ тебѣ придетъ.

Царевна

Гдѣ же царь?

Бабеонъ

Ушелъ царь воевать большую русскую землю бѣлаго царя. А лежитъ большая земля черезъ семь рѣкъ. Тамъ пламя, великая тьма, дикіе звѣри, тамъ змѣи жп-нуть — на головахъ у змѣй самоцѣлные камни.

Фарносіій

Много туда ѣздило, никто назадъ не привозжалъ!

Царевна

Царь привезетъ мнѣ самоцѣлныхъ камней, — змѣи дадутъ ему! Поясь себѣ сдѣлаю изъ змѣиныхъ камней... Куда это идутъ неслые люди?

Бабеонъ

Къ намъ, царевна.

Марговій

Завтра играть будутъ скomorохи.

Фарносіій

Царя Собаку, сына его Перегула, дочь его Пересѣвту.

Царевна

Люблю веселыхъ людей. А у бѣлаго царя есть сынъ-царевичъ?

Бабеонъ

Непобѣдимый царевичъ Георгій.

Царевна

Непобѣдимый царевичъ!

Бабеонъ

Никто его одолѣть не могъ. Нашъ царь справится. Что ты такъ запечалилась?

Царевна

Хотѣла бы я быть бѣлой царевной... А что на морѣ? Отчего на морѣ Змѣи появились?

Бабеонъ

Кто его знаетъ, откуда напасть... Такая прекрасная ты, купавая...

Афроніи

Бѣлая, бѣлаяя, иѣтъ тебя ни лучше, ни краше на всей землѣ.

Маргоніи

Лучше тебя иѣтъ въ Вавилонѣ.

Царевна

Змѣи повѣлъ много народа?

Бабеонъ

Змѣи никого не тронетъ.

Царевна

Есть у меня золото и серебро, раздайте народу. А я пойду, меня ждутъ мои подруги. Я сложу новую пѣсню-веснянку.

Бабеонъ

Ты за насъ и за народъ — наша заступница.

Царевна

Спасибо, старцы. Богъ дастъ вамъ помощи, Богъ нынче милостивъ.

СЦЕНА 3

СТАРЦЫ

Аспиахъ

Не добро, что дая иѣтъ.

Сандрій

Безъ дая пиръ не поидетъ, безъ дая праздникъ не въ праздникъ. Кому первому яйцо катать? Кто откроетъ шествіе на пастбище?

Бабеонъ

Епархъ.

Сандрій

Молодъ онъ умоумъ.

Афроній

Силою онъ не силенъ, только напускомъ смѣль.

Сандрій

Съ Змѣемъ надо управиться. Безъ царя кто его осилить?

Куменій

Не стало въ городѣ управителя, всё въ раздоръ пошли. Носкорбе бы вернулся царь: съ царемъ думу думать и мысли мыслить.

Месій

А что если на пиръ встанетъ Змѣй?

Афроній

Незавый Змѣй.

Маргоній

Кто еще знаетъ, что можетъ сдѣлать этотъ Змѣй!

Асинахъ

Змѣй подыметъ, градъ потрясется.

Сандрій

Змѣй съѣлъ антистратига.

Афроній

Змѣй съѣлъ Эпимаха.

Бабеонъ

Самъ виноватъ, самъ въ пасть полѣзъ. Змѣй отдыхалъ, положивъ голову на берегъ, подошла Эпимахъ и копьемъ пощекотала ему въ носу, Змѣй и съѣлъ его. И такъ слышатъ.

Афроній

И вовсе не такъ. Эпимахъ задумалъ купаться, пошелъ къ морю. Первая волна заманивая, — заманила его отъ берега, вторая волна относивая, — заносила по морю надъ волнами. Поднялась волна, валомъ захватываетъ. Тутъ-то и завидѣлъ его Змѣй, налетѣлъ, забралъ въ хоботы, и попалъ несчастный въ самую середку, сжало его и одна пѣна осталась.

Сандрій

Какая пѣна! Онъ просто сидѣлъ на берегу, какъ пень край дороги. Вышелъ Змѣй и готово.

Месій

Какъ цень край дороги! Да онъ еще шевелемъ шевелится. Это неправда.

Аспнахъ

Змѣй подымется, градъ потрясется.

СЦЕНА 4

СТАРЦЫ, ЕПАРХЪ И ФАРНОСІЙ

Епархъ

Что случилось? О чемъ спорите?

Бабеонъ

Все идетъ не по доброму, не по хорошему. Въ городѣ несчастье есть. Народъ жалуется.

Епархъ

Народъ всегда жалуется.

Бабеонъ

Появился прошырливый Змѣй.

Епархъ

Кто его видѣлъ?

Бабеонъ

Есть на морѣ пучина безконечная, тамъ сидятъ Змѣи. Изъ воздрей его дымъ идетъ, въ пасти шибаетъ огонь. Дрожать берега, со дна камни поворачиваетъ. Великъ, страшенъ, губителемъ.

Фарносіѣ

Нѣтъ тамъ пѣшему проходу, конному пробѣгу, ворону пропарху, соколу пролету, волку прерыску, зайцу пропуску.

Епархъ

Не бѣда, гибнетъ простой народъ, его и такъ много. Стѣны города крѣпки, колодцы глубоки. Если выбрасывать въ день по мужику, Змѣи будетъ доволенъ и можно быть покойнымъ.

Бабеонъ

Антистратига Эпимаха съѣлъ Змѣй.

Епархъ
Антистратига Эпимаха съѣлъ Змѣй?

Бабеонъ
Задумалъ антистратигъ купаться, пошелъ къ морю...

Епархъ
Пустая молва! Эпимахъ отъ дряхлости едва ноги волочить.

Бабеонъ
Это не тотъ Эпимахъ, это другой.

Месій
Не Эпимахъ, а Эпизодикъ.

Епархъ
А, Эпизодикъ! Ходить слухъ, задумалъ онъ наложить на себя руки. Мы народъ успокоимъ.

Бабеонъ
Змѣй хватчивъ.

Месій
Кто къ морю выйдетъ, живу не быть, прочь не уйти. Завтра праздникъ, соберется много народа, наступаетъ на насъ бѣда.

Бабеонъ
Когда царь вернется?

Епархъ
О побѣдахъ царя пошли пѣсни по всѣмъ странамъ. Воиъ караульные отвѣтчики у башенныхъ оконъ: они смотрятъ кругомъ на четыре стороны.

Бабеонъ
И звать его не дозваться, и ждать не дожидаться.

СЦЕНА 5

СТАРЦЫ, ГЛАШАТАЙ И ФАРНОСІЙ

Глашатай

Царь вавилонскій Дадіанъ возвращается въ свой городъ Вавилонъ и съ нимъ все его персидское войско. Царь ислетъ въ плѣнъ трижды и три царя и съ ними плѣншаго царевича Георгія.

Старцы

Непобѣдимый царевичъ на покорность идетъ!

Глашатай

Тьма силы съ царемъ. Золото катать телегами. Съ большой радостью возвращается царь.

Бабеонъ

Славенъ Вавилонъ непобѣдимый, б'блокаменный.

Сандрій

Стоять Вавилонъ и Змѣй не подымется.

Афроній

Гдѣ ужъ тутъ подняться, царь возвращается.

Бабеонъ

Слава Вавилону, слава царю Дадіану!

Месій

И всему персидскому войску.

Куменій

И всѣмъ живущимъ во градѣ.

Фарносій

Былъ я старикъ да девяноста лѣтъ, сталъ молодець да двадцати годовъ. Будеть нынче пиръ горой, радуйтесь и веселитесь!

Праведные мужи и праведныя жены въ сокрушеніи плачутъ.

З А П Я В Ъ С Ъ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 1

СТАРЦЫ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, БАШЕННЫЕ ОТВѢТЧИКИ, ГЛАШАТАЙ, ПЛѢННЫЕ ЦАРИ, ГЕОРГІЙ

Бабеонъ

Великъ побѣдитель нашъ царь Дадіанъ! Черезъ три моря прошелъ царь: первое море — черное, другое море — песчаное, третье — океанъ-море. Разступались дубы, преклонялись къ землѣ вершинами. Шелъ царь черезъ лютыя горы, черезъ темныя частыя лѣса, свистѣлъ соловьемъ, ревѣлъ звѣремъ, рычалъ туромъ, шипѣлъ змѣей.

Градъ

Всякимъ языкомъ спуску ибѣтъ! Вотъ какой царь у насъ! Да здравствуетъ царь Дадіанъ!

Куменій

Когда приведутъ плѣнныхъ царей?

Сандрій

Солнце высоко, пора.

Бабеонъ

Узкими переходами зашелъ царь въ отдаленное царство Малобруново. Тамъ лѣса стоятъ отъ земли до неба. А изъ царства Малобрунова прямой путь въ большую русскую землю къ бѣлому царю.

Башенные отвѣтчики

Ведутъ плѣнныхъ царей.

Глашатай

Трижды и три плѣнныхъ царя изъ разныхъ земель и съ ними воспобѣдимый Георгій.

Епархъ

Ведутъ плѣнныхъ царей.

Вводятъ плѣнныхъ царей. Оставившаяся передъ жертвенникомъ, цари называютъ имена свои. Старцы повторяютъ имена ихъ Граду. Градъ повторяетъ за старцами.

Плѣнные цари

- Я царь Абагуй Полунощный изъ земли Златыгорской.
- Я царь Тороканъ Молокята изъ земли Копейщатой.
- Я царь Салтанъ Леденецкій изъ Глухоморя.
- Я царь Гривить Горыловичъ изъ Лямской земли.
- Я царь Лазуръ Черногрудный изъ Мурманской земли.
- Я царь Скурла Скурлатовичъ изъ Пещерной земли.
- Я царь Фурлатъ Котобрулевичъ изъ Пожовской земли.
- Я царь Хотей Перепетовичъ Полублный изъ Холщенской земли.
- Я царяца Оруда Бородуковна, мать отъ Моря Холоднаго.

Приводятъ Георгія.

Градъ

Царевичъ Георгій! — Храбрый Георгій! — Необходимый Георгій изъ большой русской земли! — Русский царевичъ! — Какъ свѣтится его лицо, какъ блестятъ его волосы!

Епархъ

Ты царевичъ Георгій?

Старцы

Говорить не хочетъ.

Епархъ

Надо переломить упорство.

Фарносій

На поганомъ болотѣ развяжутъ языкъ, заговорятъ!

Епархъ

Васъ безоружныхъ и слабыхъ привелъ царь Дадіанъ въ свой славный городъ Вавилонъ. Крѣпокъ, какъ синій камень въ Синомъ морѣ, какъ черный камень въ Черномъ морѣ, какъ арапъ-камень въ Арапскомъ морѣ, какъ алатырь камень въ Океанъ-морѣ, крѣпокъ Вавилонъ городъ.

Старцы

Красенъ Вавилонъ городъ!

Епархъ

Красенъ, крѣпокъ Вавилонъ городъ со стѣною бѣлокаменной изъ золота, серебра, мѣди и кристала, съ земляными раскатами, съ караульными башнями. Славенъ и необходимъ сильный и могучій царь Дадіанъ.

Старцы

Царь богу подобенъ! — Устами его глаголетъ самъ богъ! — Въ немъ вселился духъ Саманла! — Славенъ и необходимъ сильный и могучій царь Дадіанъ!

Градъ

Славенъ царь Дадіанъ!

Епархъ

Велика сила царя. Не скакать въ ночь этой силы черному ворону, не обрысать въ ночь этой силы сѣрому волку, не объѣхать въ день лихому вавъднику. Пепорковыхъ онъ авергаетъ въ огонь, непослушныхъ потопляетъ въ водахъ. Когда увидите царя, воздайте ему честь. Поклонитесь нашему грозному богу, творцу земли и неба, и земному богу — царю Дадіану.

Старцы

Повѣруйте нашему богу, поклонитесь царю. Великъ нашъ богъ Самаплъ, славенъ царь Дадіанъ!

Градъ

Славенъ царь Дадіанъ!

СЦЕНА 2

СТАРЦЫ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, ПЛѢННЫЕ ЦАРИ, ГЕОРГІЙ, ЦАРЬ И ВОЛХВЪ

Царь

Я вавилонскій великій царь, царь царямъ, царь Дадіанъ.

Епархъ

Цари пали ищъ.

Фарносій

Георгій не преклонился.

Старцы

Смирись, пали ищъ, безумецъ.

Царь

Я оставилъ твоего отца и мать чернымъ воронамъ на пограние, сѣрымъ волкамъ на потерзанье, станешь ли къ мою вѣру вѣровать, будешь ли моему идолу молиться?

Фарносій

Георгій не преклонился.

Старцы

Не гнѣви царя, — не тебѣ чета, и тѣ покорились.

Градъ

Онъ въ темныхъ.

Царь

Уймешься, будемъ хлѣба-соли ѣсть да вина съ медомъ пить, не уймешься, мы сами уйдемъ.

Старцы

Послужи царю вѣрою-правдою.

Градъ

Богъ помилуетъ, царь пожалуетъ.

Фарисей

Георгій не преклонился.

Елархъ

Волахъ идетъ. Онъ старецъ твердой воля и крѣпкой любви къ богу. Пусть разсудитъ волахъ.

Старцы

Вотъ человекъ, не чтущій Самаила и не преклонившійся передъ царемъ.

Георгій

Я стоялъ за вѣру крещеную, благословенную, я стоялъ за церкви Божіи, я стоялъ за честные монастыри, я молился Спасу Пречистому, я стерегу мою родину — святую Русь. Я изъ русской большой земли, я отъ блага царя Геронтія, отъ царицы Софіи Премудрой, я сынъ ея. Я непобѣдимый царевичъ Георгій.

Волахъ

Не поклонись, потеряешь голову.

Георгій

Вѣрую въ Господа Распятого, а богу твоему не кланяюсь.

Царь

Что хочу, то сдѣлаю! захочу — огнемъ сожгу, захочу — потоцию въ водѣ. Не уйти тебѣ будетъ ни сухимъ путемъ, ни подою.

Волахъ

Повисоветъ смерти. Огонь, воздухъ, вода и земля пусть истребятъ его.

Царь

Да будетъ казнь.

Смерть ему!

Старцы

Смерть ему!

Градъ

Фарносіѣ

Теперь ты у насъ въ рукахъ, никуда не уйдешь, у насъ шутить не любятъ.

Старцы

Слава Вавилону, слава царю Дадіану!

Градъ

Праведенъ царь и великъ! — О премудрый и прехрабрый царь! — Тутъ стоять не за что и спору чинить не о чемъ! — Онъ не здравствуетъ царскому чѣху! — Не честь, не хвала ему, не выслуга! — Смерть ему! Смерть ему!

Фарносіѣ

Будетъ нынче паръ горой, радуйтесь и веселитесь!

Георгія ведутъ въ темницу.

СЦЕНА 3

ГЕОРГІЙ, ЦАРЕВНА, ПАЛАЧЪ, ЕПАРХЪ

Царевна

Гордый царевичъ, ты прогнѣвалъ царя.

Георгій

Прекрасная царевна, какъ могу я его слушать?

Царевна

Гордый царевичъ, тебя царь казнить.

Георгій

Приму и тысячу казней за вѣру Христову.

Царевна

Ты гордый, ты безстрашный, я такихъ не видала.

Георгій

Вѣрую въ Господа Распятаго, въ Немъ моя сила.

Царевна

Научи царевичъ, я спасу тебя.

Георгій

Буду страдать, — мой Богъ на крестѣ страдалъ.

Царевна

И я хочу пострадать.

Георгій

Вѣруй въ Господа Распятаго. — *(Молится)*. — Безначальне, живоначальне Боже всего міра, почивающій на херувимахъ, сѣдѣщій на вышнихъ и позирающій на всякую тварь, Боже, сотворившій небо и землю и пославшій Духа святаго своего, въ руки Твои предаю духъ мой.

Палачъ

Ну, види, выходи, что ли! Ишь, какой.

Царевна

Поцѣди его, палачъ!

Палачъ

Дѣлю не ваше, царевна. Наше дѣло подначальное, что намъ велятъ, то и дѣлаемъ.

Епархъ

Нечего съ нимъ разговаривать. Куйте ноги, связывайте руки крѣпко, ведите скорѣе.

СЦЕНА 4

СТАРЦЫ, ПАЛАЧЪ, МАСТЕРЪ, ФАРНОСІЙ, ГРАДЪ, ЦАРЕВНА

Старцы

Кто можетъ бороться, кто можетъ тягаться съ царемъ! Ему славу поютъ.

Градъ

Не было еще человѣка, кто бы не преклонился передъ царемъ.

Фарносій

Палачъ идетъ и съ нимъ его мастера съ подмастерьями, ведутъ Георгія къ смертной казни, къ кровавой плахѣ. Что, господа палачи, будетъ нынче работа?

Палачъ

Нашли время. Не успѣешь и по хозяйству справиться. Тоже не какіе-нибудь, все надо честь-честью, такой большой праздникъ.

Что это у васъ за колесо?

Фарносій

На колесѣхъ вертѣть будемъ.

Мастеръ

А это пила что ли?

Фарносій

Тысячезубецъ.

Мастеръ

Да ты мнѣ палець не прищепи.

Фарносій

А вы куда суетесь, не трогайте руками.

Мастеръ

Мальчикъ-факельщикъ, котораго Фарносій дернулъ за ухо, поднялъ ему бороду.

Караулъ! Гдѣ моя борода.

Фарносій

Не кричите! Голова цѣла и то слава Богу.

Мастеръ

Бездѣльникъ, живодеръ.

Фарносій

Какія тащутъ страшныя пытки, посмотришь, — съ мѣста не сойдешь.

Градь

Не пособиете ли моему горю?

Царевна

Что тебѣ надобно, царевна?

Старцы

Оставьте ихъ, спасите его!

Царевна

Полно тебѣ, сама потеряешь голову.

Бабеюжъ

Идешь или не идешь, поведутъ.

Афроніи

Сандрій

Тутъ не выскочишь, тутъ не выпрянешь.

Царевна

Неужто нельзя спасти?

Бабеонъ

Силой возьмутъ, грозой царской заставятъ.

Царевна

Отъ его лица солнечные лучи. Спасите его!

СЦЕНА 5

ВОЛХВЪ, СТАРЦЫ, ГЛАШАТАЙ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, ЦАРЕВНА, БАШЕННЫЕ ОТВѢТЧИКЪ, ЛЕКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ И ЛЕКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ

Глашатай

Казнь идетъ.

Старцы

Волхвъ беретъ книгу волховную. Положилъ въ чашу лютаго зелья — змѣйнаго сала. Но краямъ у чаши ровно ключъ вшитъ, посередкѣ огонь.

Глашатай

Мука огненная.

Волхвъ

Камень отъ огня разгорается, булатъ отъ жара расплавляется, такъ и Георгію сгорѣть въ огнѣ.

Отвѣтчикъ I

Привязываютъ къ дереву. Расклали огня. Жгутъ его на огнѣ. Еще живъ стоитъ. Бьютъ молотомъ по головѣ. Истерзали все тѣло, палатъ до кости.

Лекъ праведныхъ мужей

Пресвятая Мать Богородица, онъ стоялъ за Спаса Вседержителя, за Пресвятую Мать Божью, за честные монастыри, за церква, за вѣру православную.

Отвѣтчикъ I

Мастера ничего не придумаютъ, руки у мастеровъ опускаются. Поетъ стихи херувимскіе. Не беретъ огонь.

Старцы

Не побѣдятъ онъ огня.

Отвѣтчикъ I

Ведутъ къ раскаленной сковородѣ. Положили на сковороду, налагають на голову раскаленный обручъ. Едва духъ изъ немъ полудуется.

Лякъ праведныхъ женъ

Помилуй раба Твоего Георгія, яко благъ и человеколюбецъ!

Отвѣтчикъ I

Золотой вѣнецъ сіяеть на его голови. Живъ и испредимъ. Не беретъ огонь.

Старцы

Не побѣдитъ онъ огня.

Отвѣтчикъ I

Бросили въ кипящій котелъ, въ олово. Варятъ на огнѣ.

Лякъ праведныхъ мужей

Господи Боже нашъ, пославшій росу небесную надъ три отроки и угасивый пламень, заступи и спаси Георгія!

Отвѣтчикъ I

Кипитъ олово, гремитъ, какъ громъ, Георгій поверхъ плаваеть, поминаеть Давида и трехъ отроковъ въ печи вавилонской, поминаеть Давида во рву львовомъ. Не беретъ огонь.

Фарисей

Сапогомъ его самое настоящее дѣло, набрался змѣйнаго духа!

Царевна

Остановите казнь!

Старцы

Волхвъ беретъ стрѣлу.

Глашатай

Мука воздушная.

Волхвъ

Полеги стрѣла по поднебесью, пади не на воду, не на людей, не рой землю до пояса, а пади въ грудь Георгія, разрѣжь ему сердце.

Старцы

Защѣла тетива шелковая, зашипѣла стрѣла.

Царевна

Зашипѣла стрѣла, разлетѣлась въ грудь, расколола мнѣ сердце!

Волхвъ

Какъ вольна птица-стрѣла въ воздухѣ, такъ невольень онъ.

Отвѣтчикъ II

Ведутъ на каменную гору, привязали къ колесу, вертять колесо.

Ликъ праведныхъ мужей

Не попусти, Пресвятая Богородица, сохрани его, Пречистый Спасъ!

Отвѣтчикъ II

Колесо взвертѣлось, въ щепы ломается, подъ колесомъ зазеленѣла трава. Цѣль и невредимъ.

Старцы

Разобьетъ онъ голову.

Отвѣтчикъ II

Повели на Окачь-гору. Схватили за волосы, бросаютъ съ крутокатой горы стремглавъ.

Ликъ праведныхъ женъ

Господь Отець, Сынъ, Святой Духъ, услышите молитву Георгія, не отдайте его на великое мученіе къ царю невѣрному!

Отвѣтчикъ II

Пробуждается, какъ отъ сна, отъ лютой смерти — силы вдвое прибыло.

Старцы

Разобьетъ онъ голову.

Отвѣтчикъ II

Петлю накинули, вѣшаютъ.

Царь

Дани его!

Отвѣтчикъ II

Захлестнулась петля.

Ликъ праведныхъ мужей

Услышь, Господи Боже, его терпѣніе, сошли съ небесъ ангела, подыми его!

Ликъ праведныхъ женъ
Господи, Господи, помилуй его!

Отвѣтъ чикъ II

Вскочилъ на ноги. Цѣлъ и невредимъ.

Какъ это можно?
Фарносій

Остановите казнь!
Царевна

Старцы
Волхвъ сдѣлалъ изъ воска подобіе Георгія. Капаетъ оловомъ прямо на сердце, топять въ водѣ.

Мука водная.
Глашатай

Волхвъ
Какъ тонетъ воскъ въ водѣ, такъ и Георгій потонетъ.

Отвѣтъ чикъ III

Наставили воронку въ ротъ, воду льютъ.

Захлебнется.
Старцы

Ликъ праведныхъ мужей
Господи, помоги ему и исцѣля его. Царь погубить во всемъ свѣтѣ вѣру Христову!

Отвѣтъ чикъ III

Отдышался. Живъ. Не беретъ вода.

Захлебнется.
Старцы

Отвѣтъ чикъ III

Льютъ воду на него по каплѣ.

Ликъ праведныхъ женъ
Спасъ Вседержитель, Пресвятая Мати Божія, Богородица, Никола Можайскій, помилуйте Георгія!

Отвѣтъ чикъ III

Не беретъ вода.

Захлебется.

Отвѣтъчикъ III

Выводятъ на мостъ. Кладутъ въ сѣтъ. Подымають огромный камень, кладутъ къ нему въ сѣтъ. Топятъ.

Ликъ праведныхъ мужей
Невидящія въру христіанскую, будьте посярмлены отъ Господа!

Ликъ праведныхъ женъ
Будте сожжены огнемъ, какъ трава.

Отвѣтъчикъ III

Бѣжитъ вода, камень поверхъ воды плавать. Живъ, не беретъ пода.

Градъ
Какъ царь разгнѣвался! Что это царь закричалъ по звѣршному?

Старцы
Царь склоняеть его лаской и общаніями.

Градъ
Не послушался царя?

Фарносіи
Царь предаеть его скорой смерти.

Старцы
Волхвъ бѣстъ землю.

Глашатай
Мука землю.

Волхвъ
Будъ земля тверда и крѣпка, будъ ему темною тьмою и послѣднимъ концомъ.

Старцы
(Крѣпко сомкнувъ ѣбля). — Аминь. — (И вытирають руки).

Отвѣтъчикъ IV

Пялягъ острыми пилами, разрываютъ тѣло его, въ куски тѣло изрѣзаво, подломилась хребетная кость, раздроблены кости. Солью посыпають раны.

Ликъ праведныхъ мужей
Георгій, Угодникъ Божій, услышана молитва твоа, не бойся, мы съ тобою.

Мы съ тобою!

Отвѣтчикъ IV

Иступилась пила, изнемогли пыльщики. Лицо его не помрачилось. Отъ лица лучи идутъ.

Старцы

Онъ мучается отъ своего безсмертія.

Царевна

Остановите казнь!

Старцы

Задавить земля.

Отвѣтчикъ IV

Вырыли погребъ. Самъ царь кидаетъ его въ погребъ.

Старцы

Задавить земля.

Отвѣтчикъ IV

Покрыли желѣзными досками, прибиваютъ гвоздями, завалили камнемъ, засыпаютъ пескомъ.

Градъ

И земля не беретъ?

Старцы

Задавить земля.

Отвѣтчикъ IV

Не слышно голосу, печезъ съ лица земли.

Старцы

Не слышно голосу.

Волхвъ

Не бывать Георгію на святой землѣ, не видать Георгію бѣлаго свѣта, не слышать колокольнаго Божьяго гласа.

Старцы

Не бывать ему на бѣломъ свѣтѣ, не видать свѣта бѣлаго.

Царевна

Не слышно голоса?

Старцы

Умри сердце.

Царевна

Закружи его пескомъ, сравнила могилу съ землею. Приняла его мать-земля. — Ты какой? Откуда? Чей? Незнамый, невѣдомый, мой женикъ, мой названный братъ!

Царь

Гдѣ же веселые люди, гдѣ скоморохи! Заиграй въ гудочекъ, въ звончатый пере-ладець! Зовите на пиръ. Наливайте чашу до пьива, пейте до суха, чтобы всѣ были сыты — веселы.

Старцы

Славенъ царь Дадіанъ!

Царь

Пейте вина, сколько мочь береть. Всѣхъ кормить до сыта, поить до пьива!

Фарносіѳ

Первая чара для здоровья — окатить сердце, вторая чара для веселья — сердце взвеселить, третья — для безумія.

Ликъ праведныхъ мужей

Ты Боже, Спасъ Милостивый, къ чему рано надъ нами прогнѣвался?

Царь

Будемъ гулять по его смерти до раннего утра, до бѣлой зари!

Старцы

Славенъ царь Дадіанъ!

Градъ

Славенъ царь Дадіанъ!

Царь

Не бывать тебѣ въ бѣлокаменной Москвѣ, не видать бѣлокаменныхъ церквей, не видать свѣта бѣлаго, зари утренней, позднего вечера.

Ликъ праведныхъ женъ

Его страдація такъ велики: ихъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ, ихъ больше, чѣмъ песку на морѣ.

З А Н А В Е С Т Ъ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

ВОИНЫ, ГРАДЪ, СТАРЦЫ, БАШЕННЫЕ ОТВѢТЧИКИ, ФАРНОСИЙ

Воинъ I

Задалъ царь пирь на весь міръ.

Воинъ II

Соляде катится къ западу, день идетъ къ вечеру, пирь на веселье. Пляшутъ на ногахъ, пляшутъ на спинѣ, пляшутъ на животѣ и даже на головѣ.

Воинъ I

Къ ночи всѣ влѣжку полягутъ. Кому будетъ праздникъ встрѣчать?

Воинъ II

Много я ѣздилъ-гулялъ по чужимъ странамъ, а про такое не слыхивалъ.

Воинъ I

А страшно было въ походѣ?

Воинъ II

Привычка. Человѣкъ ко всему привыкаетъ. Ѣдемъ мы разъ по полю и подняло поле голову. Думаемъ себѣ: „А много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба поѣла!“. А голова вдругъ и говоритъ: „И еще много поѣмъ!“. Не обратили вниманія, а потомъ, какъ пересчитались, полку какъ не бывало.

Воинъ I

Цѣлый полкъ!

Воинъ II

Цѣлый полкъ сряпала, проклятая! Да то ли еще бывало! — Ишь какъ кричать!

Воинъ I

Пьянымъ пьяно.

Воинъ II

Что вы за люди и что вамъ надобно?

Градъ

Бѣда, намъ надо видѣть старцевъ.

Воннъ II

Прошу, проходите мимо, здѣсь священное мѣсто.

Градъ

Воины, позовите старцевъ. Намъ надо говорить со старцами.

Воннъ II

Дозовешься! Приходите завтра.

Воннъ I

Да вонъ они свѣшать изъ дворца.

Старцы

Что за шумъ, что за гамъ? — О чемъ ты вопишь и кричишь, Вавилонъ? О чемъ деретесь, чего дѣлаете?

Градъ

Научите насъ, мы погибаемъ. Змѣй заложилъ всѣ колоды и источники.

Старцы

Царь собралъ войско и послалъ укротить Змѣя.

Градъ

Войско не могло встрѣтить Змѣя, вода въ морѣ возмутилась. — Войско ничего не сдѣлало: одни разбѣжались по сараямъ, другіе бросились въ темные лѣса. — Погибло много народа и скота, и слоновъ. — Заложетъ, заглохнетъ дорога въ Вавилонъ. — Не будетъ ухода, не будетъ удорона. — Змѣй не оставитъ и курицы на улицѣ, убьетъ съ перваго до послѣдняго. Пойдите за насъ, поговорите съ царемъ!

Старцы

Мы поговоримъ съ царемъ. Идите по своимъ домамъ.

Фарисій

Поговоримъ! Попробуй, поговори. Радуйтесь и веселитесь!

Отвѣтчикъ I

Змѣй подвиглся.

Отвѣтчикъ II

Подходить къ граду.

Отвѣтчикъ III

Змѣй приближается.

Отвѣтчикъ IV

Змѣинымъ дыханіемъ отравляетъ воздухъ.

Отвѣтчикъ I

Змѣй движется съ шумомъ, какъ буря.

Отвѣтчикъ II

Изъ пасти его валитъ дымъ.

Отвѣтчикъ III

Изъ очей сыплетъ искры.

Отвѣтчикъ IV

Змѣй оглушаетъ своимъ свистомъ.

Градъ

Покажите намъ свою силу, избавьте городъ отъ злого Змѣя!

СЦЕНА 2

СТАРЦЫ, ЦАРЬ, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, ВОЛХВЪ, ЗМѢЙ, БАШЕННЫЕ ОТВѢТЧИКИ,
ГЛАШАТАЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ

Царь

Что это крикъ стонть? что это стонеть стонъ?

Старцы

Позволь слово сказать! Разсуди насъ, развѣдай! Подумай думу! Дай намъ слово!

Царь

Что вамъ надобно?

Старцы

Царь, ты благъ и добръ, а мы погибаемъ. Не оставь насъ. Змѣй поднялся. Змѣй заложилъ колодцы и источники. Змѣй залегъ воду. Змѣй прѣвсть до единого, никого не оставитъ. Змѣй погубитъ весь народъ. Змѣй извѣсть насъ. Люди не могутъ больше терпѣть отъ грозы его и отъ страшной ярости. Люди на побѣгъ бѣгутъ. Вотъ отчего среди пира великая скорбь и печаль, и вопль, и плачь неутѣшенъ, и туга. Прикажи его выслать вонъ или мы оставимъ городъ.

Царь

Я многія земли острастилъ. Я конемъ истопчу его, срублю ему голову.

Старцы

Уйми Змѣя или насъ удали.

Царь

И слаю его и развѣю пенель по чистому полю.

Старцы

Не выйдетъ Змѣй, такъ мы сами выйдемъ.

Царь

Кто мою силу пересмѣтитъ!

Змѣй

Хощу азъ пожрать жертвы!

Крикъ и смятеніе.

Волхвъ

Что случилось? Каковъ несчастье постигло городъ? Разбой ли тутъ или злодѣяніе?

Старцы

Погибаемъ отъ Змѣя. Скажи намъ средство умилюстить разгнѣваннаго Змѣя!

Градъ

Богъ отступилъ отъ насъ!

Ликъ праведныхъ мужей

Такъ наказанъ былъ Содомъ и Гоморра.

Ликъ праведныхъ жень

Такъ погибнетъ Вавлонъ въ своихъ путяхъ погибельныхъ.

Волхвъ

Надо кормить Змѣя зифрями и словами.

Старцы

Онъ хочетъ людей.

Царь

Отдать ему всѣхъ преступниковъ.

Градъ

Волхвъ склонилъ голову! Волхвъ заснулъ.

Старцы

Богъ откроетъ ему волю свою. Онъ скажетъ намъ. Не погубить отъ Змѣя.

Градъ

Спаси, не погуби отъ Змѣя!

Волхвъ

Киньте жребій. Кому вынется, тому и птии на съвденіе.

Градъ

Дадимъ дѣтей нашихъ, избавь отъ Змѣя!

Волхвъ

Киньте жребій. Кому вынется, тому и птии на съвденіе.

Царь

Кладу заповѣдь тяжелую, даю царское слово: я отдамъ чудовищу единственную дочь мою царевну.

Старцы

Да будетъ воля твоя. Эти рѣчи намъ любы.

Градъ

Граду угольны слова царя. Да здравствуетъ царь Дадіантъ.

Волхвъ

Дѣлайте жеребья: кому птии къ Змѣю. Я кину жребій.

Глашатай

Волхвъ удалился въ капще, тамъ онъ кинетъ жребій. Волхвъ мечетъ жеребья.

Куменій

Не мѣ ль птии?

Месій

Выйти къ Змѣю — живу не быть.

Бабсопъ

А что если самого мудраго и надо Змѣю.

Асинахъ

А что если самого дрежняго и надо Змѣю?

Амфроній

Не мѣ ль птии?

Сандрій

И никогда не вернутъся.

Маргоній

Не я ли?

Фариосій

Видно, миѣ пяти. Гдѣ мои золотыя пѣсни, гдѣ мои прежніе дни?

Ликъ праведныхъ мужей

Эта напасть ниспослана за ваши преступленія.

Ликъ праведныхъ женъ

По грѣхамъ вашимъ такъ сдѣлалось.

Змѣи

Хочу азъ пожрать жертвы.

Крикъ и смятеніе.

Волхвъ

Какъ взреку столь страшную тайну. Нашъ богъ явилъ миѣ, что намъ на пользу. Я металъ три жеребья: первое капиное, другое малиновое, третье желтое. Выпалъ жребій царевнѣ.

Старцы

Благодареніе богу нашему, открывшему тебѣ тайну. — *(Граду).* — Жребій палъ на царевну.

Градъ

Царевнѣ вѣсти на съзваніе! Царевна пойдетъ къ Змѣю! Змѣю надобна царевни!

Фариосій

У кого языкъ чистъ, голова того будетъ цѣла. Еще проживемъ на бѣломъ свѣтѣ!

Отвѣтчикъ I

Змѣи усмирися.

Отвѣтчикъ II

Змѣи отходить отъ города.

Отвѣтчикъ III

Змѣи доволенъ.

Отвѣтчикъ IV

Змѣи киваетъ на теремъ царевны.

Градъ

Какъ царь запечалился!

Старцы

Подите, извѣстите царевну.

Царь

Казна моя несчетна, возьмите у меня золота и серебра, оставьте мнѣ дочь!

Старцы

Невозможно отступить отъ слова.

Фарносіѳ

Ты живешь на подножномъ корму, тебѣ это ничего.

Царь

Я многими дарами одарю васъ. Я дамъ вамъ жемчугъ, яхонты, изумруды. Кто пойдетъ ей защитникомъ!

Старцы

Не честь, не похвала тебѣ. Ты долженъ исполнить свое слово ради крѣпости, ради опоры царской власти. Лучше погибнуть одному человеку. Сдайся царь, покорися. Божественное установленіе.

Фарносіѳ

Да идите же, извѣстите царевну.

Царь

Друзья-братья, золотая казна не заперта для васъ, берите, что надобно. Есть у меня красное золото, насыплемъ золота, скатнаго жемчуга.

Старцы

Мы оберегаемъ вѣковые устои. Такъ отцы наши жили и намъ приказали. Стоять Вавилону или не стоять?

Фарносіѳ

Слышишь царь: по Божьему судить — живому быть, по кривдѣ судить — быть убитому.

Царь

Дайте срока до заката солнца.

Отвѣтчики

Солнце опустилось.

Старцы

Солнце опустилось.

Градъ

Солнце опустилось.

Царь

Пощадите ее!

Старцы

Вели убрать царевну въ драгоценный нарядъ и выдать Змѣю. Надѣвъ на нее смертное платье. Укрась ее какъ невѣсту женску.

Царь

Дѣлайте, что хотите.

СЦЕНА 3

СТАРЦЫ, ЦАРЬ, ЦАРЕВНА, ГРАДЪ, ФАРНОСІЙ, ГЛАШАТАЙ, ВѢСТНИКЪ

Глашатай

Вѣстникъ объявилъ царевнѣ.

Вѣстникъ

Она поцѣловала край печи.

Старцы

Она благодаритъ печь за то, что кормила ее.

Фарносій

Всѣ умирають, нѣтъ никого, кто бы вѣчно оставался въ живыхъ.

Градъ

Царь смѣется отъ горя.

Фарносій

Куда дѣвался, откуда явился, этого знать нельзя.

Вѣстникъ

Она ходитъ вокругъ очага, какъ небесная звѣзда.

Фарносій

И никогда не вернется. Уйдетъ въ такое мѣсто, откуда нѣтъ возврата.

Царевна

О горе, горе мнѣ!

Старцы

Упала слезами.

Царевна

Птицы ли вы, звѣри ли вы, люди ли вы, постойте, поговорите со мной. И ты, мой темный лѣсъ — мой вѣрный другъ. Поле мое, чистое поле, дашь, не дашь мнѣ отвѣтъ... За что погибать буду? Прости вольный, бѣлый свѣтъ! О горькое горе — коса моя! А вчера я тебя расчесывала, перевивала золотомъ, изнасадила жемчугомъ. Знаю, сама знаю, расплетать тебя будетъ лютому Змѣю. Стану я со Змѣемъ дѣлать темную ночь. Птицы ли вы, звѣри ли вы, люди ли вы, постойте, поговорите со мной.

Старцы

Разумъ ея твердый, какъ желѣзо, слова ея мягки, какъ вода.

Градъ

Она въ слезахъ не видитъ пути. — Слезы обжигаютъ лицо ей. Верба — красная вѣтвь. — Сердце земли.

Фарносіи

Ахъ, смерть, ты смерть, всегда людей разволнуешь.

Царевна

Мать моя, мать, ты останешься. Зачѣмъ родила ты меня? Родила бы меня сѣрымъ камнемъ, отвесла бы на море: мелкимъ судамъ не было бы ходу, разбились бы большіе корабли. Или лучше бы ты родила дикихъ гусей...

Старцы

Удержи свои горести! Укrotи свое сердце!

Фарносіи

Ничего не подѣлаешь: судьба.

Царевна

Веселыя поля и луга, и вы останетесь. Ты, дорога, по которой хаживала я, и вы мои ровестники, мои друзья, мои подруги, съ кѣмъ я видѣлась, съ кѣмъ разговаривала, и вы останетесь.

Градъ

Некуда ей дѣваться.

Царевна

Гдѣ потухла нынче заря утренняя, тамъ потухнетъ вечерняя. Мой бракъ — смерть, лютый Змѣй — мой женихъ.

Царь

Вѣнчаю тебя царскимъ вѣнцомъ, или. Тяжко мнѣ будетъ одному коротать мой вѣкъ.

Царевна

Вѣрно, мнѣ такъ Богъ судья.

Ликъ праведныхъ мужей
Надѣйся на Спаса Вседержителя, на Господа Распятаго.

Ликъ праведныхъ женъ
Молись Угоднику Георгію, проси его помощи!

Градъ
Земля подъ ней не разступится, а вверхъ не взлетитъ.

Царевна
Не вѣствъ вамъ въ городѣ погябнуть, хотъ погябну я, да только одна. Всему народу скажите низкій поклонъ, ниже того — до самой земли. Куйте, кузнецы, на мою лею и руки и ноги желѣза!

Старцы
Иди, двухъ смертей не будетъ, одной не миновать.

Градъ
Будь покорна, будь послувна.

Праведные мужья и праведныя жены
Иди, Господь съ тобою.

Фарисей
И какъ зѣнцы не упадутъ со слезами, какъ сердце не уврется отъ горести!

Старцы
Кто у насъ будетъ защитникомъ, кто покровителемъ, кто сохранитъ насъ и наше житье!

Градъ
Не обидитъ она ни стараго, ни малаго, не придастъ сердцу раны.

Старцы
Скрылась изъ глазъ, только мы ея и видѣли.

Царь
Запчайте ворота на крюки, двери на крѣпко. Теперь я съ вами управлюсь, не дамъ вамъ пощады, своимъ судомъ судить буду. Я билъ васъ шаровыми палками, буду бить скорпіонами. Я повырублю вамъ головы!

Старцы
Въ томъ твоя воля.

КОНОАРХЪ, ЛИЦЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИЦЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ, СТАРЦЫ,
ГРАДЪ, ЦАРЬ

Кононархъ

Чудная Царица Богородица —

Лицы праведныхъ

Чудная Царица Богородица.

Кононархъ

Услыши молитву родъ своихъ.—

Лицы праведныхъ

Услыши молитву родъ своихъ.

Кононархъ

Прими наши слезы горючія —

Лицы праведныхъ

Прими наши слезы горючія.

Кононархъ

Не лишь насъ царства небеснаго —

Лицы праведныхъ

Не лишь насъ царства небеснаго.

Кононархъ

Избави насъ отъ муки вѣчныя —

Лицы праведныхъ

Избави насъ отъ муки вѣчныя.

Старцы

Опустили долги лѣстницы. Заложили ворота. Задвинули засовы. Закинули чугуныя запоры. Всѣ люди града сошлись видѣть погябель царевны.

Кононархъ

Мученикъ Христовъ, вѣщениосецъ Георгій, весь въ сіяніи предстоящій предъ престоломъ Владыки всѣхъ, сохрани твоими молитвами и заступленіями призывающихъ тебя съ горячею вѣрою и любовію.

Лицы праведныхъ

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Ковонархъ

Твердо и съ терпѣніемъ устремился ты по собственному хотѣнію къ подвигамъ, преблаженный Георгій. Изложилъ вражеское околѣніе мучителей, ты сталъ молитвенникомъ о всѣхъ, притекающихъ къ тебѣ.

Лицы праведныхъ

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Старцы

Посмурило небо. Всколебалось море. Заходила сильная пѣвальня. Змѣй поднялся.

Градъ

Змѣй поднялся.

Старцы

Змѣй выходитъ изъ моря на берегъ къ царевнѣ. Змѣй прыщеть ядомъ, свистить и рыкаетъ грозно. Змѣй хочетъ поглотить царевну.

Градъ

Змѣй хочетъ поглотить царевну.

Старцы

Посыпались берега. Помутилось море. Заметались морскія волны.

Градъ

Какой шипъ, какой ревъ!

Старцы

Змѣй поднялъ голову, разинулъ пасть. Змѣй высунулъ языкъ, наполнилъ ядомъ, готовъ прыснуть ядомъ!

Градъ

Челюстя, какъ пропасти, языкъ, какъ стрѣла.

Старцы

Царевна стала на колѣни. Царевна кличетъ Георгія.

Градъ

Необдимаго Георгія.

Ковонархъ

Ты пришелъ, Господи, и процвѣла, какъ лилія, пустыня — безплодная церковь язычниковъ. Въ ней же и утвердилось мое сердце.

Лица праведныхъ

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Кононархъ

Прославленный, сіяющій вѣдомою страданій, моля, блаженный, Избавителя и Бога избавить отъ всякой нужды благочестно призывающихъ тебя.

Лица праведныхъ

Святый славный великомучениче Георгіе, моли Бога о насъ!

Старцы

Сильный вѣтеръ подулъ. Вѣтра полоса перепѣхнула. Разсыпались пески. Гвозди вынимаются. Доски раскатываются. Мечеть вѣтеръ, разрываетъ, разбрасываетъ. Откатились камни, отомкнулись замки, отпираются двери. Царевичъ Георгій идетъ на выручку!

Градъ

Необходимый царевичъ, спаси царевну!

Старцы

Царевичъ Георгій выходитъ изъ темнаго погребца. Онь на бѣломъ конѣ. Взлетаетъ на воздухъ, устремляется прямо на Змѣя.

Градъ

Необходимый царевичъ, спаси царевну!

Старцы

Змѣй въ ярости сыплетъ искрами, Змѣй пышетъ огнемъ.

Ликъ праведныхъ мужей

О Боже, дай заборону отъ вышняго неба, смилуйся, смилосердуйся, покажи милость Твою, дай ему силы на помощь.

Ликъ праведныхъ женъ

Положивый времена и лѣта, покажи на насъ твоя милости!

Старцы

Змѣй въ страхѣ отступаетъ. Георгій поражаетъ Змѣя. Змѣй погорбился, свился, упалъ передъ царевичемъ, лижетъ ноги ему. Царевичъ побѣдилъ Змѣя!

Градъ

Необходимый царевичъ Георгій побѣдилъ Змѣя!

Ликъ праведныхъ мужей

Кто слышалъ отъ вѣка, кто видѣлъ такія чудеса? Это истинный Богъ хочетъ показать знаменіе черезъ мученика своего Георгія.

Ликъ праведныхъ женъ

Такъ Богъ прославляетъ преславными чудесами.

Градъ

Что съ вашей царевной? — Жива ли царица?

Старцы

Георгій избавилъ царицу отъ смерти. Царица развязываетъ свой шелковый поясъ. Царица вяжетъ Змѣя за шею. Царица ведетъ Змѣя въ городъ.

Градъ

Кроткая, слабая царица ведетъ на своемъ поясѣ страшнаго Змѣя.

Старцы

Бѣгите, бѣгите! Георгій отметитъ намъ. Онъ пуститъ Змѣя на городъ. Онъ идетъ сюда. Онъ разрушитъ жертвенникъ. Бѣгите, бѣгите!

Царь

Берите желѣзные рогатины, колите его! — *(И въ безуміи закалываетъ себя, а на царскомъ мѣстѣ подымается демонъ Саманиль).*

Всѣ съ испуга попадали.

СЦЕНА 5

ГЕОРГІЙ, ДЕМОНЪ САМАНІЛЬ, СТАРЦЫ, ГРАДЪ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ МУЖЕЙ, ЛИКЪ ПРАВЕДНЫХЪ ЖЕНЪ.

Саманиль

Стой!

Ликъ праведныхъ мужей

Мать Пресвятая Богородица, услыши молитвы!

Ликъ праведныхъ женъ

Не выдавай его, Господи, на поруганіе!

Георгій

Во имя Иисуса Христа, скажи, кто ты?

Саманиль

Насъ много, но среди насъ есть одинъ — онъ имѣетъ величайшую силу. Онъ владычествуетъ надъ всѣмъ сонмомъ демоновъ надземныхъ и подземныхъ. Лучше человѣку не видѣть его.

Георгій

Что ты отъ меня хочешь?

Саманлъ

Я былъ тамъ, когда Онъ творилъ небо и отдѣлялъ землю и утверждалъ столпъ земли. Я былъ тамъ, когда Онъ запечатывалъ бездну. Я взялъ страшные громы и молніи, все грозное отъ всѣхъ стихій. И всѣ онѣ — огонь, воздухъ, вода и земля покорились мнѣ. Ты побѣдилъ ихъ, и я вышелъ для тебя.

Георгій

Пустымъ хвастаешь. Ты былъ свергнуть съ неба, чтобы скитаться подъ землею. Тебя поираетъ земля, топчуть тебя человѣческія ноги.

Саманлъ

Я буду служить тебѣ.

Георгій

Ты соблазнилъ Адама и Еву, ты научилъ Кайна убить Авеля, ты довелъ родъ человѣческій до потопа, ты научилъ строить столпъ до небесъ. Ты соблазнилъ чело-вѣка и Богъ истреблялъ его, пока не пришелъ Сынъ Божій — Солнце праведное.

Саманлъ

Ты побѣдилъ огонь, воздухъ, воду и землю. Что тебѣ Праведное Солнце? Иди за мной и станешь самъ Праведнымъ Солнцемъ, больше Солнца Праведнаго, покоришь всю вселенную — надземный міръ и подземный. Я буду служить тебѣ.

Георгій

Запрещаю тебѣ именемъ Господа Бога Нашего Иисуса Христа, ступай прочь на дно преисподнее. Сиди тамъ и мучься въ огнѣ. И проклятъ вслкій, кто послѣдуетъ за тобой! — *(Ударяетъ копьемъ въ жертвенникъ, Саманлъ исчезаетъ, а изъ разсѣченную камня бьетъ источникъ).*

Ликъ праведныхъ мужей

Живоносный источникъ.

Ликъ праведныхъ женъ

Богъ сердецвѣдый явилъ славная и изрядная знаменія своя.

Георгій

Станьте, не бойтесь. Прошла ночь, Богъ день даетъ. Солнце пронзаетъ лучами землю. Если вѣруете во Христа, въ Него же азъ вѣрую, покажу вамъ иносъ чудо и знаменіе и силу Господа Бога моего.

Старцы

Рады мы съ тобой и за тебя. Разрушимъ капище суетнаго идола. Огнемъ вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Георгій

Господи Боже мой, они увидятъ силу и славу Твою и прославятъ Тебя и будутъ вѣтъ вѣру все, яко Ты еси единъ Богъ и развѣ Тебѣ иного не вѣмъ.

Градъ

Вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Старцы

Свѣтлое облако осеняетъ городъ. Облако оставилось надъ городомъ. Онъ креститъ росю небесной.

Градъ

Вѣруемъ въ Отца и Сына и Святого Духа.

Входитъ Царевна со Змѣемъ.

Георгій

Царевнѣ. — Вѣнчаю тебя на царство. — Даю вамъ мой щитъ.

Въ воздухѣ надъ городомъ появляется щитъ.

Лицы праведныхъ

Велчка наша вѣра крещеная, Мать Божья Богородица, Троица нераздѣльная. Ей великую славу до вѣка поютъ.

з а н а в ѣ с ь

*На жертвенникѣ водруженіиѣ столѣ. У стола
Царевна съ крестомѣ.
Вокружѣ жертвенника идуть хороводомѣ юноши
и дѣвы вавилонскіе.*

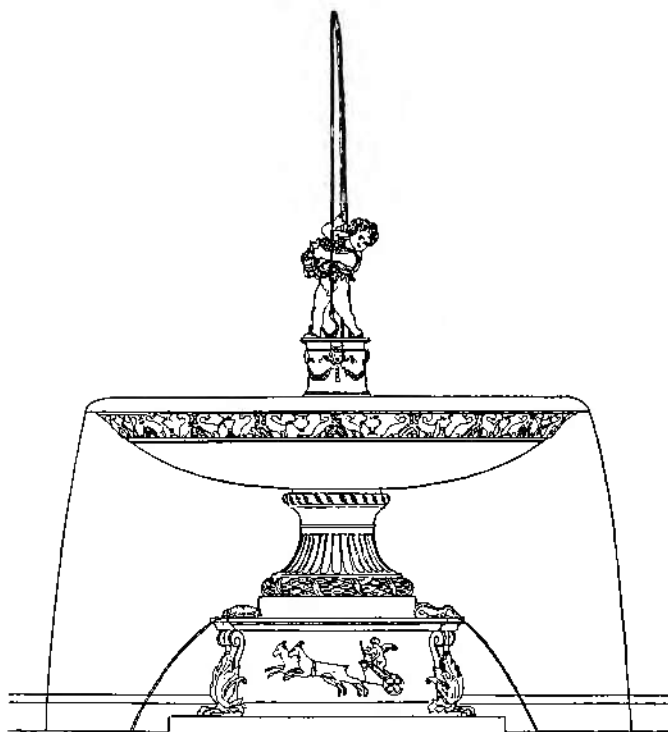
Голоса изъ хорОВОЛА

- Полною мѣрою пролилась радость въ свѣтъ!
- Миновалось горе.
- Мягкій вѣтеръ повѣялъ, расточаетъ веселье.
- Сходятся звѣри, склоняютъ головы.
- Съ неба пала роса, льетъ сладость на весь мѣръ.
- Всѣ деревья одѣлись листьями.
- Звонитъ берегъ, шумитъ луга, зеленѣетъ трава по дорогѣ, расцвѣтаетъ поляна.
- Зеленый въ зеленомѣ вѣнкѣ!
- Ключи въ твоихъ рукахъ, ты отыскаешь небо и выпускаешь росу!
- Ты прочищаешь источники.
- Зыбный пастырь!
- Солнцецелый!
- Всеоживляющій свѣтъ!
- Колесатель оковъ!
- Непобѣдимый и храбрый Георгій!

*Юноши и дѣвы вавилонскіе поютъ стихъ о Георгіи
и храбромѣ.*

Пріѣзжалъ Георгій къ первой заставѣ.
Первая застава — высокая гора.
Говоритъ Георгій высокой горѣ:
— Разойдись гора, гора высокая,
— По всей землѣ, по всей Руси
— Ты на маленькія на горюшки.
Разошлась гора на маленькія,
На маленькія горюшки.
Пріѣзжалъ Георгій ко второй заставѣ.
Вторая застава — огненная рѣка.
Говоритъ Георгій огненной рѣкѣ:
— Разойдись рѣка по всей Руси
— Да на маленькіе на ручейки,
— Да на маленькія на озерушки.
Разошлась рѣка на маленькія,
На маленькія озерушки.
Пріѣзжалъ Георгій къ третьей заставѣ.

Третья застава — змѣя лютой.
Говорилъ Георгій лютому змѣю:
— Ты стань, змѣя, тиха, кротка,
— Тиха, кротка, что скотинушка,
— Пропусти меня къ татарину,
— Пропусти меня къ поганому,
— Отлить мнѣ надо кровь родительскую,
— Отрѣзать голову поганому.
Стала змѣя тиха, кротка,
Пропустила Георгія къ татарину.
И отрѣзалъ Георгій голову
У поганого у татарина.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

Аври де Ренле — Кровь Марсіа, переводъ Макс. Волошина	7
Александръ Блокъ — Два стихотворенія	16
М. Кузминъ — Изъ поэмы 'Новый Ролла'	18
К. Бальмонтъ — Пряжа сновъ, стихотвореніе	22
Андрей Бѣлый — Шутъ, стихотвореніе	23
Н. Гумилевъ — Семь стихотвореній	28
М. Зенкевичъ — Два стихотворенія	33
С. Клычковъ — Бона на разсвѣтѣ, стихотвореніе	36
Н. Клюевъ — Цѣсни, два стихотворенія	37
М. Моравская — Два стихотворенія	39
О. Мандельштамъ — Три стихотворенія	40
Анна Ахматова — Четыре стихотворенія	42
Б. Лившицъ — Два стихотворенія	45
Incitus — Пять стихотвореній	46
Incitus — Sabinula, разсказъ	51
М. Кузминъ — Ванна родника, разсказъ	65
Влад. Эльснеръ — Самсонъ и Далила, разсказъ	79
Сергій Ауслендеръ — Ставка князя Матвѣя, разсказъ	95
А. М. Ремизовъ — Дѣйство о Георгіи Храбромъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и апофеозомъ	117

Виньетки на стр. 21, 22, 36, 160, 162 — А. Б.; на стр. 15, 32, 130 — П. Кузьмина; на стр. 17 — Г. К. Лукомскаго; на стр. 4, 27, 38, 44, 50, 77, 115 — Д. И. Митрохина; на стр. 64, 93 — Г. Нарбуга.

Обложка и фронтисписъ — М. В. Добужинскаго.

АПОЛЛОНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Мойка 24, кв. 6, телеф. 178—69.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ ЛУЧШИХЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ КНИГА:

Кн. Сергѣй Волковскій—,Человѣкъ на сценѣ'. Ея содержаніе: Въ защиту актерской техники; Довѣ Жуанъ и ,Мокрое'; Красота и правда на сценѣ (театръ Макса Рейнгардта); Человѣкъ, какъ матеріалъ искусства; Человѣкъ и ритмъ (система и школа Жака Далькроза). Ц. 1 р. 50 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ И ПЕЧАТАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Вяч. Каратыгинъ —,Творчество Римскаго-Корсакова'.

Монографія о творчествѣ Константина Сомова, роскошное изданіе въ ограничен. колич. экземпляровъ (100 воспроизведеній гелиографіей, фото- и автолитографіей).

Сергѣй Ауслендеръ — Разказы, кн. 2-ая.

Н. Гумилевъ—,Чужое небо' (вторая книга стиховъ).

Матеріалы къ исторіи вандализма въ Россіи. Книга I, подъ редакціей Сергѣя Маковского и бар. Н. Н. Врангеля.

Сергѣй Маковский—,Страницы художественной критики', кн. III.

Баронъ Н. Н. Врангель—,Вѣнокъ мертвымъ' (сборникъ статей).

Подписчикамъ ,Аполлона' книги высылаются съ 25% скидкой. Выписывающіе изъ конторы издательства за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ 30% уступки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ
(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)
НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

АПОЛЛОНЪ

Въ 1912 г. художественно-литературный журналъ 'Аполлонъ' выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля (т. е. 10-ю выпусками), при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, съ большимъ количествомъ репродукцій (въ краскахъ, фото- и автолитоіей и т. д.) произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ (по 40—45 репродукцій въ каждомъ выпускѣ), при чемъ эти иллюстраціи сопровождаются статьями (монографіями) и представляютъ или творчество отдѣльных мастеровъ, или цѣлое художественное направленіе, или выставку, частное собраніе и т. п. Въ журналѣ помѣщаются также статьи общаго характера по вопросамъ живописи, зодчества, скульптуры, поэзіи, литературы, театра, музыки, танца, въ особенности же — статьи, освѣщающія современныя исканія въ области искусства въ связи съ художественнымъ наслѣдіемъ прошлаго.

Въ 1911 г. было помѣщено: на отдѣльныхъ листахъ — 450 автолитоіей, 13 трехцвѣтнокъ, 12 фотогитій — и множество рисунковъ въ текстѣ.

Широко поставленная хроника 'Аполлона' даетъ по возможности полную и современную картину жизни искусства въ Россіи и за границей. Въ теченіе мѣсяцевъ январь — апрѣль и сентябрь — декабрь русская хроника — подъ названіемъ 'Русская Художественная Лѣтопись' — разсылается подписчикамъ два раза въ мѣсяць — каждое 1-ое и 15-ое число (отдѣльно отъ журнала).

Съ осени 1911 г. при 'Аполлонѣ' основано Книгоиздательство. Выписывая книги изданія 'Аполлона' непосредственно изъ Главной Конторы (Мойка, 24, кв. 6, телеф. 178 — 69), подписчики 'Аполлона' пользуются скидкой 25%.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И

на журналъ 'Аполлонъ' вмѣстѣ съ 'Русской Художественной Лѣтописью':

На годъ — 10 р. съ доставк. и пересылк. 9 р. безъ доставк., за границу — 15 р.
На 1/2 — 6 » > > > 5 » > > > > — 8 »

Разрочка: 5 р. при подпискѣ, 3 р. къ 25 Марта, къ 1 Мая — остальное.

'Русская Художественная Лѣтопись' отдѣльно — 4 р. въ годъ.

Цѣна оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ, въ небольшомъ количествѣ, годовыхъ экземпляровъ — 15 р. съ пересылкой. Отдѣльные №№, по цѣнѣ 2 р. за №, поступаютъ въ самомъ небольшомъ количествѣ въ розничную продажу только въ Главной Конторѣ. Иллюстрированные проспекты высылаются Главной Конторой безплатно.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ — С.-Петербургъ, Мойка 24, кв. 6, телеф. 178—69; въ отдѣл. Конторы — Москва, книжн. магаз. 'Образованіе' (Кузнецкій м., д. кн. Гагаринъ), нотный магазинъ 'Россійскаго Музыкальнаго Издательства въ Берлинѣ' (Кузнецкій мостъ, д. бр. Дамгаровыхъ); Кіевъ, книжн. магаз. Издковскаго (Крещатики, 29); Ковно, книжн. магаз. Русскаго; Варшава, кв. т-во 'Оресь', Новый свѣтъ, 70; Саратовъ, книжн. магаз. 'Основа' (Нѣмецкая ул.), въ главныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи, а также во всѣхъ мѣстечкахъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

Издатели: С. К. Маковскій,
М. К. Ушковъ.

Редакторы: Сергій Маковскій,
Бар. Н. Н. Врангель.